

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

2026. Т. 21(1–4), № 3

ISSN 2072-2427
E-ISSN 2687-122X

Научный журнал.

Издается с октября 2006 г. Выходит четыре раза в год.

Учредитель – [федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» \(Академия ФСИН России\).](#)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Реестровая запись СМИ [ПИ № ФС 77-74887 от 21.01.2019.](#)

Главный редактор – [А. П. Скиба.](#)

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.

Е-mail: editor62@yandex.ru.

<https://journals.rcsi.science/2072-2427>

Дата выхода в свет 30.09.2026. Цена свободная.

Тираж 1500 (1-й завод – 32) экз.

Заказ № .

Распространяется на территории Российской Федерации и зарубежных стран.

Все права защищены.

Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Индексация:

[Российский индекс научного цитирования;](#)

[Перечень рецензируемых научных изданий.](#)

[в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.](#)

© Академия ФСИН России, 2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Скиба Андрей Петрович, главный редактор, доктор юридических наук, профессор, декан факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы, Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными, Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, apskiba@mail.ru.

Родионов Алексей Владимирович, заместитель главного редактора, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики, менеджмента, организации производственной деятельности и трудовой адаптации осужденных, Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, avrpost@bk.ru.

Бутенко Татьяна Павловна, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права, Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Россия, butanya1979@yandex.ru.

Громов Владимир Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного, экологического права и криминологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия, gromov_vg@mail.ru.

Детков Алексей Петрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия, kafupik@law.asu.ru.

Ермасов Евгений Викторович, кандидат исторических наук, заместитель директора Департамента государственной политики в сфере уголовно-исполнительной системы, Минюст России; доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права, МГЮА; ведущий научный сотрудник, НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия, vvk6974@yandex.ru.

Иванцов Сергей Вячеславович, доктор юридических наук, профессор, ученый секретарь ученого совета, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, г. Москва, Россия, isv1970@mail.ru.

Кашуба Юрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными, Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия, koshianatol@yandex.ru.

Кийко Николай Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, начальник уголовно-исполнительного факультета, Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, avant_n@mail.ru.

Козаченко Иван Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права, Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Россия, uglaw@yandex.ru.

Кунц Елена Владимировна, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела разработки методологий исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, и изучения пенитенциарной преступности центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы, НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия, 73kuntc@mail.ru.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Маликов Борис Зуфарович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Уфимский юридический институт МВД России, г. Уфа, Россия, malikov_bz@mail.ru.

Малолеткина Наталья Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России, г. Самара, Россия, levkovka707@mail.ru.

Петрянин Алексей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала, Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, г. Нижний Новгород, Россия, petryanin@mail.ru.

Салаев Нодирбек Сапарбаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и противодействия коррупции, Ташкентский государственный юридический университет, г. Ташкент, Узбекистан, nodir-law@mail.ru.

Скаков Айдаркан Байдекович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры организации исполнения наказаний, Костанайская академия МВД Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева, г. Костанай, Казахстан, aidarkan@mail.ru.

Скоморох Олег Александрович, кандидат юридических наук, доктор богословия, профессор кафедры церковно-практических дисциплин, Санкт-Петербургская духовная академия, г. Санкт-Петербург, Россия, skomorokh@mail.ru.

Скрипченко Нина Юрьевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Россия, n.scripchenko@narfu.ru.

Тепляшин Павел Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск, Россия, pavlushat@mail.ru.

Терещенко Татьяна Георгиевна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии, Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь, tati2034@yandex.ru.

Токубаев Зайрулла Сембаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса, Центрально-Казахстанская академия, г. Караганда, Казахстан, zairulla@mail.ru.

Уткин Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия, utkin@ui.tsu.ru.

Шабанов Вячеслав Борисович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь, lawcrim@bsu.by.

Шеслер Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Кузбасский институт ФСИН России, г. Новокузнецк, Россия, sofish@inbox.ru.

EDITORIAL BOARD

Skiba Andrey Petrovich, Editor-in-chief, DSc (Law), Professor, dean of the faculty of scientific and pedagogical personnel training and organization of research work, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia; professor of the penal law and organization of educational work with convicts Department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, apskiba@mail.ru.

Rodionov Alexey Vladimirovich, Deputy Editor-in-chief, DSc (Economics), Associate Professor, professor of department of economics, management, organization of production activities and labor adaptation of convicts, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, avrpost@bk.ru.

Butenko Tatyana Pavlovna, PhD (Law), Associate Professor, head of criminal law department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russia, butanya1979@yandex.ru.

Gromov Vladimir Gennadievich, DSc (Law), Professor, professor of criminal, environmental law and criminology department, Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, Saratov, Russia, gromov_vg@mail.ru.

Detkov Aleksey Petrovich, DSc (Law), Professor, professor of criminal law and criminology department, Altai State University, Barnaul, Russia, kafupik@law.asu.ru.

Ermasov Evgeny Viktorovich, PhD (History), deputy director of the Department of State Policy in the Field of the Penal System, Ministry of Justice of Russia; associate professor of criminology and penal law department, Moscow State Law Institute; leading researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, vvk6974@yandex.ru.

Ivantsov Sergey Vyacheslavovich, DSc (Law), Professor, Academic Secretary of the Academic Council, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia, isv1970@mail.ru.

Kashuba Yuriy Anatolevich, DSc (Law), Professor, professor of penal law and organization of educational work with convicts department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia, koshianatol@yandex.ru.

Kiyko Nikolay Vladimirovich, PhD (Law), Associate Professor, head of penal law faculty, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus, avant_n@mail.ru.

Kozachenko Ivan Yakovlevich, DSc (Law), Professor, Honored worker of science of the Russia, head of criminal law department, Ural State Law University, Ekaterinburg, Russia, uglaw@yandex.ru.

Kunts Elena Vladimirovna, DSc (Law), Professor, chief researcher of department for the development of methodologies for the execution of sentences related to deprivation of liberty and the study of penal crime of the Center for the study of security issues in institutions of the penal system, Scientific Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russia, 73kuntc@mail.ru.

EDITORIAL BOARD

Malikov Boris Zufarovich, DSc (Law), Professor, professor of criminal law and criminology department, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs, Ufa, Russia, malikov_bz@mail.ru.

Maloletkina Natalia Sergeevna, PhD (Law), Associate Professor, head of public law disciplines department, Samara Law Institute of the FPS of Russia, Samara, Russia, levkovka707@mail.ru.

Petryanin Alexey Vladimirovich, DSc (Law), Professor, Director of the Nizhny Novgorod Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russia, Nizhny Novgorod, Russia, petryanin@mail.ru.

Salaev Nodirbek Saparbaevich, DSc (Law), Professor, professor of criminal law, criminology and anti-corruption department, Tashkent State Law University, Tashkent, Uzbekistan, nodir-law@mail.ru.

Skakov Aydarkan Baidekovich, DSc (Law), Professor, professor of execution of sentences organization department, Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Sh. Kabylbayev, Kostanay, Kazakhstan, aidarkan@mail.ru.

Skomorokh Oleg Alexandrovich, PhD (Law), Doctor of Theology, professor of ecclesiastical and practical disciplines department, St. Petersburg Theological Academy, St. Petersburg, Russia, skomorokh@mail.ru.

Skipchenko Nina Yurievna, DSc (Law), Associate Professor, professor of criminal law and procedure department, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, n.skipchenko@narfu.ru.

Teplyashin Pavel Vladimirovich, DSc (Law), Professor, professor of criminal law and criminology department, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia, pavlushat@mail.ru.

Tereshchenko Tatyana Georgievna, PhD (Law), Associate Professor, deputy head of penal law department, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus, tati2034@yandex.ru.

Tokubaev Zairulla Sembayevich, DSc (Law), Professor, professor of criminal law and procedure department, Central Kazakhstan Academy, Karaganda, Kazakhstan, zairulla@mail.ru.

Utkin Vladimir Aleksandrovich, DSc (Law), Professor, Honored lawyer of the Russia, head of penal law and criminology department of Law Institute, National research Tomsk State University, Tomsk, Russia, utkin@ui.tsu.ru.

Shabanov Vyacheslav Borisovich, DSc (Law), Professor, head of criminology department, Belarusian State University, Minsk, Belarus, lawcrim@bsu.by.

Shesler Alexander Viktorovich, DSc (Law), Professor, professor of criminal law disciplines department, Kuzbass Institute of the FPS of Russia, Novokuznetsk, Russia, sofish@inbox.ru.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Миссия журнала

Деятельность учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, играет важную роль в функционировании правоохранительной системы России, а также в обеспечении целостности внутренней политики государства. Уголовно-исполнительное право ориентировано на достижение целей наказания, органично дополняет различные правоотношения в области уголовного права, уголовного процесса, общественного контроля, прокурорского надзора и других форм обеспечения законности при исполнении уголовных наказаний, а также затрагивает сферу управленческих, экономических, психолого-педагогических и иных основ деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. Немаловажное значение имеет исследование международных стандартов и зарубежного опыта в области исполнения уголовных наказаний. В связи с этим журнал «Уголовно-исполнительное право» является площадкой для обсуждения теоретических, правовых, организационных и иных аспектов исполнения уголовных наказаний, а также деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. Журнал посвящен актуальным проблемам теории уголовно-исполнительного права, эффективности и практики его применения, межотраслевым аспектам применения уголовных наказаний, совершенствованию уголовно-исполнительного и иного законодательства, разнообразным аспектам деятельности уголовно-исполнительной системы и других учреждений и органов, исполняющих наказания, а также их взаимодействию с различными органами (организациями). Издание ориентировано на расширение контактов между учеными-пенитенциаристами, специалистами из других отраслей науки России и других государств, занимающимися различными аспектами деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. Рубрики журнала охватывают все основные разделы уголовно-исполнительного права, межотраслевые

Journal mission

The activities of institutions and bodies that execute criminal penalties play an important role in the functioning of the Russian law enforcement system, as well as in ensuring the integrity of the state's internal policy. Penal law is aimed at achieving the goals of punishment, organically complements the various legal relations in the field of criminal law, criminal procedure, public control, prosecutorial supervision and other forms of ensuring the rule of law in the execution of criminal penalties, and also affects the sphere of administrative, economic, psychological, pedagogical and other activities of institutions and bodies executing punishment. The study of international standards and foreign experience in the field of execution of criminal sanctions is of great importance. In this regard, the journal «Penal law» is a platform for discussion of theoretical, legal, organizational and other aspects of the execution of criminal penalties, as well as the activities of institutions and bodies executing punishment. The journal is devoted to actual problems of theory of penal law, efficiency and practice of its application, cross-sectoral aspects of the application of criminal penalties, improvement of penal and other legislation, various aspects of Penal system and other institutions and bodies executing sentences, as well as their interaction with various bodies (organizations). The publication is aimed at expanding contacts between penitentiary scientists, specialists from other branches of science in Russia and other countries involved in various aspects of activities of institutions and bodies executing punishment. The headings of the journal cover all the main sections of penal law, inter-sectoral aspects of the application of criminal penalties, take into account the full range of penal issues. The journal publishes announcements of conferences and other information about scientific and educational life. Specific sections dedicated to the ideas of famous penitentiary scientists, including M. N. Galkin-Vraskoj, N. A. Struchkov and M. P. Melentiev.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

аспекты применения уголовных наказаний, учитывают весь спектр уголовно-исполнительной проблематики. На страницах журнала размещаются анонсы конференций и иные сведения о научной и образовательной жизни. Отдельные рубрики посвящены идеям известных пенитенциаристов, в том числе М. Н. Галкина-Враского, Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева.

Периодичность

4 выпуска в год.

Принципы работы редакции

научно обоснованный подход к отбору, рецензированию и размещению публикаций;

свободный открытый доступ к результатам исследований, использованным данным, который способствует увеличению глобального обмена знаниями;

соблюдение международных этических редакционных правил.

Плата за публикацию

Публикация в журнале бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Авторские права

Авторы, публикующие статьи в журнале, сохраняют за собой авторские права и предоставляют журналу право первой публикации работы, которая после публикации автоматически лицензируется на условиях [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](#), позволяющей другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в журнале.

Политика свободного доступа

Журнал предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Publication Frequency

Quarterly.

Principles of editorial work

scientifically proven approach to selection, review and publication placement;

free and open access to research results, used data, which contributes to increasing of global knowledge exchange;

compliance with international ethical editorial rules.

Publication fee

Publication in the journal is free. The editors do not charge authors for preparation, placement and printing of materials.

Copyright

Authors who publish articles in the journal retain copyright and grant the journal the right to publish the material for the first time, which is automatically licensed after publication on the terms of [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](#). It allows others to distribute this work with the obligatory preservation of references to the authors of the original work and the original publication in the journal.

Free access policy

The journal provides direct open access to its content based on the following principle: free open access to research results contributes to increasing of global knowledge exchange.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Редакция принимает статьи по электронной почте (editor62@yandex.ru) на русском или английском языке при соблюдении следующих требований.

Заглавие

Не более 10–12 слов. Не допускается использование аббревиатур и формул.

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество приводятся полностью, без сокращений. Редакция рекомендует единообразное написание транслитерации ФИО. Редакция использует при транслитерации ФИО стандарт BSI с интернет-сайта <http://translit.net>.

Аффилиация (принадлежность автора к определенной организации). Указываются: организация (место основной работы) – название согласно уставу организации; город – полное официальное название; страна – полное официальное название.

Должность указывается полностью, без сокращений. Адъюнктам, аспирантам, докторантам и соискателям необходимо указывать свой статус и кафедру, к которой они прикреплены, полностью, без сокращений.

Ученые звание и степень указываются полностью, без сокращений.

Индивидуальные номера авторов в системах ORCID, Scopus Author ID.

Контактная информация – e-mail (публикуется в журнале).

Аннотация

Объем: от 250 до 400 слов, определяется содержанием статьи. Включает в себя характеристику темы, объекта, целей, методов и материалов исследования, а также результаты и главные выводы исследования. Целесообразно указать, что нового несет в себе научная статья. Недопускаются аббревиатуры, впервые вводимые термины (в том числе неологизмы). Для статей на русском языке рекомендуется пользоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

Ключевые слова

5–10 слов и (или) словосочетаний. Должны отражать тему, цель и объект исследования.

Текст статьи (объем, структура)

Объем от 40 000 до 60 000 печатных знаков с пробелами. Редакция рекомендует использовать структуру IMRAD для оформления статьи с выделением следующих частей: введение (Introduction); методы (Materials and Methods); результаты (Results); обсуждение (Discussion). Каждая часть должна иметь заголовок (примерно до 5 слов). Данная структура является опорной и может быть адаптирована (расширена и (или) более детализирована) в зависимости от особенностей и логики проведенной исследовательской работы.

Текст статьи (оформление)

Текстовый редактор – MS Word. Поля – 2 см. Шрифт – Times New Roman 14 пт. Интервал – 1,5. Выравнивание – по ширине. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – сверху по центру.

Ссылки в тексте

Приводятся по тексту статьи в квадратных скобках [1, с. 2; 4, с. 7–9], [8, т. 1, с. 216; 9, ч. 2, с. 27–30], нумеруются согласно литературе.

Ссылки на собственные публикации не рекомендуются.

Библиографический список

Оформление по ГОСТ Р 7.05-2008.

Смирнов П. В. Название : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 276 с.

Петров С. Ю., Иванов Р. Б. Название // Название журнала. 2019. № 3. С. 17–19. URL: www.nazvanie.ru (дата обращения: 15.01.2019).

Источники приводятся в порядке их цитирования и не повторяются. У статей указывается интервал страниц (С. 54–59), у книг – общее количество страниц (542 с.).

ARTICLE REQUIREMENTS

The Editorial Board accepts articles by e-mail editor62@yandex.ru in Russian or English, with the observance of the following requirements.

Title

Up to 10–12 words. Abbreviations and formulas in the title of an article are not allowed.

Information about authors

Names are given in full, without abbreviations. The editorial office recommends the uniform spelling of names' transliteration in all articles of the author. The editors transliterate names according to the standard BSI from website <http://translit.net>.

Affiliation. Author's full affiliation (including position, name of the department, faculty and university, address and e-mail address). If the author affiliates him/herself with a public organization or institution, please, supply adequate information on the organization's full title and address.

The position is indicated in full, without abbreviations. Adjuncts, graduate students, doctoral students and applicants must indicate their status and the department to which they are attached, in full, without abbreviations.

Academic title and degree are indicated in full, without abbreviations.

Individual numbers of authors in the following database systems: ORCID, ResearcherID, Scopus Author ID.

An abstract

250–400 words, determined by the content of the article. It includes the characteristics of the researched problem, objectives, research methods and materials of the study, as well as the results and main conclusions of the study. It is advisable to point out the main scientific result of the work. Unencrypted abbreviations, for the first time entered terms (including neologisms) are not allowed. For articles in Russian language it is recommended to use the Interstate standard 7.9–95 «Summary and abstract. General requirements».

Keywords

5–10 words or phrases. The list of basic concepts and categories used to describe the problem under study.

Main body of the article

Structure. The body of the text should be divided into meaningful sections with individual headings (1–5 words) to disclose the essence of this section. Every article should contain Conclusions, where the author(s) are expected to ground meaningful inferences. Implications for a future research might also find their place in Conclusions. The Editorial Board recommends using the IMRAD structure for the article. This structure is reference and can be adapted (expanded and (or) more detailed) depending on the characteristics and logic of the research.

Text of the article (design)

The text may contain tables and figures, which should have separate numbering (one numbering system for tables; another – for figures). They should be placed in the text at the appropriate paragraph (just after its reference).

References in text

References must be in Harvard style. References should be clearly cited in the body of the text, e.g. (Smith, 2006) or (Smith, 2006, p. 45), if an exact quotation is being used.

Excessive and unreasonable quoting is not allowed. Self-citations are not recommended.

Bibliographic list

At the end of the paper the author(s) should present full References in the alphabetical order as follows:

Sources are given in the order of their citation in the text (not alphabetically) and are not repeated. Interval of pages of scientific articles and parts of books must be indicated (pp. 54–59), and in monographs, textbooks, etc. – the total number of pages in the publication (p. 542).

СОДЕРЖАНИЕ

НИКОЛАЮ АЛЕКСЕЕВИЧУ СТРУЧКОВУ И МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ МЕЛЕНТЬЕВУ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

- 356** *Тепляшин П. В.* Научное наследие профессоров Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева: от единства фундаментальной теории к современной уголовно-исполнительной политике

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

- 367** *Никитюк С. М., Акчурина А. В.* Современные тенденции развития уголовно-исполнительного права: опыт апробации научных исследований
- 395** *Уткин В. А.* Пробационные правоотношения

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

- 404** *Кашкаров А. А.* Уголовно-репрессивный инструментарий, предусмотренный уголовными кодексами советского периода

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

- 413** *Головастова Ю. А., Гордополов А. Н.* Трудовая адаптация как ключевой элемент исправления осужденных к принудительным работам
- 423** *Селиверстов В. И.* Об отдельных проблемах участия волонтеров в исправлении (ресоциализации) осужденных

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

- 431** *Рахимбердин К. Х., Гета М. Р., Садыбеков Б. М.* Личность преступника – религиозного экстремиста: штрихи к криминологическому портрету
- 444** *Никитенко И. В.* Криминологические основы моделирования механизма преступного поведения в уголовно-противоправных деяниях экстремистской направленности
- 456** *Орлов В. Н.* Криминологическое законодательство: проблемы и пути совершенствования
- 465** *Петрянин А. В., Петрянина О. А.* Современное состояние и проблемы противодействия торговле людьми, сопряженной с сексуальной эксплуатацией
- 474** *Попова Е. Э.* Криминологическая характеристика лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, в отношении которых применен домашний арест
- 480** *Стебенева Е. В., Скиба А. П.* Феномен коррупции: криминогенность апологии
- 488** *Шадрин В. С.* Стадия возбуждения уголовного дела как «буферная зона» уголовного судопроизводства

НАУЧНАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

- 497** *Шевелева С. В.* Рецензия на второе издание монографии «Направления совершенствования уголовно-исполнительного и иного законодательства в связи с принятием Федерального закона “О пробации в Российской Федерации”» под редакцией доктора юридических наук, профессора Андрея Петровича Скибы
- 501** *Шеслер А. В.* Дискуссионные вопросы уголовно-правовой множественности участников одного преступления

Уважаемые коллеги!

От имени коллектива Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева и от себя лично сердечно поздравляю редакцию журнала «Уголовно-исполнительное право» с 20-летием со дня основания!

С момента своего создания журнал зарекомендовал себя как авторитетное научное издание, играющее значимую роль в развитии уголовно-исполнительного права и смежных отраслей юридической науки. На протяжении двух десятилетий ваша работа способствует консолидации научного сообщества, обмену передовым опытом и формированию актуальных исследовательских направлений.

Особо отмечу высокий профессионализм редакционной коллегии и авторского коллектива журнала. Благодаря вашей компетентности, принципиальности и преданности делу издание публикует глубокие аналитические материалы, отражающие современные тенденции уголовно-исполнительной политики; предоставляет площадку для дискуссий ведущих ученых, практиков и молодых исследователей; формирует методологическую базу для совершенствования законодательства и правоприменительной практики; поддерживает высокие научные стандарты публикаций, соответствующие международным требованиям.

Ваш вклад в развитие юридической науки и образования трудно переоценить: журнал стал надежным источником знаний для преподавателей, студентов, аспирантов и практикующих юристов. Регулярное включение издания в перечень рецензируемых научных журналов Высшей аттестационной комиссии (ВАК) – заслуженное признание вашего труда.

В этот знаменательный юбилей желаю редакции журнала «Уголовно-исполнительное право» дальнейшего процветания и устойчивого развития, новых ярких публикаций и интересных научных проектов, расширения круга авторов и читателей, творческих успехов и неиссякаемого вдохновения, крепкого здоровья, благополучия и профессиональных достижений.

Уверены, что журнал и далее будет являться флагманом научной мысли в сфере уголовно-исполнительного права, а наше сотрудничество будет и впредь плодотворным и конструктивным.

*Ректор Российского государственного
университета правосудия имени В. М. Лебедева
доктор юридических наук
О. Н. Тисен*

Уважаемый Сергей Михайлович! Уважаемый Андрей Петрович!

Академия МВД Республики Беларусь поздравляет Вас и коллектив Академии ФСИН России со значимым событием – 20-летием создания журнала «Уголовно-исполнительное право»!

За прошедшие годы журнал прошел длинный путь и стал научной площадкой для обсуждения теоретических, правовых, организационных и иных аспектов исполнения уголовных наказаний, деятельности органов и учреждений, исполняющих наказания.

Журнал «Уголовно-исполнительное право» ориентирован на расширение контактов между учеными-пенитенциаристами, специалистами не только Российской Федерации, но и других государств, отраслей науки.

В журнале за прошедшие годы опубликованы научные исследования ученых России, Беларуси, Казахстана, Узбекистана и других стран.

Рубрики журнала охватывают все основные разделы уголовно-исполнительного права, межотраслевые аспекты применения уголовных наказаний, учитывают широкий спектр уголовно-исполнительной проблематики.

На страницах журнала размещаются анонсы конференций и иные сведения о научной и образовательной жизни. Отдельные рубрики посвящены идеям известных пенитенциаристов, таких как М. Н. Галкин-Враской, Н. А. Стручков, М. П. Мелентьев.

Желаем не останавливаться на достигнутом, добиваться дальнейших творческих успехов, расширять круг новых интересных тем и талантливых авторов.

*Начальник Академии МВД Республики Беларусь
генерал-майор милиции
А. В. Астрейко*

Уважаемый Сергей Михайлович!

От имени Академии управления Министерства внутренних дел Республики Казахстан и от себя лично примите искренние поздравления с 20-летием научного журнала «Уголовно-исполнительное право».

За два десятилетия журнал прошел путь от специализированного ведомственного издания до авторитетной международной научной площадки, объединяющей ученых, исследователей и практических работников, занимающихся вопросами исполнения уголовных наказаний, развития уголовно-исполнительного законодательства и совершенствования деятельности пенитенциарных учреждений. Научный потенциал публикуемых материалов, актуальность поднимаемых проблем, фундаментальность исследований и их практическая значимость заслуженно обеспечили журналу признание в научном сообществе и укрепили его авторитет среди специалистов в области уголовно-исполнительного права.

Отдельного внимания заслуживает роль журнала в укреплении международных научных связей. Его страницы стали пространством конструктивного профессионального диалога ученых и практиков различных государств, способствуя обмену передовым опытом и формированию современных подходов к решению актуальных задач пенитенциарной науки и практики.

Уверены, что журнал и впредь будет сохранять высокие стандарты научной деятельности, содействовать развитию юридической науки и укреплению профессиональных связей между исследователями наших государств.

Желаем Вам, коллективу Академии ФСИН России, редакционной коллегии журнала крепкого здоровья, благополучия, новых научных достижений, талантливых авторов, благодарных читателей и дальнейшего процветания издания.

*Начальник Академии управления МВД Республики Казахстан
доктор юридических наук, профессор
полковник полиции
Ж. Дильбарханова*

Уважаемый Сергей Михайлович!

Академия правосудия при Высшем судебном совете Республики Казахстан сердечно поздравляет Вас и весь коллектив Академии ФСИН России со знаменательным событием – 20-летием со дня основания научного журнала «Уголовно-исполнительное право»!

За два десятилетия журнал, учредителем которого является возглавляемая Вами Академия, прошел путь от молодого издания до авторитетной научной площадки, на страницах которой обсуждаются актуальные теоретические, правовые и организационные проблемы исполнения уголовных наказаний, совершенствования уголовно-исполнительного законодательства и деятельности пенитенциарных учреждений. Публикации журнала неизменно отличаются высоким научным уровнем, фундаментальностью и практической значимостью, а само издание заслуженно входит в перечень рецензируемых научных изданий и продолжает лучшие традиции отечественной пенитенциарной науки.

Особо отметим значимую роль журнала в укреплении международного научного сотрудничества. Издание стало подлинным связующим звеном между учеными-пенитенциаристами разных государств, объединяя на своих страницах исследователей России, Казахстана, Беларуси, Узбекистана и других стран. Для научного сообщества Казахстана возможность публикации в журнале и участия в научном диалоге на его площадке представляет несомненную ценность.

Желаем коллективу Академии ФСИН России и редакционной коллегии журнала «Уголовно-исполнительное право» новых научных достижений, интересных публикаций, талантливых авторов, благодарных читателей и издательского долголетия!

*Ректор Академии правосудия
при Высшем судебном совете Республики Казахстан
К. Мусин*

**Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)
поздравляет коллектив Академии ФСИН России
со знаменательным событием –
20-летием создания журнала «Уголовно-исполнительное право»!**

За эти годы журнал превратился в авторитетное периодическое издание, на страницах которого обсуждаются актуальные проблемы теории уголовно-исполнительного права, эффективности и практики применения наказаний, межотраслевые аспекты деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. Публикации в журнале отмечены высоким качеством, фундаментальностью изложения материала, глубокой научной и практической значимостью. Опубликоваться в «Уголовно-исполнительном праве» стало престижным для многих специалистов в области пенитенциарной науки.

Журнал продолжает развивать лучшие традиции отечественной пенитенциаристики и сегодня стоит в ряду известных и авторитетных российских периодических изданий по уголовно-правовым наукам.

Сегодня журнал индексируется в РИНЦ, КиберЛенинке, входит в Перечень ВАК и востребован широкой научной и профессиональной аудиторией.

Успех «Уголовно-исполнительного права» – результат огромных усилий учредителя и редколлегии журнала во главе с его бессменным руководителем.

Желаем редакции журнала новых интересных публикаций, творческих успехов и издательского долголетия!

*Директор Иркутского института (филиала)
ВГУЮ РПА Минюста России
кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный юрист Иркутской области
А. В. Бычков*

Уважаемые коллеги и друзья!

Сердечно поздравляю Вас со знаменательной датой – 20-летием со дня основания журнала «Уголовно-исполнительное право»!

За эти два десятилетия ваше издание проделало впечатляющий путь от нового научного начинания до одного из самых авторитетных и цитируемых журналов в системе Минобрнауки и ведущего рупора пенитенциарной науки России. Ваш журнал по праву включен в Перечень ВАК, что подчеркивает его высокий академический статус и ту огромную роль, которую он играет в подготовке научных кадров.

В условиях реформирования уголовно-исполнительной системы и обновления законодательства журнал «Уголовно-исполнительное право» стал надежной трибуной для ведущих ученых-пенитенциаристов и практических работников ФСИН России. На ваших страницах обсуждаются самые злободневные проблемы: от обеспечения прав человека в местах лишения свободы и внедрения международных стандартов до вопросов ресоциализации осужденных и профилактики пенитенциарной преступности.

Отличительные черты вашего стиля – неизменная глубина анализа, верность лучшим традициям российской юридической школы и открытость для молодых исследователей.

В этот юбилейный день позвольте пожелать Вам творческого долголетия, новых научных открытий и реализации самых смелых издательских проектов. Пусть и дальше ваш журнал остается «навигатором» в сложном мире права, способствуя укреплению законности и гуманизма в пенитенциарной сфере.

Крепкого здоровья Вам и всем авторам журнала, неиссякаемой энергии, благополучия и благодарных читателей!

С юбилеем!!!

*Директор Нижегородского филиала
Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации
доктор юридических наук, профессор
А. В. Петрянин*

**Учредителям, членам редакционной коллегии,
авторам и читателям журнала «Уголовно-исполнительное право»**

От Научно-образовательного центра «Проблемы уголовно-исполнительного права» имени Ю. М. Ткачевского юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова примите искренние поздравления с двадцатилетием выпуска периодического научного журнала «Уголовно-исполнительное право»!

Необходимо отметить, что за истекшие двадцать лет журнал, поднимая актуальные научные и практико-ориентированные темы, завоевал передовые позиции в юридической периодике. Вокруг журнала объединился квалифицированный состав постоянных авторов, научные и научно-публицистические статьи журнала с интересом читают как представители научного сообщества, так и практики пенитенциарного дела.

Гарантией высокого качества материалов, находящих отражение на страницах журнала «Уголовно-исполнительное право», является квалифицированная редакционная коллегия, включившая в свой состав авторитетных ученых из России и других зарубежных государств.

Многоуважаемые коллеги и друзья, все, кто причастен к выпуску журнала, его распространению и поддержке, в том числе путем постоянного читательского интереса! С двадцатилетием выхода журнала «Уголовно-исполнительное право»! Надеемся на то, что еще многие годы и десятилетия журнал будет нас радовать интересными публикациями. Желаем журналу развития, расширения читательской аудитории, новых рубрик и открытий в юридической науке!

Почти от «тезки юбиляра», научно-образовательного центра «Проблемы уголовно-исполнительного права», от его коллектива.

*Научный руководитель НОЦ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
В. И. Селиверстов*

Уважаемые коллеги!

Отмечая двадцатилетний юбилей с момента выхода журнала «Уголовно-исполнительное право», примите искренние поздравления с этим знаменательным событием!

Сегодня журнал «Уголовно-исполнительное право» стал авторитетным научным изданием и достойно занимает свое место не только среди известных юридических изданий России, но и достаточно востребован юристами и практическими работниками за рубежом. За двадцатилетний период, информационное поле журнала сформировалось как научная площадка, на которой обсуждаются самые острые и актуальные проблемы уголовного и уголовно-исполнительного права, правоприменительной и судебной практики.

Желаем руководству и коллективу журнала новых интересных замыслов, творческих успехов и издательского долголетия. Пусть ваш коллектив будет дружным и сплоченным, а работа устойчивой и долгосрочной!

*Директор юридического института
Алтайского государственного университета
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник высшего профессионального образования
Российской Федерации,
заслуженный юрист Алтайского края
Е. С. Аничкин*

Уважаемый Андрей Петрович!

Директор Школы права и управления Тюменского государственного университета, а также профессор академического департамента Школы права и управления Тюменского государственного университета, а равно выпускник Рязанской высшей школы МВД России 1994 г., далее адъюнкт Рязанского института права и экономики МВД России, защитивший там в 1997 г. кандидатскую диссертацию, искренне поздравляют Вас и Ваших коллег с интересным и значимым

событием – наступил третий десяток издания журнала «Уголовно-исполнительное право».

Нет сомнений, что данный журнал представляет собой площадку для обсуждения многообразных проблем и аспектов исполнения уголовных наказаний, деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. Более того, стоит отметить, что в вашем журнале рассматриваются общие проблемы уголовно-правовых наук.

Кроме того, издание ориентировано на расширение межгосударственных контактов ученых-пенитенциаристов, занимающихся различными вопросами деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. Рубрики журнала охватывают все основные разделы уголовно-исполнительного права, учитывают весь спектр уголовно-исполнительной проблематики.

Стоит также констатировать, что в рамках конкретных научных работ выделяют актуально-значимые современные проблемы практики и теории реализации уголовных наказаний, исследуются исторические аспекты такого рода дискуссионных явлений, предлагаются весьма значимые и практико-реализуемые предложения по совершенствованию методик исполнения уголовно-правовых и уголовно-исполнительных предписаний современной России.

Издание отличается классическим изложением материала, повышенной степенью редакционно-корректорской правки. Сам вид журнала (печатный и электронный в PDF (Portable Document Format) – универсальном формате) имеет классическое научное обличье, чем привлекает внимание не только представителей соответствующей практической специализации и науки, но и обычных членов общества, которым становится интересно узнать об особенностях уголовно-правовой реализации наказаний. Соответственно, формат читательской аудитории весьма обширный!

В связи с этим заслуживают особого уважения масштабная деятельность редакционной коллегии журнала «Уголовно-исполнительное право» и его главного редактора – доктора юридических наук, профессора Андрея Петровича Скибы.

Хочется пожелать членам редакционной коллегии журнала «Уголовно-исполнительное право» поступления в редакцию новых интересных научно-практических материалов и их публикации, а равно творческих успехов и издательского долголетия!

*Директор Школы права и управления
Тюменского государственного университета
кандидат юридических наук*

И. М. Япрынцева,
*профессор академического департамента
Школы права и управления
Тюменского государственного университета
доктор юридических наук, профессор*
А. В. Сумачев

Дорогие друзья и коллеги!

От имени Юридического института Томского государственного университета сердечно поздравляем коллектив редакции, а также авторов и читателей журнала «Уголовно-исполнительное право» с 20-летием со дня его основания!

За два десятилетия журнал стал одним из ведущих научных изданий в сфере уголовно-исполнительного права, авторитетной площадкой для обсуждения актуальных проблем уголовно-исполнительного законодательства, правоприменительной практики и вопросов пенитенциарной науки. Оставаясь журналом Академии ФСИН России, он объединяет вокруг себя представителей различных научных школ и направлений, независимо от их ведомственной принадлежности, предоставляя трибуну для широких научных дискуссий. Каждый выпуск журнала – заметное событие в современной пенитенциарной науке.

Желаем коллективу редакции новых научных достижений, талантливых авторов, заинтересованных читателей, успешной реализации всех намеченных планов и дальнейшего процветания. С юбилеем! Благополучия, вдохновения и новых успехов!

*Директор Юридического института ТГУ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации*

О. И. Андреева,
*заведующий кафедрой уголовно-исполнительного права
и криминологии Юридического института ТГУ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации*
В. А. Уткин

НИКОЛАЮ АЛЕКСЕЕВИЧУ СТРУЧКОВУ И МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ МЕЛЕНТЬЕВУ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

Научная статья

УДК 343.8

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРОВ НИКОЛАЯ АЛЕКСЕЕВИЧА СТРУЧКОВА И МИХАИЛА ПЕТРОВИЧА МЕЛЕНТЬЕВА: ОТ ЕДИНСТВА ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ ТЕОРИИ К СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Павел Владимирович Тепляшин¹

¹ Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск, Россия, pavlushat@mail.ru

Аннотация. Статья, приуроченная к 20-летию журнала «Уголовно-исполнительное право», посвящена научному наследию профессоров Николая Алексеевича Стручкова и Михаила Петровича Мелентьева. Их творчество представляет собой целостную доктрину, в которой фундаментальные теоретические разработки Николая Алексеевича (самостоятельность отрасли, гуманизм, дифференциация, систематизация процессуальных норм) органично дополняются прикладными исследованиями Михаила Петровича (критерии эффективности, функции исправительно-трудового права). Единство концептуального фундамента и практической архитектуры позволило ученым сформировать научную школу, идеи которой актуальны в условиях современной уголовно-исполнительной политики. На основе ретроспективного анализа их трудов и публикаций в журнале прослеживается сопряженность положений профессоров с концептуальными документами и Федеральным законом «О пробации в Российской Федерации», включая понимание пенитенциарной системы как целостного организма. Сделан вывод о том, что ежегодные конференции памяти профессоров обеспечивают преемственность научных поколений и развитие наследия ученых в законотворческой и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: научная школа, уголовно-исполнительная политика, Н. А. Стручков, М. П. Мелентьев

Для цитирования

Тепляшин П. В. Научное наследие профессоров Николая Алексеевича Стручкова и Михаила Петровича Мелентьева: от единства фундаментальной теории к современной уголовно-исполнительной политике // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21(1–4), № 3. С. 356–366.

DEDICATED TO NIKOLAJ ALEKSEEVICH STRUCHKOV AND MIHAIL PETROVICH MELENT'EV

Original article

THE SCIENTIFIC LEGACY OF PROFESSORS NIKOLAI ALEKSEEVICH STRUCHKOV AND MIKHAIL PETROVICH MELENTYEV: FROM THE UNITY OF FUNDAMENTAL THEORY TO MODERN PENAL POLICY

Pavel Vladimirovich Teplyashin¹

¹ Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russia,
pavlushat@mail.ru

Abstract. The article, dedicated to the 20th anniversary of the journal "Penal law", is devoted to the scientific legacy of professors Nikolai Alekseevich Struchkov and Mikhail Petrovich Melentyev. Their work is an integral doctrine in which the fundamental theoretical developments of Nikolai Alekseevich (independence of the industry, humanism, differentiation, systematization of procedural norms) are organically complemented by the applied research of Mikhail Petrovich (criteria of effectiveness, functions of correctional labor law). The unity of the conceptual foundation and practical architecture allowed scientists to form a scientific school, the ideas of which are relevant in the context of modern penal policy. Based on a retrospective analysis of their works and publications in the journal, the relationship of the professors' positions with conceptual documents and the Federal Law "On Probation in the Russian Federation", including the understanding of the penitentiary system as an integral organism, is traced. It is concluded that the annual conferences in memory of professors ensure the continuity of scientific generations and the development of the legacy of scientists in law-making and law-enforcement activities.

Keywords: scientific school, penal policy, N. A. Struchkov, M. P. Melentyev

For citation

For citation

Teplyashin, P. V. 2026, 'The scientific legacy of Professors Nikolai Alekseevich Struchkov and Mikhail Petrovich Melentyev: from the unity of fundamental theory to modern penal policy', *Penal law*, vol. 21(1–4), iss. 3, pp. 356–366.

В 2026 г. журнал «Уголовно-исполнительное право», издаваемый Академией ФСИН России, отмечает знаменательную дату – свое двадцатилетие. За эти годы журнал стал авторитетной площадкой для обсуждения наиболее актуальных проблем пенитенциарной науки, законодательства и правоприменительной практики. На протяжении этого времени на его страницах с неизменным вниманием и уважением звучат имена профессоров Николая Алексеевича Стручкова и Михаила Петровича Мелентьева – фактически основателей и признанных патриархов отечественной школы уголовно-исполнительного права. Их научные труды, педагогическая и организаторская деятельность стали

тем фундаментом, на котором выросла и продолжает развиваться современная наука уголовно-исполнительного права.

Научное наследие Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева – это не только совокупность блестящих идей и публикаций, но и целостная и эволюционирующая доктрина, которая не потеряла своей актуальности и сегодня. Связующим звеном их учений стало последовательное обоснование самостоятельности и значимости науки, регулирующей исполнение уголовных наказаний.

Так, Николай Алексеевич Стручков внес фундаментальный вклад в развитие общей теории наказания и теоретических основ исправительно-трудового права. Его докторская диссертация «Правовое регулирование исполнения наказания (Основные проблемы советского исправительно-трудового права)» (1963) стала первым и, по сути, эталонным теоретическим исследованием, доказавшим самостоятельность этой отрасли [11]. В последующем, после принятия Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и Союзных Республик 1969 года, он одним из первых обосновал необходимость расширения предмета правового регулирования, предложив включить в него исполнение всех видов наказаний, что, как известно, в итоге привело к переименованию отрасли в уголовно-исполнительное право. По сути, он предвосхитил переход от во многом узковедомственного подхода к общегосударственной уголовно-исполнительной политике. Не менее значим его вклад в разработку принципов уголовно-исполнительного законодательства. В работах Н. А. Стручкова последовательно проводилась мысль о том, что гуманизм – это не «блажь», но императив обновляющегося общества, а наказание, выражаясь в каре (лишениях и страданиях), не является самоцелью. В связи с этим И. А. Давыдова обоснованно указывает, что «Н. А. Стручков теоретически обосновал большинство действующих и в настоящее время принципов уголовно-исполнительного законодательства» [2, с. 117]. Более того, профессор критиковал устаревший «лагерный» подход с его преобладанием запретов над воспитательными целями и призывал к выработке серьезных научных критериев для определения правоограничений поведения осужденных. Эта мысль, высказанная в конце XX века, исключительно созвучна современным задачам гуманизации уголовно-исполнительной системы.

Михаил Петрович Мелентьев, начавший свой научный путь с изучения эффективности исполнения наказания в отношении впервые осужденных, развил идеи своего коллеги и учителя в прикладном аспекте [3]. Он стал одним из первых, кто последовательно ставил вопрос о необходимости разработки системы конкретных критериев для оценки деятельности исправительно-трудовых учреждений, указывая на недопустимость доминирования производственных показателей над целями исправления. Подтверждает этот тезис И. В. Упоров, отмечая, что «М. П. Мелентьев резонно ставил вопрос о том, что действовавший на практике порядок, когда главенствуют производственные показатели, не способствует достижению целей наказания» [14, с. 265]. Действительно, работы ученого по функциям советского исправительно-трудового права [5, 6] заложили основы системного подхода к организации деятельности исправительно-трудовых учреждений. Кроме того, М. П. Мелентьев активно участвовал в разработке проектов нового законодательства, был членом рабочих групп по подготовке УИК РФ и Модельного уголовно-исполнительного кодекса для стран СНГ.

Думается, что сквозная доктрина Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева – это единство теоретических основ (предмет, метод, система права) и практической направленности (эффективность, критерии оценки, реформа законодательства) отрасли права, нормы

Н. А. СТРУЧКОВУ И М. П. МЕЛЕНТЬЕВУ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

которой регламентируют исполнение и отбывание всех видов уголовных наказаний. Их учения гармонично дополняли друг друга: если Н. А. Стручков закладывал концептуальный фундамент, то М. П. Мелентьев разрабатывал архитектуру практического применения этих идей, что и позволило им сформировать целостную научную школу.

Важно отметить, что журнал «Уголовно-исполнительное право» сыграл значительную роль как в фиксации научных позиций ученых, так и в развитии их идей. Начиная с первого номера его страницы стали местом, где идеи Н. А. Струčkова и М. П. Мелентьева обретали новое звучание в контексте меняющегося законодательства. Так, уже в одном из первых номеров журнала в статье Ю. В. Трунцевского и О. В. Пеннина упоминалась научная позиция Н. А. Струčkова о сути и средствах обеспечения изоляции осужденных от общества, что указывает на устойчивый интерес к его творчеству с первых дней основания издания [13, с. 41]. В последующем идеи ученых активно обсуждаются и развиваются на страницах журнала. Например, в статье В. Н. Орлова (2018) обстоятельно рассматривается идея Н. А. Струčkова о необходимости систематизации уголовно-исполнительных процессуальных норм и создания, возможно, в перспективе, уголовно-исполнительного процессуального кодекса. Так, В. Н. Орлов справедливо отмечает, что «концепция, определенная профессором Н. А. Стручковым, – «систематизация уголовно-исполнительных процессуальных норм в отдельную систему» – по истечении почти 40 лет особенно актуальна и наиболее приемлема. Только следуя идее, обозначенной Н. А. Стручковым, возможно разработать и подготовить новый, в принципе другой Уголовно-исполнительный процессуальный кодекс Российской Федерации» [7, с. 9].

Идеи Н. А. Струčkова о гуманизме как общеправовом принципе и необходимости научно обоснованных критериев для установления правоограничений в местах лишения свободы продолжают обсуждаться и находят отражение в современных публикациях, посвященных вопросам содержания осужденных. В частности, в одной из последних статей (2026), опубликованной в журнале, в свете интерпретации идей Н. А. Струčkова отмечается, что «суды часто несправедливо и необоснованно отказывают в удовлетворении ходатайства положительно характеризующимся осужденным, что негативно влияет на их ресоциализацию и дальнейшую социальную адаптацию, не позволяет снизить нагрузку на сотрудников исправительных учреждений, а также противоречит процессу гуманизации уголовно-исполнительной системы, его рациональному подходу к каре» [1, с. 193].

Таким образом, публикации, посвященные памяти профессоров, также являются важной частью их научного наследия. Например, статья Н. Г. Шурухнова и А. В. Акчурина (2022) не только воссоздает биографию Н. А. Струčkова, но и акцентирует внимание на его идеях, в частности, о выделении уголовно-исполнительных процессуальных норм в отдельную систему, о соотношении политики, морали и права в борьбе с преступностью. Так, они справедливо отмечают: «Идеи и мысли профессора Н. А. Струčkова оригинальны, значимы, мудры для настоящего времени. Это относится и к его идее о выделении уголовно-исполнительных процессуальных норм в отдельную систему. Она требует дополнительного изучения и понимания в современных реалиях» [17, с. 433]. В свою очередь, публикация В. И. Селиверстова, хотя и носит более мемуарный и автобиографический характер, также фиксирует вклад Н. А. Струčkова в разработку концепции уголовного наказания, уточнение предмета, обоснование назначения, места и роли исправительно-трудового права как отрасли права и науки [9]. Статья И. В. Упорова, посвященная М. П. Мелентьеву, подчеркивает его заслуги в разработке проблем эффективности ис-

полнения наказания и участие в законотворческой работе [15]. Эти статьи выполняют важную функцию научной преемственности, напоминая молодому поколению исследователей о флагамах отечественной школы уголовно-исполнительного права.

Наиболее ярко актуальность научных идей Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева проявляется в их сопряженности с ключевым документом современной уголовно-исполнительной политики – Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года (далее – Концепция). Так, Концепция закрепляет основные направления совершенствования и развития уголовно-исполнительной системы, а именно повышение ее эффективности, гуманизация и создание системы пробации. В этом документе прослеживается ряд идей профессоров. Во-первых, это гуманизация и соблюдение прав. Ведь, Н. А. Стручков и М. П. Мелентьев четко обозначали данную идею в качестве ключевой в своих фундаментальных исследованиях, утверждая, что гуманизм по отношению к осужденным не может быть второстепенным – это основа правового регулирования исполнения наказаний. Концепция развивает этот тезис, закрепляя в качестве одной из целей «обеспечение прав лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, и гуманизацию условий отбывания наказаний и мер пресечения». Следовательно, принципы, обоснованные профессорами еще в советский период, сегодня получают статус официальной государственной политики, что подтверждает непреходящую ценность их научного наследия. Во-вторых, это дифференциация и индивидуализация. Так, Н. А. Стручков неоднократно подчеркивал, что принцип дифференциации ответственности и индивидуализации наказания обуславливает необходимость учета личности осужденного и конкретных обстоятельств. Он полагал, что дифференцировать наказание и исправительно-трудовое воздействие – значит «установить общие требования не для всех осужденных, а для более или менее однородных их групп... классифицировать осужденных» [12, с. 177]. В свою очередь, М. П. Мелентьев утверждал, что «к разным категориям преступников в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенных ими преступлений и прошлой преступной деятельности должен применяться различный объем карательного воздействия, а воспитательная работа с ними должна строиться с учетом типологических особенностей их личности – степени социально-педагогической запущенности, возраста, направленности антиобщественной установки личности, возраста и других психолого-педагогических особенностей» [16, с. 30]. Концепция предусматривает «учет особенностей содержания отдельных категорий осужденных, подозреваемых и обвиняемых», что является практической реализацией этого подхода. В-третьих, это эффективность и критерии оценки функционирования уголовно-исполнительной системы. Так, М. П. Мелентьев последовательно выступал за разработку системы конкретных критериев для оценки деятельности исправительно-трудовых учреждений, утверждая, что доминирование производственных показателей мешает достижению целей наказания. Концепция предусматривает «установление основных показателей эффективности деятельности уголовно-исполнительной системы», включая показатели, связанные с соблюдением прав осужденных, развитием производства и медицинским обеспечением.

Важное методологическое значение для современной науки уголовно-исполнительного права имеет корректное определение понятийного аппарата, в частности, термина «пенитенциарная система». В научной литературе и правоприменительной практике нередко наблюдается смешение этого понятия с более узким – «система учреждений, исполняющих лишение свободы». Прежде всего, использование термина «пенитенци-

арная система» является обоснованным по двум причинам. Во-первых, оно акцентирует цивилизационный и исторический подход к исследованию вопросов обращения с осужденными, находящимися в местах лишения свободы, позволяя рассматривать эволюцию пенитенциарных институтов в контексте развития общественных отношений, правосознания и международных стандартов. Это особенно важно при изучении трансформации отечественной уголовно-исполнительной системы от карательной модели к модели, ориентированной на ресоциализацию осужденных. Во-вторых, данный термин подчеркивает системный характер учреждений, исполняющих уголовные наказания, связанные именно с изоляцией от общества, и не ограничивается лишь их перечнем или территориальным размещением. В связи с этим принципиальное значение приобретает позиция М. П. Мелентьева, который в своих работах последовательно отстаивал комплексное понимание пенитенциарной системы. Ученый справедливо отмечал, что «пенитенциарная система – это не система размещения заключенных в тюрьмах, а вся исправительная система, связанная с исполнением наказания в виде лишения свободы, в совокупности со средствами и методами правового воздействия на осужденных лиц, с целью восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений» [4, с. 16]. Данное определение, сформулированное еще в советский период, не только не утратило своей актуальности, но и приобрело новое звучание в свете современных задач, стоящих перед уголовно-исполнительной системой России. Так, М. П. Мелентьев в своем определении акцентирует внимание на трех ключевых аспектах. Во-первых, целостность системы – она не сводится к совокупности учреждений, а представляет собой органическое единство институциональной структуры, правовых средств и методов воздействия. Во-вторых, функциональная направленность – пенитенциарная система не существует сама по себе, она подчинена достижению целей, установленных уголовно-исполнительным законодательством: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. В-третьих, правовой характер воздействия, что подчеркивает его регулируемость нормами права и исключает произвол в применении мер принуждения.

Таким образом, понимание пенитенциарной системы, предложенное М. П. Мелентьевым, является не только теоретической конструкцией, но и методологической основой для исследования и совершенствования всей системы исполнения наказаний. Оно позволяет рассматривать учреждения, исполняющие лишение свободы, не изолированно, а в их взаимосвязи с правовыми, организационными и воспитательными механизмами, что особенно важно при реализации Концепции и развитии института probation.

Следует отметить, что принятие Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон о пробации) и развитие системы пробации – это прямая проекция идей профессоров о ресоциализации и социальной адаптации как конечных целях уголовного наказания. Так, Н. А. Стручков уделял значительное внимание проблеме адаптации освобожденных, потерявших семьи, жилье, подвергающихся дискриминации при трудоустройстве, что влияло на рецидивную преступность. М. П. Мелентьев участвовал в разработке проектов законодательства, которые закладывали основы для подобных институтов. В определенном смысле принятие данного Закона является не чем иным, как материализацией теоретических разработок профессоров Н. А. Струčkова и М. П. Мелентьева.

Важнейшим элементом сохранения и развития научного наследия профессоров являются традиционные ежегодные международные научно-практические конференции «Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний», проводимые кафедрой уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными Академии ФСИН России. Уже более двух десятилетий эти конференции служат площадкой для обсуждения самых острых проблем пенитенциарной науки. Как отмечается в статьях-отчетах о конференциях, их тематика неразрывно связана с решением проблем, которые ранее были обозначены Н. А. Стручковым и М. П. Мелентьевым. Например, конференция, прошедшая 12 апреля 2024 г., была посвящена вопросам ресоциализации лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы. Это прямое продолжение идей Н. А. Стручкова о пост-пенитенциарной адаптации и необходимости взаимодействия различных государственных органов, на что он указывал еще в 1970-х годах. Участники конференции, включая ведущих ученых-пенитенциаристов и практических работников, обсуждали проблемы пробации и ресоциализации, что свидетельствует о живой преемственности научных традиций [10].

Наследие профессоров также реализуется в деятельности их учеников, многие из которых занимают руководящие посты в правоохранительных органах и возглавляют научные школы. По меткому замечанию С. Н. Пономарева, хорошо знавшего Н. А. Стручкова, Николай Алексеевич «являл для адъюнктов (в основном из глубинки) пример интеллигентного, фундаментально образованного, знающего несколько европейских языков, внимательного и скромного человека» [8, с. 104]. Сам факт присвоения имени Н. А. Стручкова кафедре уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными Академии ФСИН России и дискуссии о присвоении его имени всей академии [8, с. 105] говорит о его непререкаемом авторитете и глубоком уважении к его научному и человеческому подвигу.

На основе анализа научного наследия Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева представляется возможным сформулировать ряд предложений, направленных на дальнейшее совершенствование уголовно-исполнительного законодательства и соответствующей практики.

1. Реализуя идею Н. А. Стручкова о систематизации уголовно-исполнительных процессуальных норм, считаем целесообразным разработать и обсудить на уровне научной общественности проект Уголовно-исполнительного процессуального кодекса Российской Федерации. Это позволит детально регламентировать процедуры применения мер поощрения и взыскания, порядок изменения условий отбывания наказания, рассмотрения ходатайств об условно-досрочном освобождении и другие процедуры, что повысит гарантии прав осужденных и создаст прозрачную правоприменительную практику.

2. Развивая идеи М. П. Мелентьева о необходимости дифференциации Н. А. Стручкова о принципах гуманизма, следует пересмотреть имеющуюся систему классификации осужденных и условий отбывания наказания. Так, необходимо минимизировать субъективный фактор, внедрив четкие, формализованные критерии для перевода осужденных из одних условий в другие, основанные на оценке степени исправления и социальной опасности, что будет способствовать реализации принципа справедливости и соразмерности.

3. В рамках положений Концепции и Федерального закона о пробации предлагается разработать и внедрить в систему оценки деятельности исправительных учреждений и

Н. А. СТРУЧКОВУ И М. П. МЕЛЕНТЬЕВУ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

уголовно-исполнительных инспекций комплексные показатели, отражающие эффективность пробационной деятельности. Это позволит перейти от оценки «производственного» успеха к оценке социальной эффективности деятельности уголовно-исполнительной системы вкупе с широким спектром субъектов пробации, что является прямым наследием воззрений М. П. Мелентьева.

4. Учитывая междисциплинарный характер современной уголовно-исполнительной деятельности (право, педагогика, психология, социальная работа) и следуя идее Н. А. Стручкова о необходимости подготовки юристов с хорошим знанием педагогики и психологии, предлагаем усовершенствовать образовательные программы ведомственных вузов, сделав больший акцент на социальную работу, методы преодоления криминальной субкультуры и технологии ресоциализации. Такая подготовка крайне необходима для эффективной реализации института пробации, особенно в сфере постпенитенциарной работы.

Таким образом, научное наследие профессоров Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева представляет собой уникальную и самодостаточную доктрину, которая выдержала испытание временем. Их идеи о гуманизме, дифференциации, научно обоснованных критериях эффективности и необходимости комплексного подхода к ресоциализации не утратили, а напротив, обрели новое звучание в условиях современной уголовно-исполнительной политики. Особую методологическую ценность имеет предложенное М. П. Мелентьевым понимание пенитенциарной системы не как простой совокупности учреждений для размещения заключенных, а как целостного организма, включающего в себя средства и методы правового воздействия, направленные на достижение целей восстановления социальной справедливости, исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений. Данный подход, сформулированный ученым еще в советский период, задает верный вектор для понимания сущности и задач современной уголовно-исполнительной системы, позволяя рассматривать ее институты в их единстве и взаимосвязи.

Двадцатилетие журнала «Уголовно-исполнительное право» – это не только повод подвести итоги, но и возможность подтвердить верность лучшим традициям академической школы, основанной этими учеными. На протяжении всех двадцати лет своего существования журнал остается той площадкой, где идеи Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева сохраняются и получают дальнейшее развитие в работах их последователей. Продолжая их дело, мы не только храним память о великих учителях, но и конструктивно развиваем их идеи, адаптируя их к современным вызовам и задачам, стоящим перед Федеральной службой исполнения наказаний.

Ежегодные конференции памяти профессоров Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева являются тому ярким подтверждением, формируя живую ткань научной преемственности и объединяя исследователей разных поколений вокруг общих проблем пенитенциарной науки. Включение их идей в современные законодательные акты, такие как Федеральный закон о пробации, и программные документы, включая Концепцию, служит залогом дальнейшего развития уголовно-исполнительной системы России на гуманных, научно обоснованных и социально ориентированных принципах. Научная школа, заложенная Н. А. Стручковым и М. П. Мелентьевым, продолжает жить и работать, обеспечивая преемственность поколений исследователей и практиков, которые своим трудом ежедневно доказывают, что идеи великих ученых не уходят в прошлое – они становятся фундаментом будущего.

Список источников

1. Борсученко С. А. Научные идеи Николая Алексеевича Стручкова и проблемы их реализации в современных условиях // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21(1–4), № 2. С. 190–197.
2. Давыдова И. А. Теоретические проблемы правового регулирования исполнения уголовных наказаний в трудах Н. А. Стручкова и современное уголовно-исполнительное право // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 25(1–4), № 2. С. 115–119.
3. Мелентьев М. П. (1931–2004). Избранные труды (к 75-летию со дня рождения). Рязань : Академия ФСИН России, 2007. 210 с.
4. Мелентьев М. П. Возникновение и развитие пенологии и пенитенциарной науки : лекция. Рязань : РИПЭ Минюста России, 2000. 49 с.
5. Мелентьев М. П. Функции советского исправительно-трудового права и механизм их осуществления. М. : ВНИИ МВД СССР, 1980. 132 с.
6. Мелентьев М. П. Функции советского исправительно-трудового права и механизм их реализации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1980. 345 с.
7. Орлов В. Н. Идеи профессора Н. А. Стручкова и перспективы развития уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 13(1–4), № 1. С. 8–13.
8. Пономарев С. Н. Жизнь – повседневное служение (95-летию профессора Н. А. Стручкова и 20-летию присвоения его имени кафедре уголовно-исполнительного права посвящается) // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 25(1–4), № 2. С. 103–106.
9. Селиверстов В. И. Ученый, воин, педагог: к 100-летию со дня рождения профессора Николая Алексеевича Стручкова (13.02.1922–15.11.1989) // Вестник Самарского юридического института. 2022. № 1(47). С. 9–4.
10. Скиба А. П., Петрянин А. В., Коробова И. Н. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний» памяти профессоров Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева по вопросам ресоциализации лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы (12 апреля 2024 г.) // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19(1–4), № 2. С. 172–180.
11. Стручков Н. А. Правовое регулирование исполнения наказания (Основные проблемы советского исправительно-трудового права) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1962. 655 с.
12. Стручков Н. А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью. Саратов, 1970. 271 с.
13. Трунцевский Ю. В., Пеннин О. В. Проникновение запрещенных предметов в учреждения, исполняющие наказания в виде лишения свободы, как нарушение деятельности данных учреждений // Уголовно-исполнительное право. 2006. № 1. С. 41–46.
14. Упоров И. В. Не жалея себя: штрихи к портрету ученого М.П. Мелентьева // Наукосфера. 2021. № 1. С. 262–266.
15. Упоров И. В. Профессор М. П. Мелентьев и развитие в России науки исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) права // Современная научная мысль. 2016. № 4. С. 303–309.
16. Шмаров И. В., Мелентьев М. П. Дифференциация исполнения наказания в исправительно-трудовых учреждениях. Пермь, 1971. 167 с.
17. Шурухнов Н. Г., Акчурин А. В. От специального курса тюремоведения к науке уголовно-исполнительного права: научное наследие Николая Алексеевича Стручкова // Уголовно-исполнительное право. 2022. Т. 17(1–4), № 4. С. 426–436.

References

1. Borsuchenko, S. A. 2026, 'Scientific ideas of Nikolai Alekseevich Struchkov and the problems of their implementation in modern conditions', *Penal law*, vol. 21(1–4), iss. 2, pp. 190–197.
2. Davydova, I. A. 2017, 'Theoretical problems of legal regulation of the execution of criminal penalties in the works of N. A. Struchkov and modern penal enforcement law', *Penal law*, vol. 25(1–4), iss. 2, pp. 115–119.
3. Melentyev M. P. (1931–2004). *Selected works (dedicated to the 75th anniversary of his birth)* 2007, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.
4. Melentyev, M. P. 2000, *The emergence and development of penology and penitentiary science: lecture*, Ryazan.
5. Melentyev, M. P. 1980, *The functions of Soviet correctional labor law and the mechanism of their implementation*, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, Moscow.
6. Melentyev, M. P. 1980, *The functions of Soviet correctional labor law and the mechanism of their implementation: Sc.D thesis (Law)*, Moscow.
7. Orlov, V. N. 2018, 'The ideas of Professor N. A. Struchkov and the prospects for the development of penal law', *Penal law*, vol. 13(1–4), iss. 1, pp. 8–13.
8. Ponomarev, S. N. 2017, 'Life – daily service (dedicated to the 95th anniversary of Professor N. A. Struchkov and the 20th anniversary of his naming to the Department of Penal law)', *Penal law*, vol. 25(1–4), iss. 2, pp. 103–106.
9. Seliverstov, V. I. 2022, 'Scientist, warrior, teacher: on the 100th anniversary of the birth of Professor Nikolai Alekseevich Struchkov (13.02.1922–15.11.1989)', *Bulletin of the Samara Law Institute*, iss. 1(47), pp. 9–4.
10. Skiba, A. P., Petryanin, A. V. & Korobova, I. N. 2024, 'International scientific and practical conference "Actual problems of penal enforcement law and execution of punishments" in memory of professors N. A. Struchkov and M. P. Melentyev on the issues of resocialization of persons released from institutions of the penal system (April 12, 2024)', *Penal law*, vol. 19(1–4), iss. 2, pp. 172–180.
11. Struchkov, N. A. 1962, *Legal regulation of the execution of punishment (the main problems of Soviet correctional labor law): Sc.D thesis (Law)*, Moscow.
12. Struchkov, N. A. 1970, *Soviet correctional labor policy and its role in the fight against crime*, Saratov.
13. Truntsevsky, Yu. V. & Pennin, O. V. 2006, 'Penetration of prohibited objects into institutions executing sentences of imprisonment as a violation of the activities of these institutions', *Penal law*, iss. 1, pp. 41–46.
14. Uporov, I. V. 2021, 'Not sparing oneself: strokes to the portrait of the scientist M.P. Melentyev', *Naukosfera*, iss. 1, pp. 262–266.
15. Uporov, I. V. 2016, 'Professor M. P. Melentyev and the development of the science of correctional labor (penal) law in Russia', *Modern scientific thought*, iss. 4, pp. 303–309.
16. Shmarov, I. V. & Melentyev, M. P. 1971, *Differentiation of punishment in correctional labor institutions*, Perm.
17. Shurukhnov, N. G. & Akchurin, A. V. 2022, 'From a special course in prison studies to the science of penal law: the scientific legacy of Nikolai Alekseevich Struchkov', *Penal law*, vol. 17(1–4), iss. 4, pp. 426–436.

Информация об авторе

П. В. Тепляшин – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии.

Information about the author

P. V. Teplyashin – Sc.D (Law), Professor, professor of the criminal law and criminology department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 04.07.2026; одобрена после рецензирования 08.08.2026; принята к публикации 22.09.2026.

The article was submitted 04.07.2026; approved after reviewing 08.08.2026; accepted for publication 22.09.2026.

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Научная статья
УДК

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА: ОПЫТ АПРОБАЦИИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Сергей Михайлович Никитюк^{1,2}, Александр Владимирович Акчурин^{1,3}

¹ Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия

² academy@apu.fsin.gov.ru

³ akchur79@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются опыт апробации научных исследований в области исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, функционирования учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, реализации института пробации. На примере журнала «Уголовно-исполнительное право» выявляется роль современного научного издания в освещении актуальных проблем правоприменения в сфере исполнения уголовных наказаний, формирования законодательных инициатив, обсуждения общественно значимых законопроектов, проведения разъяснительной работы учеными и экспертами в сфере правового просвещения, изучении и распространении зарубежного пенитенциарного опыта, популяризации деятельности научных школ и ведущих ученых-пенитенциаристов.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное право, уголовно-исполнительное законодательство, пенитенциарная наука, исполнение уголовных наказаний, пробация

Для цитирования

Никитюк С. М., Акчурин А. В. Современные тенденции развития уголовно-исполнительного права: опыт апробации научных исследований // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21(1–4), № 3. С. 367–394.

THEORY OF PENAL LAW

Original article

CURRENT TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF PENAL LAW:
THE EXPERIENCE OF SCIENTIFIC RESEARCH APPROBATIONSergey Mikhailovich Nikityuk^{1,2}, Alexander Vladimirovich Akchurin^{1,3}¹ Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia² academy@apu.fsin.gov.ru³ akchur79@yandex.ru

Abstract. The authors of the article analyze the experience of testing scientific research in the field of the execution of criminal penalties and other measures of a criminal-legal nature, the functioning of institutions and bodies of the penal system, the implementation of the institute of probation. Using the example of the journal "Penal Law", the role of a modern scientific publication in highlighting topical issues of law enforcement in the field of criminal punishment, the formation of legislative initiatives, the discussion of socially significant draft laws, the conduct of explanatory work by scientists and experts in the field of legal education, the study and dissemination of foreign penitentiary experience, the popularization of scientific schools and leading scientists-penitentiaries.

Keywords: penal law, penal legislation, penitentiary science, execution of criminal penalties, probation

For citation

Nikityuk, S. M. & Akchurin, A. V. 2026, 'Current trends in the development of penal law: the experience of scientific research approbation', *Penal law*, vol. 21(1–4), iss. 3, pp. 367–394.

Исследуя вопросы теории и практики, авторы часто сталкиваются в последующем с необходимостью апробации своих идей, представляя их на суд научной общественности. Исторически проверенной формой подобной апробации является публикация различных научных трудов, среди которых самой массовой разновидностью является, безусловно, научная статья. Именно этот вид публикации на сегодняшний день стал фактически ключевой формой подтверждения уровня научной компетенции в той или иной области человеческого познания. При этом, несмотря на фундаментальность исследования, не монографиям и диссертациям сейчас отдается предпочтение для определения специалистов, необходимых для включения в диссертационный совет, привлечения в качестве оппонента, поиска компетентной ведущей организации, способной оценить результат диссертационного исследования, а именно статьям. Вместе с тем стал заметен рост требовательности к качеству как самих научных статей, так и периодических изданий, в которых они публикуются.

Формирование в Академии ФСИН России научных школ и заложение основ своеобразного научно-методического центра, специализирующегося на исследовании проблем исполнения уголовных наказаний, связывается в значительной степени с получением ей в 1970 г. статуса высшей школы. Более двадцати лет потребовалось на

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

создание прочной основы для проведения соответствующих научных исследований, результаты которых позволили создать постоянную площадку, где можно было бы их размещать для ознакомления научной общественности с новыми авторскими идеями, ожидая критических оценок, организуя последующие научные дискуссии и обеспечивая тем самым апробацию полученного нового научного продукта. В 1992 г. был зарегистрирован первый научный журнал академии – «Человек: преступление и наказание», целью которого стало освещение на своих страницах многообразия тех человеческих проблем, которые проявляются в связи с совершенным преступлением или в процессе отбывания наказания [1, с. 125]. Постепенно публикациям в области исправительно-трудового права становилось тесно в том объеме статей, которые касались проблем, связанных с преступлением и наказанием (общеправовые, отраслевые, межотраслевые вопросы права, управленческие, психолого-педагогические, социально-экономические и иные).

Период социально-экономического и политико-правового реформирования, в который вошло наше государство, не мог не отразиться на вопросах научного обеспечения деятельности учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания. В 1993 г. был принят основополагающий нормативный правовой акт, заложивший основу для успешного функционирования современной уголовно-исполнительной системы, – Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-I «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (в последующем название получило новую редакцию «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»). В 1997 г. обновляется кодифицированный федеральный закон, определяющий основы исполнения уголовных наказаний, – принимается Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (8 января 1997 г. № 1-ФЗ). С сентября 1998 г. уголовно-исполнительная система передается из ведения МВД России в ведение Минюста России (на основании Федерального закона от 21 июля 1998 г. № 117-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с реформированием уголовно-исполнительной системы», указов Президента Российской Федерации от 8 октября 1997 г. № 1100 «О реформировании уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации» и от 28 июля 1998 г. № 904 «О передаче уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации в ведение Министерства юстиции Российской Федерации»). 13 октября 2004 г. выходит Указ Президента РФ №1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний», который окончательно утверждает Положение о Федеральной службе исполнения наказаний и закрепляет ее статус в качестве федерального органа исполнительной власти, подведомственного Минюсту России.

Произошедшие изменения повлекли за собой появление вместо исправительно-трудового права нового – уголовно-исполнительного. Все это обусловило необходимость дальнейшего закономерного развития ведущего ведомственного вуза – Академии ФСИН России, одним из направлений которого стало расширение издательского дела.

Н. И. Булаев, занимавший в то время пост Председателя Комитета Государственной Думы по образованию и науке, в связи с этим отметил, что «накопившиеся проблемы в области пенитенциарного права, значимость данной отрасли российского законодательства и повышение ее авторитета» фактически обусловили необходимость создания отдельного журнала [2].

Свидетельством о регистрации средства массовой информации от 14 октября 2005 г. ПИ № ФС77-22078 был подтвержден факт учреждения Академией ФСИН России нового научного журнала – «Уголовно-исполнительное право». В 2006 г. издается первый его номер, открывая который П. В. Крашенинников, доктор юридических наук, профессор, Председатель Комитета Государственной Думы Российской Федерации по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству, выразил уверенность в способности нового журнала сосредоточиться на рассмотрении не только фундаментальных вопросов уголовно-исполнительного права, но и пограничных проблем иных отраслей права, экономики, психологии, педагогики и управления [3]; а В. А. Васильев, Председатель Комитета Государственной Думы Российской Федерации по безопасности, выразил надежду на то, что среди авторов журнала будут прежде всего те, «кто реально участвует в проведении государственной политики и нормативно-правовом регулировании в установленной для Федеральной службы исполнения наказаний сфере деятельности, те, кто обеспечивает установленный порядок функционирования исполнения наказаний» [4]. Председатель Государственной Думы Российской Федерации Б. В. Грызлов, обращаясь к членам редакционного совета, редакции и читателям, констатировал, что «сам факт издания такого журнала, не имеющего отечественных аналогов, в Академии ФСИН России – свидетельство глубины решаемых ФСИН России задач, зрелости научного коллектива академии, его ответственности и большого желания быть на острие выработки идеологии уголовно-исполнительного дела, подготовки кадров для учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» [5].

Первым главным редактором журнала стал Александр Яковлевич Гришко, доктор юридических наук, профессор, генерал-майор внутренней службы в отставке, профессор кафедры уголовного права и криминологии Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, член Российской академии юридических наук, член Общественной палаты Рязанской области, председатель центрального отделения союза криминалистов и криминологов Российской Федерации, почетный работник Министерства юстиции Российской Федерации, почетный сотрудник Министерства внутренних дел Российской Федерации, почетный юрист Рязанской области, председатель комиссии по вопросам помилования Рязанской области, возглавлявший с 2003 по 2011 год Академию ФСИН России. А. Я. Гришко – автор более 250 научных работ, среди которых монографии, учебники, учебные пособия, комментарии к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации и Федеральному закону «О полиции». Среди значимых направлений его исследований – пенитенциарная криминология, противодействие экстремизму, вопросы исполнения наказаний и профилактики преступности. Именно ему принадлежит идея создания журнала [6].

В состав редколлегии, помимо А. Я. Гришко, вошли А. А. Чистяков (заместитель главного редактора), А. М. Брючко, И. В. Бондаренко, Н. Н. Брезгин, Н. П. Барабанов, А. В. Корячко, М. И. Кузнецов, Ю. А. Кашуба, О. В. Макарова, И. В. Михалева, В. И. Огородников, А. В. Протопопов, С. Н. Смирнов, Д. В. Сочивко, Н. А. Тюгаева, А. И. Ушатиков, Т. А. Шмаева, В. Е. Южанин, В. Н. Чорный.

В последующем состав редакционной коллегии несколько раз обновлялся. В него в разные годы входили: Д. А. Панарин, С. Р. Тютиков, Р. С. Рыжов, Ю. М. Антонян, Л. И. Беляева, Л. А. Букалерева, А. В. Быков, К. К. Горяинов, А. А. Крымов, Г. Наваан, В. И. Селиверстов, М. Горазд, Н. В. Ольховик, Ф. В. Грушин.

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

В 2017 г. главным редактором журнала становится Андрей Петрович Скиба, возглавляющий работу журнала по настоящее время. А. П. Скиба является автором (соавтором) более 500 научных и учебно-методических работ, в том числе более 20 монографий, более 30 учебников, справочников, учебных и учебно-методических пособий. Основная сфера научных интересов – проблемы уголовно-исполнительного права и probation.

Редколлегия сегодня, помимо А. П. Скибы, представлена следующим составом: А. В. Родионов, Т. П. Бутенко, В. Г. Громов, А. П. Детков, Е. В. Ермасов, С. В. Иванцов, Ю. А. Кашуба, Н. В. Кийко, И. Я. Козаченко, Е. В. Кунц, Б. З. Маликов, Н. С. Малолеткина, А. В. Петрянин, Н. С. Салаев, А. Б. Скаков, О. А. Скоморох, Н. Ю. Скрипченко, П. В. Тепляшин, Т. Г. Терещенко, З. С. Токубаев, В. А. Уткин, В. Б. Шабанов, А. В. Шеслер.

За период существования журнала состоялось 64 выпуска, техническое сопровождение выхода которых в свет неизменно обеспечивалось коллективом редакционно-издательского отдела научного центра Академии ФСИН России во главе с П. Н. Нестеровым.

Первый номер журнала открывала статья доктора юридических наук, профессора С. Х. Шамсунова [8] «Теоретические и методологические вопросы социализации личности осужденных на современном этапе развития российской пенитенциарной системы». Здесь же была размещена статья А. Я. Гришко «Охрана гражданских прав осужденных». Б. Б. Казак, доктор юридических наук, профессор, на страницах пилотного номера осветил вопросы уголовно-исполнительной политики Российской Федерации и механизма ее реализации [1, с. 19]. А. А. Чистяков, доктор юридических наук, профессор, поместил статью «Новые Европейские пенитенциарные правила как очередной этап формирования и совершенствования международных стандартов обращения с заключенными» [1, с. 508], Ю. М. Антонян, советский и российский ученый-правовед, специалист в области криминологии, психиатрии и юридической психологии, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, – «Об искусстве сочинения уголовных законов», А. С. Михлин, советский и российский правовед, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, – «Пожизненное лишение свободы: правовая природа, назначение, исполнение» [10]. Всего в первом номере было размещено 23 научные статьи, тематика которых была строго выдержана и касалась разноаспектных проблем исполнения различных видов наказания, предупреждения рецидивной преступности и функционирования учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

Первые три года (2006–2008) структура журнала еще не предусматривала конкретных разделов и рубрик. Вместе с тем из номера в номер переходил подход широкого охвата проблем, связанных с деятельностью Федеральной службы исполнения наказаний. Необходимость выявления причинности рецидивной преступности [11] перекликалась с проблемами изучения вопросов осложнения оперативной обстановки в исправительном учреждении [12], исследовались проблемы взаимодействия органов внутренних дел с учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы [13], уделялось значительное внимание вопросам психологических особенностей осужденных [14], а также социальной работе с ними [15], экономическим аспектам их трудовой адаптации [16]. Не остался без внимания и блок проблем в области служебной деятельности самих сотрудников уголовно-исполнительной системы: проблемные вопросы, связанные с совершенствованием системы отбора кадров [17], аттестацией сотрудников [18], расчетом выслуги лет и назначения пенсии [19], стимулирования и мотивации персонала исправительных учреждений [20]. Немаловажным являлся анализ зарубежного опыта в предметной области: сравнительный анализ особенностей назначения наказания за

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

побег по законодательству России и стран СНГ [21], общих условий исполнения наказаний в виде лишения свободы в России и Армении [22], международный опыт определения наказания несовершеннолетним [23], вопросы ответственности тюремного персонала в Англии [24].

С 2009 г. начинается систематизация публикуемого материала. Появляется первая практика выделения рубрик в структуре журнала. Так, в рубрике «Вопросы теории» публикуются статьи, касающиеся права государства использовать труд осужденных [25], проблем института амнистии [26] и др., в рубрике «Социально-правовая защита осужденных и персонала УИС» поднимаются проблемы реализации конституционного права осужденных на охрану здоровья [27], вопросы социально-правовой защиты сотрудников УИС [28] и др., а в рубрике «Обеспечение порядка и условий исполнения наказаний» исследуются проблемы понятия режима в учреждениях УИС [29], организационно-правовые вопросы применения технических средств видеонаблюдения в целях его обеспечения [30], особенности координации деятельности оперативных аппаратов ФСИН России [31] и др.

Второй номер в 2009 г. практически полностью был посвящен памяти профессора В. А. Фефелова, кандидата юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации, признанного специалиста и автора ряда научных и учебных работ по исправительно-трудовому праву и научным идеям, которые он развивал в пенитенциарной науке [32].

В феврале 2009 г. в г. Вологде состоялось заседание президиума Государственного совета «О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», где Президентом Российской Федерации (на тот момент Д. А. Медведев) было обращено внимание на несовершенство работы уголовно-исполнительной системы и необходимость ее серьезного реформирования, а уже в октябре 2010 г. Правительство РФ утвердило документ, который задал вектор этих изменений на годы вперед – Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р).

Данные события существенным образом отразились на деятельности всех учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. Академия ФСИН России была активнейшим образом вовлечена в научно-методическое обеспечение процесса реформирования уголовно-исполнительной системы, что нашло соответствующее отражение и в журнале «Уголовно-исполнительное право».

Начали публиковаться статьи, формулирующие идеи, направленные на реализацию тех целей и задач, которые ставились руководством страны перед процессом реформирования уголовно-исполнительной системы: создание новых видов учреждений, осуществляющих исполнение наказаний в виде лишения свободы [33], расширение сферы применения наказаний и иных мер, не связанных с лишением свободы [34–36], создание в учреждениях и органах, исполняющих наказания, системы противодействия преступному поведению осужденных на основе применения современных инженерно-технических средств, новых технологий и подходов к организации безопасности объектов уголовно-исполнительной системы [37–38] и др.

С 2010 по 2015 год в структуре журнала появляется постоянная рубрика «Проблемы ресоциализации осужденных», в которой публикуются статьи, касающиеся как правовой проблематики, так и психологических, педагогических, социально-экономических, медицинских и иных аспектов ресоциализации осужденных. При этом очевидным ста-

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

новится отход отечественной научной мысли от слепого копирования зарубежных идей. Начинается активное переосмысление собственного исторического опыта. В этом свете весьма любопытна статья известного криминолога И. М. Мацкевича, задумавшегося о необходимости и допустимости использования в современных условиях наследия, оставленного знаменитым педагогом А. С. Макаренко, в процессе перевоспитания современных правонарушителей [39].

С 2015 г. журнал привычных полугодовых выпусков перешел на квартальный период издания, начал издаваться 4 раза в год. Другим становится оформление титульного листа.

Новым этапом в реформировании УИС можно считать проект, инициированный Федеральной службой исполнения наказаний, по включению священнослужителей в работу исправительных учреждений на штатной основе. Постановлением Правительства РФ от 17 октября 2014 г. № 1063 «О внесении изменения в приложение к постановлению Правительства Российской Федерации от 24 марта 2007 г. № 176» были введены должности помощника начальника территориального органа Федеральной службы исполнения наказаний по организации работы с верующими. Распоряжением ФСИН России от 13 ноября 2014 г. № 215-р было утверждено Положение о рабочей группе ФСИН России по разработке дальнейшей стратегии создания института тюремных священнослужителей, в состав которой, помимо представителей центрального аппарата главка, вошли сотрудники Академии ФСИН России. Руководство группой было возложено на начальника академии [40]. Рабочей группой был подготовлен ряд документов, направленных на развитие института тюремных священнослужителей, в том числе дополнительная профессиональная программа – программа профессиональной переподготовки работников УИС «Помощники начальников территориальных органов ФСИН России по организации работы с верующими (кандидаты к назначению на должности помощников)». С 2016 г. на высших академических курсах академии началось соответствующее обучение лиц, вновь назначенных на должности указанных помощников. Этот период был отмечен активным научно-методическим сопровождением со стороны профессорско-преподавательского состава академии становления нового института. Активную позицию в этом процессе занял журнал «Уголовно-исполнительное право», посвятив разностороннему анализу нововведения в 2016 г. первый номер, в котором нашли отражение и анализ новых возможностей религиозной политики в отношении осужденных [41], и правовые основы деятельности религиозных организаций в УИС [42], и ретроспективный анализ института тюремных капелланов [43–44], и современный отечественный опыт в рассматриваемой сфере [45–46], и зарубежный [47], и особенности организации обучения различных категорий священнослужителей для последующего духовного окормления осужденных [48] и пр.

Отмечая практическую значимость тех идей и авторских взглядов, которые излагаются на страницах журнала, нельзя не обойти вниманием активное обсуждение ряда инициатив, часть которых позже воплотились в законе. В частности, в публикации И. С. Онищенко «Правовое положение осужденных к лишению свободы женщин, имеющих детей» (Уголовно-исполнительное право. 2015. № 2. С. 75–80) поднимался вопрос о повышении возраста ребенка (свыше трех лет), находящегося рядом с матерью в исправительном учреждении или следственном изоляторе. Автор инициативы считал, что это поможет сохранить семейные связи и положительно скажется на ресоциализации женщин после освобождения. В итоге эта идея впоследствии несколько в видо-

измененном виде была реализована законодателем и соответствующие поправки были внесены в закон (Федеральный закон от 13 июня 2023 г. № 211-ФЗ) «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений"».

Нельзя не отметить активное обсуждение проекта Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, проходившее на страницах журнала в 2019–2020 гг. [49–50].

Однако наиболее долгим и разносторонним представляется процесс обсуждения авторами журнала проблемы введения института пробации в Российской Федерации: обосновывалась необходимость создания общегосударственной системы социальной реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы [51], их адаптации к условиям жизни в постпенитенциарный период [52], высказывались сомнения в целесообразности введения в России самого института пробации [53], анализировался зарубежный опыт пробации (Азербайджана [54], Казахстана [55], США [56] и др.), что впоследствии отчасти нашло свое отражение в Федеральном законе от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации».

Отдельно необходимо остановиться на обсуждении самого законопроекта указанного акта, которое велось в научном сообществе с активным вовлечением профессорско-преподавательского состава академии и, безусловно, находило свое отражение на страницах журнала. Так, в статье А. П. Скибы и Н. С. Малолеткиной «Законопроект «О пробации в Российской Федерации»: некоторые аспекты обсуждения в 2021–2022 годах» (Уголовно-исполнительное право. 2022. № 2. С. 176–194) проводился сравнительный анализ первоначального варианта законопроекта от апреля 2021 года с итоговым вариантом, представленным для общественного обсуждения. Предметом активного обсуждения стали вопросы, связанные с целью применения пробации (предупреждение совершения преступлений, исправление осужденных), формами пробации (приговорная (исполнительная), пенитенциарная и постпенитенциарная), механизмом их реализации, в том числе путем определения субъектов пробации и их правового статуса.

Нельзя не отметить то историческое событие, которое произошло в новейшей истории России – вхождение в ее состав новых регионов. В связи с этим предметом внимания авторов журнала стали вопросы интеграции новых субъектов Российской Федерации в общероссийское правовое поле, в том числе в сфере уголовно-исполнительного законодательства [57].

Поэтапное вступление в законную силу Закона «О пробации в Российской Федерации» повлияло на активизацию научной мысли, обнажая те пробелы, которые потребовали их осмысления и выработки действенных механизмов реализации тех или иных правовых норм указанного Закона. Журнал в этих условиях создал оптимальную площадку, на которой ученые во взаимодействии с экспертами формулировали авторские идеи, проводили серьезнейшую просветительскую и разъяснительную работу, направленную на формирование соответствующего общественного мнения и рабочей атмосферы, способствующей полнейшей реализации тех положений, которые в установленном порядке были закреплены в Законе «О пробации в Российской Федерации».

Так, заместитель директора Департамента государственной политики в сфере уголовно-исполнительной системы Минюста России, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права МГЮА, ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России кандидат исторических наук Е. В. Ермасов в отдельной статье под названием «Со-

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

вершенствование нормативно-правового регулирования в сфере исполнения уголовных наказаний при введении probation» (Уголовно-исполнительное право. 2023. № 2. С. 200–210) раскрыл перечень отдельных нормативных правовых актов, определенных Аппаратом Правительства Российской Федерации, в том числе касающихся сферы исполнения уголовных наказаний, разрабатываемых в целях планомерной реализации Закона «О probation в Российской Федерации». В другой своей статье «Перспективы введения досудебной probation в Российской Федерации» (Уголовно-исполнительное право. 2024. № 1. С. 12–28) совместно с профессорами П. В. Тепляшиным и А. П. Скибой аргументировал необходимость разработки концептуального обоснования введения в России еще одного вида probation – досудебной, не предусмотренного первоначальным содержанием Закона «О probation в Российской Федерации». В третьей публикации – «Нормативно-правовое регулирование деятельности центров probation» (Уголовно-исполнительное право. 2025. № 1. С. 12–23) Е. В. Ермасов в связи с началом применения постпенитенциарной probation в отношении лиц, освободившихся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, провел детальный анализ законодательства, определяющего правовые основы деятельности центров probation.

Профессор А. П. Скиба в условиях начала действия нового закона выявил межотраслевые закономерности и институты, заставив обратить внимание ученых и практиков на необходимость определения направлений развития другого нормативного правового акта – Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [58].

Процессы становления института probation и совершенствования уголовно-исполнительного законодательства, помимо проблем законодательной техники, «настройки» механизма правоприменения, сформировали новые вызовы в теоретическом плане, заставив поразмышлять ученых и экспертов о фактическом расширении сферы уголовно-исполнительного законодательства за счет положений закона «О probation в Российской Федерации», о соотношении предмета данного закона и предмета уголовно-исполнительного законодательства, о соотношении уголовно-исполнительных и probationных правоотношений [59, 60].

Ряд событий, с которыми пришлось столкнуться российскому обществу в начале 20-х годов 21 века (пандемия новой коронавирусной инфекции (Covid-19), террористические акты, связанные с ракетной и БПЛА угрозами, угроза введения военного положения и т. п.), заставили научное сообщество переосмыслить условия реализации тех норм, которые изначально не предусматривали проработку законодателем механизма их действия в условиях, отличающихся от обычных (повседневных). Результатом этого стало активнейшее обсуждение данных проблем с предложением различных инициатив по совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства [61–67], некоторые из которых были реализованы в изменениях уголовно-исполнительного законодательства, в частности, ст. 85 УИК РФ «Режим особых условий в исправительных учреждениях», редакция которой за последние 5 лет претерпела изменение 25 раз.

Учитывая научный характер журнала, следует отметить, что к сильной его стороне, безусловно, следует отнести регулярное освещение на страницах большинства номеров зарубежного опыта в сфере исполнения наказаний. За последние десять лет авторы журнала предоставили возможность своим читателям ознакомиться с особенностями законодательства и правоприменения, сложившимися в Азербайджане [68], Англии и

Уэльсе [69], Беларуси [70], Вьетнаме [71], Израиле [72], Испании [73], Казахстане [74], Катаре и Омане [75], Китае [76], Монголии [77], США [78], Узбекистане [79], Швейцарии [80]. Немаловажно отметить, что часть авторов указанных статей была подготовлена выпускниками академии, имеющими практический опыт работы в той или иной зарубежной пенитенциарной системе и поддерживающими связь с альма-матер и ее научными школами – М. Г. Гумбатов (Азербайджан), Н. В. Кийко (Беларусь), М. З. Буй (Вьетнам).

Говоря о зарубежном опыте, нельзя не упомянуть об уникальном подходе, который был реализован в последние годы на страницах журнала, – создание самостоятельной рубрики «Авторский перевод зарубежных правовых актов» и поддержании живого интереса к ней за счет предоставления читателям отсутствующей в открытых источниках актуальной версии правовых актов в области пенитенциарной сферы зарубежных стран: нормы Уголовного кодекса Китайской Народной Республики, касающиеся условно-досрочного освобождения [81], Пенитенциарного кодекса Франции в части дисциплинарных мер в отношении лиц, содержащихся под стражей [82], Пенитенциарного регламента (Испания) [83–84], положения закона о тюрьмах Китайской Народной Республики [85], закона Китайской Народной Республики «Об общественном исправлении» [86], нормативных актов Минюста Китайской Народной Республики, регламентирующих поведение лиц, отбывающих наказание в тюрьмах [87], судебных актов Китайской Народной Республики в части смягчения наказания и условно-досрочного освобождения [88].

В целях популяризации научной школы академии «Развитие уголовно-правовой доктрины в сфере исполнения наказаний» на страницах журнала начиная с 2017 г. освещаются научные конференции и круглые столы, проводимые ежегодно ее членами по актуальным проблемам уголовно-исполнительного права и проблемам правоприменения в сфере исполнения наказаний. Значительная их часть проводилась в рамках реализуемого в академии проекта «Визитная карточка кафедры» и зарекомендовала себя у ученых-пенитенциаристов и специалистов в качестве ежегодной дискуссионной площадки – Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний», посвященной памяти профессоров Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева [89–97]. Другая часть научных мероприятий традиционно проводится в рамках масштабных международных научных мероприятий, реализуемых на базе академии (Международный пенитенциарный форум и межфорумная Международная научно-практическая конференция по проблемам исполнения уголовных наказаний) [98–103]. Отдельные мероприятия, посвящались наиболее острым проблемным вопросам, в том числе введению института пробации [104–107].

Интересное нововведение, ставшее с 2021 г. доброй традицией, – знакомство читателей журнала с ведущими учеными-пенитенциаристами. За прошедшее время в журнале были опубликованы статьи-интервью о профессорах: В. А. Уткине [108], В. И. Селиверстове [109], Л. Б. Смирнове [110], А. Б. Скакове [111], Ю. А. Кашубе [112], Б. З. Маликове [113], А. П. Скибе [114], А. П. Деткове [115], Т. В. Кленовой [116], П. В. Тепляшине [117], А. В. Шеслере [118], А. В. Петрянине [119], Е. В. Кунц [120], М. В. Бавсуне [121], С. В. Иванцове [122], К. Х. Рахимбердине [123].

Стремительное развитие научно-технического прогресса вынуждает ученых и практиков задумываться над все новыми проблемами и вызовами, появляющимися в результате развития общества. Среди публикаций последних лет заставляют остановить свое внимание целый ряд интереснейших работ, например, Серебренникова А. В. Новые угрозы исполнения наказания в виде лишения свободы: квадрокоптеры // Уголовно-

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

исполнительное право. 2019. № 2. С. 136–139; Головастова Ю. А. Юридическое лицо как особый вид осужденного: дискуссия – за и против // Уголовно-исполнительное право. 2022. № 1. С. 18–24; Русскевич Е. А. Об уголовном наказании и цифровизации // Уголовно-исполнительное право. 2024. № 3. С. 457–468; Синельщиков Ю. П. Закон об учреждениях объединенного типа: взгляд парламентария // Уголовно-исполнительное право. 2024. № 3. С. 368–374¹; Скиба А. П. К вопросу об актуальности введения балльной системы оценки степени исправления осужденных при рассмотрении вопроса об их условно-досрочном освобождении: тезисы доклада на заседании Научно-консультативного совета при Минюсте России // Уголовно-исполнительное право. 2025. № 4. С. 516–523.

Оценивая потенциал журнала, необходимо отметить, что он дал путевку в жизнь значительному количеству юристов и иных специалистов в области пенитенциарной науки. Среди его авторов имеется внушительное количество примеров успешной апробации результатов собственных диссертационных исследований. Так, среди лиц, публиковавшихся ранее и ставших впоследствии докторами наук, насчитывается 22 автора (Е. А. Антонян, Е. В. Емельянова, В. А. Поникаров, И. Н. Смирнова, В. А. Жабский, Н. И. Полищук, А. М. Смирнов, Л. А. Шабалина, С. С. Епифанов, А. П. Скиба, С. М. Воробьев, А. П. Фильченко, А. А. Крымов, Ф. В. Грушин, И. С. Ганишина, В. Н. Орлов, С. А. Хохрин, А. В. Вилкова, П. В. Тепляшин, Ю. А. Головастова, А. В. Ачкурин, Е. Э. Попова), а кандидатами наук – 53 (Н. А. Брючко, А. Н. Журавлев, С. Р. Ширшов, В. В. Чернышов, В. В. Шалыгин, Д. В. Харюшин, К. В. Шафрановский, В. В. Фомин, Н. В. Заводчиков, А. А. Корнилов, С. В. Якушкин, О. А. Шуранова, С. Ю. Оловенцова, А. В. Дергачев, Я. С. Ивасенко, С. Н. Дендебер, Е. Е. Новиков, И. Е. Прысь, Д. В. Горбач, О. А. Скоморох, О. К. Хотькина, Я. Г. Ищук, С. А. Юнусов, Н. В. Грязева, А. В. Хабаров, Д. С. Даланов, Е. Е. Масленников, Е. Н. Федотова, Н. В. Кийко, Е. В. Наумов, Н. Н. Кутаков, С. Е. Майорова, Б. Е. Кошелюк, С. Н. Чудакова, Л. Ю. Буданова, Б. В. Александров, В. Б. Ворошук, Ю. В. Перрон, И. В. Кареева, М. А. Кулешов, Е. А. Масленникова, О. С. Ефремова, Т. С. Хван, Д. Г. Метлин, И. С. Нистратова, Д. В. Кохман, Е. Д. Харитонович, Л. В. Карханина, А. Ю. Алексеев, А. Н. Гордолов, О. В. Пронина, С. И. Бякина, А. А. Соколов).

За период существования журнала ее авторами стали 577 ученых и специалистов. Наибольшее количество публикаций для журнала было подготовлено: А. П. Скибой – 62 публикации, А. Н. Мяхановой – 22, Ф. В. Грушиным – 21. Особый научный интерес для научного сообщества представляют наиболее цитируемые статьи: А. П. Скиба, Н. С. Малолеткина «Законопроект «О пробации в Российской Федерации»: некоторые аспекты обсуждения в 2021–2022 годах» (Уголовно-исполнительное право. 2022. № 2. С. 176–194); В. А. Уткин «Уголовно-исполнительная деятельность и предмет уголовно-исполнительного права» (Уголовно-исполнительное право. 2016. № 2. С. 39–43); В. А. Уткин «Гибридные исправительные учреждения и международные стандарты» (Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2. С. 7–11); Н. П. Барабанов «Криминологическая и психологическая характеристика криминальной субкультуры осужденных» (Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2. С. 28–36); А. И. Ушатиков, И. С. Ганишина «Использование знаний по прикладной криминальной психологии в деятельности психолога-прак-

¹ Примечательно, что идея гибридного исправительного учреждения, высказанная В. А. Уткиным на страницах журнала еще в 2014 г. (Уткин В. А. Гибридные исправительные учреждения и международные стандарты // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2. С. 7–11) находит отчасти свое воплощение в современных реалиях в виде проработки проекта создания учреждения объединенного типа.

тика уголовно-исполнительной системы» (Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2. С. 104–108); А. П. Скиба, А. В. Родионов «О реанимации ссылки как уголовного наказания: правовые и экономические аспекты» (Уголовно-исполнительное право. 2016. № 4. С. 17–21); Б. З. Маликов «Общественное воздействие - средство исправления осужденных, и роль в нем религиозного аспекта» (Уголовно-исполнительное право. 2018. № 2. С. 146–155); Е. В. Ермасов «Совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере исполнения уголовных наказаний при введении пробации» (Уголовно-исполнительное право. 2023. № 2. С. 200–210); В. И. Селиверстов «Общественный контроль за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания: новеллы 2018 года» (Уголовно-исполнительное право. 2018. № 4. С. 397–408); В. И. Огородников, В. Н. Летунов «Кадры уголовно-исполнительной системы России на современном этапе» (Уголовно-исполнительное право. 2015. № 3. С. 116–121) и др.

В нынешнем году журналу «Уголовно-исполнительное право» исполняется 20 лет. Пройденный период нельзя назвать очень продолжительным и масштабным, тем не менее прошедшее с момента создания данного издания время позволяет с уверенностью констатировать, что сегодня журнал «Уголовно-исполнительное право» – это признанное в научном сообществе издание, которое включено в Единый государственный перечень научных изданий – «Белый список», а также входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (рекомендован ВАК Минобрнауки России).

Дальнейшая миссия журнала видится в опоре на три базовых компонента: своевременное реагирование на острые проблемы, возникающие в сфере правоприменения; представление научной общественности инициативных законопроектов, разработанных исключительно учеными-пенитенциаристами и экспертами в сфере исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера; обсуждение проблем юридического образования (специализирующегося на ведомственном профиле) с позиций формирования уже на этом этапе основ пенитенциарной науки и практики, а также профессиональной культуры специалистов в сфере исполнения уголовных наказаний.

Перспективным представляется продолжение практики проведения круглых столов, посвященных отдельным проблемам правоприменения, всестороннему обсуждению законопроектов в сфере уголовно-исполнительного законодательства, где инициатором выступал бы именно сам журнал. Подобную инициативу в виде читательских конференций можно было бы также реализовать в будущем с помощью привлечения курсантов, студентов, адъюнктов и соискателей, подвергая обсуждению вновь вышедшие в свет монографии, учебники и иные научные и учебные издания.

В заключение хотелось бы высказать слова благодарности членам редколлегии, всем экспертам, ранее входившим в ее состав, а также многочисленной армии авторов и читателей научного журнала «Уголовно-исполнительное право», поздравить их с юбилеем научного издания и пожелать дальнейших успехов в совместном развитии пенитенциарной науки и практики!

Список источников

1. Академия ФСИН России: история и современность / под общ. ред. С. М. Никитюка. 4-е изд., перераб. и доп. Рязань : Академия ФСИН России, 2024. 572 с.

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

2. Обращение Н. И. Булаева к коллективу редакции, будущим авторам и читателям // Уголовно-исполнительное право. 2006. № 1. С. 11.
3. Обращение П. В. Крашенинникова к коллективу совета и редакции // Уголовно-исполнительное право. 2006. № 1. С. 10.
4. Обращение В. А. Васильева к читателям // Уголовно-исполнительное право. 2006. № 1. С. 8.
5. Обращение Б. В. Грызлова к членам редсовета, редакции и читателям // Уголовно-исполнительное право. 2006. № 1. С. 7.
6. Кузнецов А. П. Профессор Александр Яковлевич Гришко – ученый, посвятивший себя уголовно-правовой науке (к 70-летию со дня рождения) // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023 № 1(61). С. 226–232.
7. Грушин Ф. В., Токубаев З. С. О некоторых современных направлениях развития уголовно-исполнительного права: интервью с профессором кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России А. П. Скибой // Уголовно-исполнительное право. 2023. № 1. С. 139–159.
8. Пещеров Г. Рожденный побеждать. URL: <https://proza.ru/2021/10/22/806> (дата обращения: 21.07.2026).
9. Антонян Е. А. Научная школа Ю. М. Антонян // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 4. С. 9–10.
10. Селиверстов В. И. Роль профессора Александра Соломоновича Михлина в развитии науки уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительное право. 2020. № 1. С. 22–28.
11. Артемьев Н. С., Симонов Р. В. Причины и условия рецидивной преступности и основные меры ее предупреждения // Уголовно-исполнительное право. 2006. № 2. С. 6–9.
12. Барабанов Н. П., Журавлев А. Н. Недопущение осложнений оперативной обстановки в исправительном учреждении на основе анализа движения осужденных, изучения учетно-регистрационных материалов, проведения оперативно-розыскных мероприятий // Уголовно-исполнительное право. 2006. № 2. С. 10–13.
13. Власов А. Н. Понятийная характеристика взаимодействия криминальной милиции с учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительное право. 2006. № 2. С. 68–71.
14. Чернышов В. В. Психологические особенности осужденных наркоманов // Уголовно-исполнительное право. 2006. № 2. С. 14–16.
15. Махиборода Н. И. Социальная работа с осужденными в воспитательных колониях // Уголовно-исполнительное право. 2006. № 2. С. 17–21.
16. Мишанова Е. В. Экономические аспекты трудовой адаптации осужденных в соответствии с требованиями Европейских пенитенциарных правил // Уголовно-исполнительное право. 2006. № 2. С. 30–32.
17. Якушкин С. В. Совершенствование системы отбора кандидатов на учебу, расстановки и закрепления кадров и их использования в учреждениях и органах, исполняющих наказания // Уголовно-исполнительное право. 2007. № 1. С. 88–93.
18. Злобин С. И. Анализ основных трудностей и противоречий в системе аттестации сотрудников УИС в процессе реформирования ФСИН России // Уголовно-исполнительное право. 2007. № 1. С. 22–26.
19. Заводчиков Н. В. Выслуга лет и ее роль в социальном обеспечении сотрудников и граждан, уволенных из уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительное право. 2006. № 2. С. 33–37.

20. Корнилов А. А., Летунов В. Н. Классификация стимулов и основные направления стимулирования сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы // Уголовно-исполнительное право. 2006. № 2. С. 86–95.

21. Сенкевич В. В. Особенности назначения наказания за побег по законодательству России и стран СНГ // Уголовно-исполнительное право. 2006. № 2. С. 56–60.

22. Хачикян А. М. Сравнительный анализ общих положений исполнения наказаний в виде лишения свободы в республике Армения и Российской Федерации // Уголовно-исполнительное право. 2007. № 1. С. 70–75.

23. Степашкина О. Н. Международный опыт в вопросе определения видов и сроков наказаний в отношении несовершеннолетних // Уголовно-исполнительное право. 2007. № 1. С. 76–79.

24. Чорный В. Н. Дисциплинарная ответственность персонала в тюрьмах Англии // Уголовно-исполнительное право. 2008. № 2. С. 32–35.

25. Емельянова Е. В. К вопросу о праве государства использовать труд осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2009. № 1. С. 6–10.

26. Селиверстов И. В. Институт амнистии как проблема уголовного и уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительное право. 2009. № 1. С. 15–17.

27. Скиба А. П. Некоторые аспекты реализации конституционного права осужденных на охрану здоровья в условиях лишения свободы // Уголовно-исполнительное право. 2009. № 1. С. 26–28.

28. Аллаhverдиева А. В. Проблемы социально-правовой защиты сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний // Уголовно-исполнительное право. 2009. № 1. С. 29–31.

29. Буторин Д. Е. Понятие режима содержания под стражей лиц в следственных изоляторах // Уголовно-исполнительное право. 2009. № 1. С. 39–42.

30. Дергачев А. В. Технические средства видеонаблюдения в организации режима исправительного учреждения // Уголовно-исполнительное право. 2009. № 1. С. 47–49.

31. Кириченко В. М. К вопросу координации деятельности оперативных аппаратов ФСИН России, обеспечивающих правопорядок в исправительных учреждениях // Уголовно-исполнительное право. 2009. № 1. С. 43–46.

32. Никитюк С. М., Шурухнов Н. Г., Акчурин А. В. Тенденции развития пенитенциарной академической науки: интервью с заместителями руководителя вуза разных лет, отвечавшими за развитие научной работы (приурочено к 90-летию Академии ФСИН России) // Человек: преступление и наказание. 2024. № 4. С. 634–657.

33. Иванчин А. В. Наказание в виде исправительных работ (проблемы правоприменительной и законодательной техники) // Уголовно-исполнительное право. 2011. № 1. С. 15–18.

34. Рыжов Р. С. О некоторых возможностях расширения практики назначения наказаний, альтернативных лишению свободы // Уголовно-исполнительное право. 2010. № 2. С. 7–9.

35. Дроздов А. И. Создание воспитательных центров: организационные и правовые аспекты // Уголовно-исполнительное право. 2011. № 1. С. 7–10.

36. Чистяков А. А., Паршков А. В. Отдельные аспекты подготовки кадров для учреждений, исполняющих наказания без изоляции осужденного от общества, в рамках реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 1. С. 11–13.

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

37. Епифанов С. С. Пути совершенствования уголовно-исполнительного законодательства по вопросу применения технических средств в предупреждении правонарушений в условиях реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 1. С. 47–51.
38. Смирнова И. Н., Воробьев М. В. Проблемы организации деятельности уголовно-исполнительных инспекций по применению электронного мониторинга подконтрольных лиц // Уголовно-исполнительное право. 2012. № 2. С. 105–108.
39. Мацкевич И. М. Система А. С. Макаренко и возможность использования его методов в настоящее время // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 4. С. 83–88.
40. Мачкасов А. И., Симакова Т. А. Институт помощников начальников территориальных органов ФСИН России по организации работы с верующими: особенности становления и развития // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 10. С. 26–35.
41. Кашуба Ю. А. Нравственное воспитание осужденных: новые возможности религиозной политики // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 1. С. 22–25.
42. Воробьев С. М. Конституционно-правовые основы деятельности религиозных организаций в уголовно-исполнительной системе России // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 1. С. 32–35.
43. Мачкасов А. И., Симакова Т. А. Исторический опыт взаимодействия Русской православной церкви с государственной системой исполнения наказания // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 1. С. 36–40.
44. Толченкин Д. А. Эволюция института тюремных капелланов в России и за рубежом // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 1. С. 41–44.
45. Митрополит Рязанский и Михайловский Вениамин. Опыт и направления взаимодействия Русской православной церкви с органами ФСИН России на примере Рязанской митрополии. Помощь в ресоциализации и социальной адаптации осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 1. С. 50–52.
46. Авдеев В. Н. О взаимодействии УФСИН России по Белгородской области с Белгородской и Старооскольской митрополией Русской православной церкви // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 1. С. 81–83.
47. Лопухов Г. Опыт тюремного служения в Белорусском экзархате // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 1. С. 53–54.
48. Самарин В. А. Актуальные проблемы организации обучения различных категорий священнослужителей, осуществляющих служение в местах лишения свободы // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 1. С. 65–67.
49. Селиверстов В. И. Уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные исследования и их отражение в концепции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 года // Уголовно-исполнительное право. 2019. № 2. С. 119–127.
50. Шамсунов С. Х. Учет исторического опыта при разработке Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года // Уголовно-исполнительное право. 2020. № 1. С. 29–32.
51. Рахмаев Э. С. Ресоциализация лиц, отбывших наказание, в системе предупреждения рецидивной преступности // Уголовно-исполнительное право. 2010. № 2. С. 63–65.
52. Горкина С. А. взаимодействие учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и органов региональной власти по вопросам социальной адаптации осужденных на примере УФСИН России по Астраханской области // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2. С. 154–158.

53. Середа Е. В. К вопросу о введении института probation в российское уголовно-исполнительное право // Уголовно-исполнительное право. 2017. № 1. С. 39–41.
54. Гумбатов М. Г. Probation в Азербайджанской Республике и перспективы ее развития // Уголовно-исполнительное право. 2019. № 2. С. 170–174.
55. Жолдаскалиев С. М. К вопросу о повышении эффективности деятельности службы probation в Республике Казахстан // Уголовно-исполнительное право. 2020. № 2. С. 188–193.
56. Шульц Е. В. Участие службы probation Соединенных Штатов Америки в процессе ресоциализации бездомных осужденных (на примере штатов Вашингтон, Массачусетс, города Нью-Йорк) // Уголовно-исполнительное право. 2020. № 3. С. 307–311.
57. Скиба А. П., Малолеткина Н. С. Уголовно-исполнительный кодекс Донецкой Народной Республики: структура и некоторые положения // Уголовно-исполнительное право. 2022. № 1. С. 33–37.
58. Скиба А. П. Направления развития Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» с учетом принятия Федерального закона «О probation в Российской Федерации» // Уголовно-исполнительное право. 2024. № 2. С. 181–191.
59. Ермасов Е. В. Probation и уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации: вопросы соотношения сфер правового регулирования // Уголовно-исполнительное право. 2024. № 4. С. 520–533.
60. Маркунцов С. А. Рассуждения о структуре и содержании уголовно-исполнительного законодательства в контексте вступления в силу Федерального закона «О probation в Российской Федерации» // Уголовно-исполнительное право. 2024. № 4. С. 534–543.
61. Скиба А. П. Обеспечение карантина в отношении осужденных к лишению свободы по уголовно-исполнительному законодательству: постановка проблемы // Уголовно-исполнительное право. 2020. № 2. С. 148–150.
62. Бутенко Т. П. Реализация основных средств исправления осужденных в условиях пандемии вируса COVID-19 // Уголовно-исполнительное право. 2020. № 2. С. 151–157.
63. Соколов А. А. О возможности устранения пробелов уголовно-исполнительного и иного законодательства в условиях новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // Уголовно-исполнительное право. 2020. № 4. С. 387–390.
64. Малолеткина Н. С. Проблемы осуществления общественного контроля за обеспечением прав осужденных при наступлении экстремальных ситуаций: некоторые практико-правовые аспекты // Уголовно-исполнительное право. 2021. № 1. С. 21–26.
65. Тунчик Т. С., Дмитриев Д. Б. Режим особых условий в лечебно-профилактических учреждениях: некоторые вопросы регламентации // Уголовно-исполнительное право. 2021. № 3. С. 312–317.
66. Кашуба Ю. А., Алексеев А. Ю. Юридическая сущность режима особых условий // Уголовно-исполнительное право. 2021. № 3. С. 306–311.
67. Шабанов В. Б. Особенности правового положения осужденных, отбывающих обязательные и исправительные работы, в экстраординарных условиях // Уголовно-исполнительное право. 2023. № 3. С. 320–325.
68. Гумбатов М. Г. Результаты реформирования пенитенциарной системы Азербайджанской Республики в 2000–2015 гг. и перспективы дальнейшего развития // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 4. С. 5–7.
69. Борсученко С. А. Наказания и иные меры уголовно-правового характера в законодательстве Англии и Уэльса // Уголовно-исполнительное право. 2022. № 4. С. 502–513.

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

70. Кийко Н. В. Совершенствование уголовно-исполнительного законодательства Республики Беларусь // Уголовно-исполнительное право. 2017. № 4, С. 464–468.

71. Буй М. З. Исправительно-трудовая характеристика осужденных наркоманов в Социалистической Республике Вьетнам // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 2. С. 136–140.

72. Сысоев А. М. Содержание осужденных за проявления экстремизма в пенитенциарных учреждениях Израиля и проблемы их дерадикализации // Уголовно-исполнительное право. 2014. № 1. С. 84–86.

73. Сиряков А. Н. Пенитенциарная система Испании // Уголовно-исполнительное право. 2017. № 3. С. 347–351.

74. Скаков А. Б. Имплементация норм минимальных стандартных правил обращения с заключенными в новеллах Уголовно-исполнительного кодекса Казахстана // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 2. С. 29–33.

75. Скиба А. П., Ковш А. В., Мяханова А. Н. Основные виды наказаний, не связанных с изоляцией от общества, и их содержание по уголовному законодательству Омана и Катар (сравнительно-правовой анализ с отдельными нормами законодательства России) // Уголовно-исполнительное право. 2020. № 3. С. 292–297.

76. Скиба А. П., Мяханова А. Н., Дондокова М. Ю. Условно-досрочное освобождение: китайский опыт (по материалам практики Верховного народного суда Китайской Народной Республики) // Уголовно-исполнительное право. 2021. № 4. С. 474–479.

77. Эрхитуева Т. И. Некоторые особенности системы видов наказания России и Монголии // Уголовно-исполнительное право. 2021. № 3. С. 357–362.

78. Родионов А. В. Практика привлечения осужденных к труду в некоторых пенитенциарных учреждениях Соединенных Штатов Америки (на примере тюремных ферм и тюремных лагерей) // Уголовно-исполнительное право. 2019. № 1. С. 53–56.

79. Салаев Н. С. Особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в чрезвычайных условиях в Узбекистане // Уголовно-исполнительное право. 2021. № 1. С. 74–80.

80. Воробьев Ю. А. Национальные особенности правового обеспечения превентивного заключения в Швейцарии // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 2. С. 111–115.

81. Бальчиндоржиева О. Б., Мяханова А. Н., Скиба А. П. Раздел 7 «Условно-досрочное освобождение» Уголовного кодекса Китайской Народной Республики: авторский перевод и краткий сравнительный анализ со статьей 79 Уголовного кодекса Российской Федерации // Уголовно-исполнительное право. 2023. № 2. С. 261–265.

82. Давыдова И. А. Дисциплинарные меры в отношении лиц, содержащихся под стражей, предусмотренные Пенитенциарным кодексом Франции: авторский перевод и краткий сравнительный анализ с положениями российского уголовно-исполнительного законодательства // Уголовно-исполнительное право. 2023. № 2. С. 266–273.

83. Сиряков А. Н. Цель и сфера применения Пенитенциарного регламента (Испания): авторский перевод и краткий комментарий // Уголовно-исполнительное право. 2023. № 3. С. 401–404.

84. Бальчиндоржиева О. Б., Мяханова А. Н., Скиба А. П. Раздел 4 «Смягчение наказания и условно-досрочное освобождение» Закона о тюрьмах Китайской Народной Республики: авторский перевод и краткий сравнительный анализ с законодательством Российской Федерации // Уголовно-исполнительное право. 2023. № 3. С. 396–400.

85. Бальчиндоржиева О. Б., Мяханова А. Н., Скиба А. П. Глава 5 «Исправление осужденных посредством образования» Закона о тюрьмах Китайской Народной Республики:

авторский перевод и краткий сравнительный анализ с законодательством Российской Федерации // Уголовно-исполнительное право. 2024. № 1. С. 123–127.

86. Бальчиндоржиева О. Б., Мяханова А. Н., Скиба А. П. Закон Китайской Народной Республики «Об общественном исправлении» (глава 1 «Общие положения»): авторский перевод и краткий сравнительный анализ с законодательством Российской Федерации // Уголовно-исполнительное право. 2024. № 4. С. 663–667.

87. Бальчиндоржиева О. Б., Мяханова А. Н., Скиба А. П. Постановление Министерства юстиции Китайской Народной Республики от 2 марта 2004 года № 88 «Кодекс поведения лиц, отбывающих наказание в тюрьмах»: авторский перевод и краткий сравнительный анализ с законодательством Российской Федерации // Уголовно-исполнительное право. 2024. № 2. С. 330–335.

88. Мяханова А. Н. Положение Верховного Народного Суда Китайской Народной Республики «О пересмотре исполнения решений по имущественным вопросам при смягчении наказания и условно-досрочном освобождении» от 2024 года: авторский перевод ряда статей и краткий сравнительный анализ с законодательством Российской Федерации // Уголовно-исполнительное право. 2025. № 4. С. 645–648.

89. Скиба А. П., Коробова И. Н. Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний», посвященная памяти профессоров Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева // Уголовно-исполнительное право. 2017. № 2. С. 99–102.

90. Скиба А. П., Коробова И. Н. Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний», посвященная памяти профессоров Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева (20 апреля 2018 г.) // Уголовно-исполнительное право. 2018. № 2. С. 112–115.

91. Скиба А. П., Коробова И. Н. Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний», посвященная памяти профессоров Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева (12 апреля 2019 г.) // Уголовно-исполнительное право. 2019. № 2. С. 114–118.

92. Скиба А. П., Коробова И. Н. Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний», посвященная памяти профессоров Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева (тематическое заседание от 14 февраля 2020 г., посвященное творческому наследию профессора А. С. Михлина, к 90-летию со дня рождения) // Уголовно-исполнительное право. 2020. № 1. С. 12–19.

93. Скиба А. П., Коробова И. Н. Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний», посвященная памяти профессоров Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева (тематическое заседание от 5 февраля 2021 г., посвященное назначению, исполнению и досрочному освобождению от уголовных наказаний в экстремальных (чрезвычайных) условиях) // Уголовно-исполнительное право. 2021. № 1. С. 97–104.

94. Скиба А. П., Батболд Г., Коробова И. Н. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний», посвященная памяти профессоров Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева (1 апреля 2022 г.) // Уголовно-исполнительное право. 2022. № 2. С. 144–151.

95. Скиба А. П., Петрянин А. В., Коробова И. Н., Батболд Г. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

и исполнения наказаний» памяти профессоров Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева по вопросам назначения, исполнения и досрочного освобождения от уголовных наказаний в экстремальных (чрезвычайных) условиях (тематическое заседание, посвященное проблемам регулирования обращения с осужденными военнопленными, 14 апреля 2023 г.) // Уголовно-исполнительное право. 2023. № 2. С. 170–180.

96. Скиба А. П., Петрянин А. В., Коробова И. Н. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний» памяти профессоров Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева по вопросам ресоциализации лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы (12 апреля 2024 г.) // Уголовно-исполнительное право. 2024. № 2. С. 172–180.

97. Коробова И. Н., Скиба А. П. Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний» памяти профессоров Николая Алексеевича Стручкова и Михаила Петровича Мелентьева, приуроченная к 20-летию проведения конференции (22 мая 2025 г.) // Уголовно-исполнительное право. 2025. № 2. С. 189–197.

98. Скиба А. П., Коробова И. Н. Круглый стол «Идеи М. Н. Галкина-Враского и современная уголовно-исполнительная политика» // Уголовно-исполнительное право. 2018. № 4. С. 368–372.

99. Скиба А. П., Коробова И. Н. Международная научно-практическая конференция «Исполнение альтернативных лишению свободы наказаний и уголовно-правовых мер на современном этапе» (20 ноября 2019 г.) // Уголовно-исполнительное право. 2019. № 4. С. 394–400.

100. Скиба А. П., Акчурин А. В. Международная научно-практическая конференция «Вопросы, решаемые при исполнении приговора: уголовно-исполнительные и уголовно-процессуальные аспекты» (Рязань, 17 ноября 2021 г.) // Уголовно-исполнительное право. 2021. № 4. С. 422–430.

101. Скиба А. П., Петрянин А. В., Коробова И. Н. Международный круглый стол «Система пробации в Российской Федерации: уголовно-исполнительные и иные аспекты» (18 ноября 2022 г.) // Уголовно-исполнительное право. 2022. № 4. С. 543–552.

102. Скиба А. П., Коробова И. Н. Международная научно-практическая конференция «Развитие системы наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества. Введение института пробации в Российской Федерации» (15 ноября 2023 г.) // Уголовно-исполнительное право. 2023. № 4. С. 560–574.

103. Скиба А. П., Коробова И. Н. Секция «Исполнение уголовных наказаний в условиях организации и функционирования пробации в Российской Федерации» Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы исполнения уголовных наказаний» (31 октября 2024 г.) // Уголовно-исполнительное право. 2024. № 4. С. 668–676.

104. Скиба А. П., Никитин Д. А. Международная научно-практическая конференция «Обеспечение прав человека в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» (17–18 мая 2021 г.) // Уголовно-исполнительное право. 2021. № 2. С. 234–241.

105. Скиба А. П., Никитин Д. А. II Всероссийская научно-практическая конференция «Назначение, исполнение и досрочное освобождение от уголовных наказаний в экстремальных (чрезвычайных) условиях», посвященная творческому наследию профессора Н. А. Стручкова (к 100-летию со дня рождения) // Уголовно-исполнительное право. 2022. № 1. С. 12–17.

106. Скиба А. П., Крайнова Н. А. Международная научно-практическая конференция «Государственно-частное партнерство в пенитенциарной сфере как форма взаимодей-

ствия государства, институтов гражданского общества и бизнеса» (17 марта 2022 г.) // Уголовно-исполнительное право. 2022. № 1. С. 91–97.

107. Скиба А. П., Скоморох О. А., Феоктистов С. В. Всероссийская научно-практическая конференция «Введение пробации в Российской Федерации: взаимодействие государственных органов и общественных организаций» (10 марта 2023 г.) // Уголовно-исполнительное право. 2023. № 1. С. 122–131.

108. Грушин Ф. В. Интервью с доктором юридических наук, профессором Владимиром Александровичем Уткиным // Уголовно-исполнительное право. 2021. № 2. С. 242–250.

109. Грушин Ф. В. Об актуальных вопросах развития науки уголовно-исполнительного права и не только... Интервью с доктором юридических наук, профессором, заслуженным деятелем науки Российской Федерации Вячеславом Ивановичем Селиверстовым (к 70-летию юбилею) // Уголовно-исполнительное право. 2021. № 3. С. 377–385.

110. Грушин Ф. В. Интервью с доктором юридических наук, профессором Леонидом Борисовичем Смирновым // Уголовно-исполнительное право. 2022. № 1. С. 106–110.

111. Грушин Ф. В. Интервью с доктором юридических наук, профессором Скаковым Айдарканом Байдековичем // Уголовно-исполнительное право. 2022. № 2. С. 252–257.

112. Грушин Ф. В. Интервью с доктором юридических наук, профессором Юрием Анатольевичем Кашубой (приурочено к 70-летию юбилею) // Уголовно-исполнительное право. 2022. № 3. С. 405–415.

113. Грушин Ф. В. Интервью с доктором юридических наук, профессором Борисом Зуфаровичем Маликовым // Уголовно-исполнительное право. 2022. № 4. С. 553–563.

114. Грушин Ф. В., Токубаев З. С. О некоторых современных направлениях развития уголовно-исполнительного права: интервью с профессором кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России А. П. Скибой // Уголовно-исполнительное право. 2023. № 1. С. 139–159.

115. Грушин Ф. В. Пенитенциарная конфликтология – новая отрасль знаний (интервью с доктором юридических наук, профессором Алексеем Петровичем Детковым) // Уголовно-исполнительное право. 2023. № 2. С. 287–293

116. Малолеткина Н. С. Об актуальности ресоциализации осужденных: интервью с заведующей кафедрой уголовного права и криминологии Самарского университета Татьяной Владимировной Кленовой // Уголовно-исполнительное право. 2023. № 3. С. 412–416.

117. Малолеткина Н. С. Уголовно-исполнительное право: доктрина, трансформация и перспективы развития – интервью с профессором кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России Павлом Владимировичем Тепляшиным // Уголовно-исполнительное право. 2023. № 4. С. 575–589.

118. Малолеткина Н. С. О некоторых направлениях развития уголовной политики на современном этапе: интервью с профессором кафедры уголовного права и уголовного процесса Кузбасского института ФСИН России, профессором кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета Александром Викторовичем Шеслером // Уголовно-исполнительное право. 2024. № 1. С. 137–150.

119. Малолеткина Н. С. Антиэкстремистское уголовное право: вопросы теории и практики: интервью с директором Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации Алексеем Владимировичем Петряным // Уголовно-исполнительное право. 2024. № 2. С. 336–351.

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

120. Малолеткина Н. С. Гуманизм: вектор развития пенитенциарной политики: интервью с доктором юридических наук, профессором Еленой Владимировной Кунц // Уголовно-исполнительное право. 2024. № 3. С. 501–507.

121. Стебенева Е. В. Исполнение наказаний как одна из составляющих уголовной политики (современные реалии): интервью с заместителем начальника Санкт-Петербургского университета МВД России (по научной работе) доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом Российской Федерации, почетным сотрудником МВД России Максимом Викторовичем Бавсуном // Уголовно-исполнительное право. 2024. № 4. С. 677–681.

122. Скиба А. П. Предупреждение преступлений органами внутренних дел: интервью с ученым секретарем ученого совета Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя доктором юридических наук, профессором Сергеем Вячеславовичем Ивановым // Уголовно-исполнительное право. 2025. № 2. С. 338–345.

123. Грушин Ф. В. Тернистый путь гуманизации (интервью с доктором юридических наук, ассоциированным профессором Куатом Хажумухановичем Рахимбердиным, приуроченное к 55-летию юбилею) // Уголовно-исполнительное право. 2026. № 2. С. 320–334.

References

1. Nikityuk, S. M. (ed.) 2024, *Academy of the FPS of Russia: history and modernity*, 4th edn, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.
2. 'N. I. Bulaev's address to the editorial staff, future authors and readers' 2006, *Penal law*, iss. 1, p. 11.
3. 'P. V. Krashenninikov's address to the staff of the Council and editorial staff' 2006, *Penal law*, iss. 1, p. 10.
4. 'V. A. Vasiliev's address to readers' 2006, *Penal law*, iss. 1, p. 8.
5. 'B. V. Gryzlov's address to the members of the Editorial Board, editorial staff and readers' 2006, *Penal law*, iss. 1, p. 7.
6. Kuznetsov, A. P. 2023, 'Professor Alexander Yakovlevich Grishko is a scientist who devoted himself to criminal law science (on the 70th anniversary of his birth)', *Legal Science and Practice : Bulletin of the Nizhny issvgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 1(61), pp. 226–232.
7. Grushin, F. V. & Tokubaev, Z. S. 2023, 'On some modern trends in the development of penal law: interview with Professor of the Department of Penal Law of the Academy of the FPS of Russia A. P. Skiba', *Penal law*, iss. 1, pp. 139–159.
8. Peshcherov, G. n.d., *Born to win*, viewed 21 July 2026, <https://proza.ru/2021/10/22/806>.
9. Antonyan, E. A. 2016, 'The scientific school of Yu. M. Antonyan', *Gaps in Russian legislation*, iss. 4, pp. 9–10.
10. Seliverstov, V. I. 2020, 'The role of Professor Alexander Solomonovich Mikhlin in the development of the science of penal enforcement law', *Penal law*, iss. 1, pp. 22–28.
11. Artemyev, N. S. & Simonov, R. V. 2006, 'The causes and conditions of recidivism and the main measures of its prevention', *Penal law*, iss. 2, pp. 6–9.
12. Barabanov, N. P. & Zhuravlev, A. N. 2006, 'Prevention of complications of the operational situation in a correctional institution based on the analysis of the movement of convicts, the study of accounting and registration materials, and the conduct of operational investigative measures', *Penal law*, iss. 2, pp. 10–13.

13. Vlasov, A. N. 2006, 'Conceptual characteristics of the interaction of criminal police with institutions and bodies of the penal enforcement system', *Penal law*, iss. 2, pp. 68–71.
14. Chernyshov, V. V. 2006, 'Psychological features of convicted drug addicts', *Penal law*, iss. 2, pp. 14–16.
15. Makhaboroda, N. I. 2006, 'Social work with convicts in educational colonies', *Penal law*, iss. 2, pp. 17–21.
16. Mishanova, E. V. 2006, 'Economic aspects of labor adaptation of convicts in accordance with the requirements of European penitentiary rules', *Penal law*, iss. 2, pp. 30–32.
17. Yakushkin, S. V. 2007, 'Improvement of the system of selection of candidates for study, placement and consolidation of personnel and their use in institutions and bodies executing punishments', *Penal law*, iss. 1, pp. 88–93.
18. Zlobin, S. I. 2007, 'Analysis of the main difficulties and contradictions in the system of certification of prison staff in the process of reforming the FPS of Russia', *Penal law*, iss. 1, pp. 22–26.
19. Zavodchikov, N. V. 2006, 'Seniority and its role in the social security of employees and citizens dismissed from the penal enforcement system', *Penal law*, iss. 2, pp. 33–37.
20. Kornilov, A. A. & Letunov, V. N. 2006, 'Classification of incentives and the main directions of stimulating employees of institutions of the penal enforcement system', *Penal law*, iss. 2, pp. 86–95.
21. Senkevich, V. V. 2006, 'Peculiarities of sentencing for escape under the legislation of Russia and the CIS countries', *Penal law*, iss. 2, pp. 56–60.
22. Khachikyan, A. M. 2007, 'Comparative analysis of the general provisions of the execution of sentences of imprisonment in the Republic of Armenia and the Russian Federation', *Penal law*, iss. 1, pp. 70–75.
23. Stepashkina, O. N. 2007, 'International experience in determining the types and terms of punishments for minors', *Penal law*, iss. 1, pp. 76–79.
24. Chorny, V. N. 2008, 'Disciplinary responsibility of staff in prisons in England', *Penal law*, iss. 2, pp. 32–35.
25. Yemelyanova, E. V. 2009, 'On the issue of the right of the state to use the labor of convicts', *Penal law*, iss. 1, pp. 6–10.
26. Seliverstov, I. V. 2009, 'The institute of amnesty as a problem of criminal and penal enforcement law', *Penal law*, iss. 1, pp. 15–17.
27. Skiba, A. P. 2009, 'Some aspects of the implementation of the constitutional right of convicts to health protection in conditions of deprivation of liberty', *Penal law*, iss. 1, pp. 26–28.
28. Allakhverdieva, A. V. 2009, 'Problems of social and legal protection of employees of the Federal Penitentiary Service', *Penal law*, iss. 1, pp. 29–31.
29. Butorin, D. E. 2009, 'The concept of the regime of detention of persons in pre-trial detention facilities', *Penal law*, iss. 1, pp. 39–42.
30. Dergachev, A. V. 2009, 'Technical means of video surveillance in the organization of the regime of correctional institutions', *Penal law*, iss. 1, pp. 47–49.
31. Kirichenko, V. M. 2009, 'On the issue of coordinating the activities of the operational apparatus of the FPS of Russia, ensuring law and order in correctional institutions', *Penal law*, iss. 1, pp. 43–46.
32. Nikityuk, S. M., Shurukhnov, N. G. & Akchurin, A. V. 2024, 'Trends in the development of penitentiary academic science: interviews with deputy heads of universities of different years responsible for the development of scientific work (dedicated to the 90th anniversary of the Academy of the FPS of Russia)', *Man: crime and punishment*, iss. 4, pp. 634–657.

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

33. Ivanchin, A. V. 2011, 'Punishment in the form of correctional labor (problems of law enforcement and legislative techniques)', *Penal law*, iss. 1, pp. 15–18.
34. Ryzhov, R. S. 2010, 'On some possibilities for expanding the practice of imposing punishments alternative to imprisonment', *Penal law*, iss. 2, pp. 7–9.
35. Drozdov, A. I. 2011, 'Creation of educational centers: organizational and legal aspects', *Penal law*, iss. 1, pp. 7–10.
36. Chistyakov, A. A. & Parshkov, A. V. 2012, 'Certain aspects of personnel training for institutions that execute sentences without isolating a convicted person from society, as part of the implementation of the Concept of the development of the penal system of the Russian Federation until 2020', *Penal law*, iss. 1, pp. 11–13.
37. Epifanov, S. S. 2012, 'Ways to improve penal enforcement legislation on the use of technical means in the prevention of offenses in the context of the implementation of the Concept of the development of the penal system of the Russian Federation until 2020', *Penal law*, iss. 1, pp. 47–51.
38. Smirnova, I. N. & Vorobyov, M. V. 2012, 'Problems of organizing the activities of penal inspections on the use of electronic monitoring of controlled persons', *Penal law*, iss. 2, pp. 105–108.
39. Matskevich, I. M. 2015, 'The system of A. S. Makarenko and the possibility of using his methods at the present time', *Penal law*, iss. 4, pp. 83–88.
40. Machkasov, A. I. & Simakova, T. A. 2020, 'Institute of Assistants to heads of territorial bodies of the FPS of Russia for organizing work with believers: features of formation and development', *Bulletin of the penal system*, iss. 10, pp. 26–35.
41. Kashuba, Yu. A. 2016, 'Moral education of convicts: new possibilities of religious policy', *Penal law*, iss. 1, pp. 22–25.
42. Vorobyov, S. M. 2016, 'Constitutional and legal foundations of the activities of religious organizations in the Russian Penal system', *Penal law*, iss. 1, pp. 32–35.
43. Machkasov, A. I., Simakova, T. A. 2016, 'Historical experience of interaction of the Russian Orthodox Church with the state system of execution of punishment', *Penal law*, iss. 1, pp. 36–40.
44. Tolchenkin, D. A. 2016, 'The evolution of the institution of prison chaplains in Russia and abroad', *Penal law*, iss. 1, pp. 41–44.
45. 'Metropolitan Veniamin of Ryazan and Mikhailovsky The experience and directions of interaction of the Russian Orthodox Church with the bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia on the example of the Ryazan Archdiocese. Assistance in the re-socialization and social adaptation of convicts' 2016, *Penal law*, iss. 1, pp. 50–52.
46. Avdeev, V. N. 2016, 'On the interaction of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Belgorod region with the Belgorod and Starooskolskaya metropolitanates of the Russian Orthodox Church', *Penal law*, iss. 1, pp. 81–83.
47. Lopukhov, G. 2016, 'The experience of prison service in the Belarusian Exarchate', *Penal law*, iss. 1, pp. 53–54.
48. Samarin, V. A. 2016, 'Actual problems of organizing the training of various categories of clergy serving in places of deprivation of liberty', *Penal law*, iss. 1, pp. 65–67.
49. Seliverstov, V. I. 2019, 'Criminal law, criminological and penal enforcement studies and their reflection in the concept of the development of the penal enforcement system for the period up to 2030', *Penal law*, iss. 2, pp. 119–127.
50. Shamsunov, S. H. 2020, 'Consideration of historical experience in the development of the Concept of the development of the penal system of the Russian Federation until 2030', *Penal law*, iss. 1, pp. 29–32.

51. Rakhmaev, E. S. 2010, 'Re-socialization of persons who have served their sentences in the system of prevention of recidivism', *Penal law*, iss. 2, pp. 63–65.
52. Gorkina, S. A. 2014, 'Interaction of institutions and bodies of the penal system and regional authorities on issues of social adaptation of convicts on the example of the FPS of Russia in the Astrakhan region', *Penal law*, iss. 2, pp. 154–158.
53. Sereda, E. V. 2017, 'On the issue of introducing the institution of probation into Russian penal enforcement law', *Penal law*, iss. 1, pp. 39–41.
54. Gumbatov, M. G. 2019, 'Probation in the Republic of Azerbaijan and prospects for its development', *Penal law*, iss. 2, pp. 170–174.
55. Zholdaskaliev, S. M. 2020, 'On the issue of improving the efficiency of the probation service in the Republic of Kazakhstan', *Penal law*, iss. 2, pp. 188–193.
56. Schultz E. V. 2020, 'Participation of the probation service of the United States of America in the process of re-socialization of homeless convicts (on the example of the states of Washington, Massachusetts, New York city)', *Penal law*, iss. 3, pp. 307–311.
57. Skiba, A. P. & Maloletkina, N. S. 2022, 'The Penal Code of the Donetsk People's Republic: structure and some provisions', *Penal law*, iss. 1, pp. 33–37.
58. Skiba, A. P. 2024, 'Directions of development of the federal law "On the fundamentals of the system of prevention of offenses in the Russian Federation", taking into account the adoption of the Federal law "On Probation in the Russian Federation"', *Penal law*, iss. 2, pp. 181–191.
59. Ermasov, E. V. 2024, 'Probation and penal legislation of the Russian Federation: issues of correlation of spheres of legal regulation', *Penal law*, iss. 4, pp. 520–533.
60. Markuntsov, S. A. 2024, 'Reflections on the structure and content of penal legislation in the context of the entry into force of the Federal Law "On Probation in the Russian Federation"', *Penal law*, iss. 4, pp. 534–543.
61. Skiba, A. P. 2020, 'Quarantine of persons sentenced to imprisonment under penal legislation: problem statement', *Penal law*, iss. 2, pp. 148–150.
62. Butenko, T. P. 2020, 'Implementation of basic means of correction of convicts in the context of the COVID-19 virus pandemic', *Penal law*, iss. 2, pp. 151–157.
63. Sokolov, A. A. 2020, 'On the possibility of eliminating gaps in penal and other legislation in the context of the new coronavirus infection (COVID-19)', *Penal law*, iss. 4, pp. 387–390.
64. Maloletkina, N. S. 2021, 'Problems of public control over ensuring the rights of convicts in the event of extreme situations: some practical and legal aspects', *Penal law*, iss. 1, pp. 21–26.
65. Tunchik, T. S. & Dmitriev, D. B. 2021, 'Regime of special conditions in medical and preventive institutions: some issues of regulation', *Penal law*, iss. 3, pp. 312–317.
66. Kashuba, Yu. A. & Alekseev, A. Yu. 2021, 'The legal essence of the regime of special conditions', *Penal law*, iss. 3, pp. 306–311.
67. Shabanov, V. B. 2023, 'Peculiarities of the legal status of convicts serving compulsory and correctional labor in extraordinary conditions', *Penal law*, iss. 3, pp. 320–325.
68. Gumbatov, M. G. 2016, 'The results of the reform of the penitentiary system of the Republic of Azerbaijan in 2000–2015 and prospects for further development', *Penal law*, iss. 4, pp. 5–7.
69. Borsuchenko, S. A. 2022, 'Punishments and other measures of a criminal-legal nature in the legislation of England and Wales', *Penal law*, iss. 4, pp. 502–513.
70. Kiiko, N. V. 2017, 'Improvement of the penal legislation of the Republic of Belarus', *Penal law*, iss. 4, pp. 464–468.
71. Bui, M. Z. 2014, 'Correctional labor characteristics of convicted drug addicts in the Socialist Republic of Vietnam', *Penal law*, iss. 2, pp. 136–140.

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

72. Sysoev, A. M. 2014, 'The detention of those convicted of extremism in Israeli penitentiary institutions and the problems of their deradicalization', *Penal law*, iss. 1, pp. 84–86.
73. Siryakov, A. N. 2017, 'The Spanish penitentiary system', *Penal law*, iss. 3, pp. 347–351.
74. Skakov, A. B. 2016, 'Implementation of the norms of the minimum standard rules for the treatment of prisoners in the novels of the Penal Code of Kazakhstan', *Penal law*, iss. 2, pp. 29–33.
75. Skiba, A. P., Kovsh, A. V. & Myakhanova, A. N. 2020, 'The main types of punishments not related to isolation from society and their content under the criminal legislation of Oman and Qatar (comparative legal analysis with certain norms of Russian legislation)', *Penal law*, iss. 3, pp. 292–297.
76. Skiba, A. P., Myakhanova, A. N. & Dondokova, M. Y. 2021, 'Parole: the Chinese experience (based on the practice of the Supreme People's Court of the People's Republic of China)', *Penal law*, iss. 4, pp. 474–479.
77. Erkhitueva, T. I. 2021, 'Some features of the system of types of punishment in Russia and Mongolia', *Penal law*, iss. 3, pp. 357–362.
78. Rodionov, A. V. 2019, 'The practice of employing convicts to work in some penitentiary institutions in the United States of America (on the example of prison farms and prison camps)', *Penal law*, iss. 1, pp. 53–56.
79. Salaev, N. S. 2021, 'Peculiarities of execution of punishment in the form of imprisonment in emergency conditions in Uzbekistan', *Penal law*, iss. 1, pp. 74–80.
80. Vorobyov, Yu. A. 2015, 'National peculiarities of the legal provision of preventive detention in Switzerland', *Penal law*, iss. 2, pp. 111–115.
81. Balchindorzhieva, O. B., Myakhanova, A. N. & Skiba, A. P. 2023, 'Section 7 "Parole" of the Criminal Code of the People's Republic of China: an author's translation and a brief comparative analysis with Article 79 of the Criminal Code of the Russian Federation', *Penal law*, iss. 2, pp. 261–265.
82. Davydova, I. A. 2023, 'Disciplinary measures against persons in custody provided for by the French Penal Code: an author's translation and a brief comparative analysis with the provisions of Russian penal legislation', *Penal law*, iss. 2, pp. 266–273.
83. Siryakov, A. N. 2023, 'The purpose and scope of the Penitentiary Regulations (Spain): author's translation and short commentary', *Penal law*, iss. 3, pp. 401–404.
84. Balchindorzhieva, O. B., Myakhanova, A. N. & Skiba, A. P. 2023, 'Section 4 "Mitigation of punishment and parole" of the Law on Prisons of the People's Republic of China: an author's translation and a brief comparative analysis with the legislation of the Russian Federation', *Penal law*, iss. 3, pp. 396–400.
85. Balchindorzhieva, O. B., Myakhanova, A. N. & Skiba, A. P. 2024, 'Chapter 5 "Correction of convicts through education" of the Law on Prisons of the People's Republic of China: an author's translation and a brief comparative analysis with the legislation of the Russian Federation', *Penal law*, iss. 1, pp. 123–127.
86. Balchindorzhieva, O. B., Myakhanova, A. N. & Skiba, A. P. 2024, 'The Law of the People's Republic of China "On Public Correction" (Chapter 1 "General provisions"): the author's translation and a brief comparative analysis with the legislation of the Russian Federation', *Penal law*, iss. 4, pp. 663–667.
87. Balchindorzhieva, O. B., Myakhanova, A. N. & Skiba, A. P. 2024, 'Resolution of the Ministry of Justice of the People's Republic of China dated March 2, 2004 iss. 88 "Code of Conduct for Persons serving sentences in Prisons": the author's translation and a brief comparative analysis with the legislation of the Russian Federation', *Penal law*, iss. 2, pp. 330–335.

88. Myakhanova, A. N. 2025, 'The Regulation of the Supreme People's Court of the People's Republic of China "On the review of the execution of decisions on property issues in mitigation of punishment and parole" from 2024: author's translation of a number of articles and a brief comparative analysis with the legislation of the Russian Federation', *Penal law*, iss. 4, pp. 645–648.

89. Skiba, A. P. & Korobova, I. N. 2017, 'All-Russian scientific and practical conference "Actual problems of penal law and execution of punishments", dedicated to the memory of professors N. A. Struchkov and M. P. Melentyev', *Penal law*, iss. 2, pp. 99–102.

90. Skiba, A. P. & Korobova, I. N. 2018, 'All-Russian scientific and practical conference "Actual problems of penal law and the execution of punishments", dedicated to the memory of Professors N. A. Struchkov and M. P. Melentyev (April 20, 2018)', *Penal law*, iss. 2, pp. 112–115.

91. Skiba, A. P. & Korobova, I. N. 2019, 'All-Russian scientific and practical conference "Actual problems of penal law and execution of punishments", dedicated to the memory of Professors N. A. Struchkov and M. P. Melentyev (April 12, 2019)', *Penal law*, iss. 2, pp. 114–118.

92. Skiba, A. P. & Korobova, I. N. 2020, 'All-Russian scientific and practical conference "Actual problems of penal law and the execution of punishments", dedicated to the memory of Professors N. A. Struchkov and M. P. Melentyev (thematic session dated February 14, 2020, dedicated to the creative legacy of Professor A. S. Mikhlin, to the 90th anniversary of the birthday)', *Penal law*, iss. 1, pp. 12–19.

93. Skiba, A. P. & Korobova, I. N. 2021, 'All-Russian scientific and practical conference "Actual problems of penal law and the execution of punishments", dedicated to the memory of Professors N. A. Struchkov and M. P. Melentyev (thematic session on February 5, 2021, dedicated to the appointment, execution and early release from criminal penalties in extreme conditions (emergency) conditions)', *Penal law*, iss. 1, pp. 97–104.

94. Skiba, A. P., Batbold, G. & Korobova, I. N. 2022, 'International scientific and practical conference "Actual problems of penal law and execution of punishments", dedicated to the memory of professors N. A. Struchkov and M. P. Melentyev (April 1, 2022)', *Penal law*, iss. 2, pp. 144–151.

95. Skiba, A. P., Petryanin, A. V., Korobova, I. N. & Batbold, G. 2023, 'International scientific and practical conference "Actual problems of penal law and execution of punishments" in memory of professors N. A. Struchkov and M. P. Melentyev on the appointment, execution and early release from criminal penalties in extreme (emergency) conditions (thematic session on the problems of regulating the treatment of convicted prisoners of war, April 14, 2023)', *Penal law*, iss. 2, pp. 170–180.

96. Skiba, A. P., Petryanin, A. V. & Korobova, I. N. 2024, 'International scientific and practical conference "Actual problems of penal law and execution of punishments" in memory of professors N. A. Struchkov and M. P. Melentyev on the issues of resocialization of persons released from institutions of the penal system (April 12, 2024)', *Penal law*, iss. 2, pp. 172–180.

97. Korobova, I. N. & Skiba, A. P. 2025, 'All-Russian scientific and practical conference "Actual problems of penal law and execution of punishments" in memory of Professors Nikolai Alekseevich Struchkov and Mikhail Petrovich Melentyev, dedicated to the 20th anniversary of the conference (May 22, 2025)', *Penal law*, iss. 2, pp. 189–197.

98. Skiba, A. P. & Korobova, I. N. 2018, 'Round table "Ideas of M. N. Galkin-Vrasky and modern penal enforcement policy"', *Penal law*, iss. 4, pp. 368–372.

99. Skiba, A. P. & Korobova, I. N. 2019, 'International scientific and practical conference "Execution of alternative punishments and criminal law measures at the present stage" (issvember 20, 2019)', *Penal law*, iss. 4, pp. 394–400.

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

100. Skiba, A. P. & Akchurin, A. V. 2021, 'International scientific and practical conference "Issues resolved during the execution of a sentence: penal and criminal procedural aspects" (Ryazan, issvember 17, 2021)', *Penal law*, iss. 4, pp. 422–430.

101. Skiba, A. P., Petryanin, A. V. & Korobova, I. N. 2022, 'International round table "Probation system in the Russian Federation: penal and other aspects" (November 18, 2022)', *Penal law*, iss. 4, pp. 543–552.

102. Skiba, A. P. & Korobova, I. N. 2023, 'International scientific and practical conference "Development of the system of punishments not related to the isolation of convicts from society. Introduction of the probation institute in the Russian Federation" (November 15, 2023)', *Penal law*, iss. 4, pp. 560–574.

103. Skiba, A. P. & Korobova, I. N. 2024, 'Section "Execution of criminal penalties in the context of the organization and functioning of probation in the Russian Federation" of the international scientific and practical conference "Topical issues of the execution of criminal penalties" (October 31, 2024)', *Penal law*, iss. 4, pp. 668–676.

104. Skiba, A. P. & Nikitin, D. A. 2021, 'International scientific and practical Conference "Ensuring human rights in the penal system of the Russian Federation" (May 17–18, 2021)', *Penal law*, iss. 2, pp. 234–241.

105. Skiba, A. P. & Nikitin, D. A. 2022, 'II All-Russian scientific and practical conference "Appointment, execution and early release from criminal penalties in extreme (emergency) conditions", dedicated to the creative legacy of Professor N. A. Struchkov (on the occasion of the 100th anniversary of his birth)', *Penal law*, iss. 1, pp. 12–17.

106. Skiba, A. P. & Krainova, N. A. 2022, 'International scientific and practical Conference "Public-private partnership in the penitentiary sector as a form of interaction between the state, civil society institutions and business" (March 17, 2022)', *Penal law*, iss. 1, pp. 91–97.

107. Skiba, A. P., Skomorokh, O. A. & Feoktistov, S. V. 2023, 'All-Russian scientific and practical Conference "Introduction of probation in the Russian Federation: interaction of state bodies and public organizations" (March 10, 2023)', *Penal law*, iss. 1, pp. 122–131.

108. Grushin, F. V. 2021, 'Interview with Doctor of Law, Professor Vladimir Alexandrovich Utkin', *Penal law*, iss. 2, pp. 242–250.

109. Grushin, F. V. 2021, 'On topical issues of the development of the science of penal enforcement law and beyond. Interview with Vyacheslav Ivanovich Seliverstov, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (on his 70th birthday)', *Penal law*, iss. 3, pp. 377–385.

110. Grushin, F. V. 2022, 'Interview with Doctor of Law, Professor Leonid Borisovich Smirnov', *Penal law*, iss. 1, pp. 106–110.

111. Grushin, F. V. 2022, 'Interview with Doctor of Law, Professor Skakov Aydarkan Baydekovich', *Penal law*, iss. 2, pp. 252–257.

112. Grushin, F. V. 2022, 'Interview with Doctor of Law, Professor Yuri Anatolyevich Kashuba (dedicated to the 70th anniversary)', *Penal law*, iss. 3, pp. 405–415.

113. Grushin, F. V. 2022, 'Interview with Doctor of Law, Professor Boris Zufarovich Malikov', *Penal law*, iss. 4, pp. 553–563.

114. Grushin, F. V. & Tokubaev, Z. S. 2023, 'On some modern trends in the development of penal law: interview with Professor of the Department of Penal Law of the Academy of the FPS of Russia A. P. Skiba', *Penal law*, iss. 1, pp. 139–159.

115. Grushin, F. V. 2023, 'Penitentiary conflictology – a new branch of knowledge (interview with Doctor of Law, Professor Alexei Petrovich Detkov)', *Penal law*, iss. 2, pp. 287–293.

116. Maloletkina, N. S. 2023, 'On the relevance of the resocialization of convicts: an interview with Tatyana Vladimirovna Klenova, Head of the Department of Criminal Law and Criminology at Samara University', *Penal law*, iss. 3, pp. 412–416.

117. Maloletkina, N. S. 2023, 'Penal enforcement law: doctrine, transformation and development prospects – interview with Pavel Vladimirovich Teplyashin, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology at the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia', *Penal law*, iss. 4, pp. 575–589.

118. Maloletkina, N. S. 2024, 'On some areas of criminal policy development at the present stage: an interview with Alexander Viktorovich Shesler, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure at the Kuzbass Institute of the FPS of Russia, Professor of the Department of Criminal Law at the Law Institute of the National Research Tomsk State University', *Penal law*, iss. 1, pp. 137–150.

119. Maloletkina, N. S. 2024, 'Anti-extremist criminal law: issues of theory and practice: an interview with Alexey Vladimirovich Petryanin, Director of the Nizhny Novgorod branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation', *Penal law*, iss. 2, pp. 336–351.

120. Maloletkina, N. S. 2024, 'Humanism: a vector of development of penitentiary policy: an interview with Doctor of Law, Professor Elena Vladimirovna Kunts', *Penal law*, iss. 3, pp. 501–507.

121. Stebeneva, E. V. 2024, 'Execution of punishments as one of the components of criminal policy (modern realities): interview with Maxim Viktorovich Bavsun, Deputy Head of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work), Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia', *Penal law*, iss. 4, pp. 677–681.

122. Skiba, A. P. 2025, 'Crime prevention by law enforcement agencies: an interview with the academic Secretary of the Academic Council of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Doctor of Law, Professor Sergey Vyacheslavovich Ivantsov', *Penal law*, iss. 2, pp. 338–345.

123. Grushin, F. V. 2026, 'The thorny path of humanization (interview with Doctor of Law, Associate Professor Kuat Khazhumukhanovich Rakhimberdin, dedicated to the 55th anniversary)', *Penal law*, iss. 2, pp. 320–334.

Информация об авторах

С. М. Никитюк – кандидат юридических наук, начальник академии;

А. В. Акчури – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника академии по научной работе.

Information about the authors

S. M. Nikityuk – PhD (Law), head of the academy;

A. V. Akchurin – Sc.D (Law), Associate Professor, deputy head of the academy for scientific work.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 20.07.2026; одобрена после рецензирования 08.08.2026; принята к публикации 23.09.2026.

The article was submitted 20.07.2026; approved after reviewing 06.06.2026; accepted for publication 23.09.2026.

Научная статья
УДК

ПРОБАЦИОННЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

Владимир Александрович Уткин^{1,2}

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия, utkinva@inbox.ru

² Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, г. Томск, Россия

Аннотация. Статья посвящена теоретическому анализу правоотношений, возникающих на основе Федерального закона «О пробации в Российской Федерации». Их субъектами являются как указанные в Законе субъекты пробации, так и лица, в отношении которых она применяется. Автор поддерживает ученых, полагающих, что преобладающая часть пробационных отношений составляют или могут составлять предмет уголовно-исполнительного законодательства. Предлагается дополнить ст. 2 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации положением об оказании помощи не только освобожденным, но и осужденным, имея в виду стоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях. Отмечается декларативность и противоречивость норм Закона о пробации при определении правового положения лиц, к которым она применяется. Объекты пробационных правоотношений – это их цели (родовая, видовые и частные). Такой подход позволяет точнее определять эффективность пробации.

Ключевые слова: пробация, правоотношения, предмет уголовно-исполнительного права

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда 324-78-10043. URL: <https://rscf.ru/project24-78-10043>.

Для цитирования

Уткин В. А. Пробационные правоотношения // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21(1–4), № 3. С. 395–403.

Original article

PROBATION LEGAL RELATIONS

Vladimir Alexandrovich Utkin^{1,2}

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, utkinva@inbox.ru

² Tomsk Institute of Advanced Training of Employees of the FPS of Russia, Tomsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the theoretical analysis of legal relations arising on the basis of the Federal Law "On Probation in the Russian Federation". Their subjects are both the probation subjects specified in the Law and the persons to whom it applies. The author supports scientists who believe that the predominant part of probation relations are or may be the subject of penal legislation. It is proposed to supplement art. Article 2 of the Penal Code of the Russian Federation provides for the provision of assistance not only to those released, but also to convicted persons, bearing in mind those registered with the penal enforcement inspectorate. The declarative nature and inconsistency of the norms of the Probation Act in determining the legal status of the persons to whom it applies are noted. The objects of probation legal relations are their goals (generic, specific and private). This approach allows you to more accurately determine the effectiveness of probation.

Keywords: probation, legal relations, subject of penal law

Acknowledgements: the research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation 324-78-10043. URL: <https://rscf.ru/project24-78-10043>.

For citation

Utkin, V. A. 2026, 'Probation legal relations', *Penal law*, vol. 21(1–4), iss. 3, pp. 395–403.

Правоотношения выступают «в качестве главного средства, при помощи которого требования юридических норм претворяются в жизнь [1, с. 250]. Под ними традиционно понимается возникающая на основе норм права индивидуализированная общественная связь между лицами, характеризующаяся наличием субъективных юридических прав и обязанностей и поддерживаемая (гарантируемая) принудительной силой государства [1, с. 246]. При анализе правоотношений в рамках теории права обычно рассматривают их субъектов, содержание и объекты. Такой подход используется также в отраслевых науках. Но он значим и там, где отраслевая принадлежность той или иной совокупности соответствующих норм однозначно не установлена.

Данное обстоятельство важно, поскольку о юридической природе норм Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – Закон о пробации) пока нет единого мнения. Некоторая часть ученых считает, что в России сформировалась либо формируется самостоятельная отрасль – пробационное право [2, с. 30], высказываются за принятие пробационного кодекса [3, с. 107]. Большинство не без оснований считают институт пробации комплексным, хотя вопрос о «месте постоянной прописки» конкретных входящих в него норм также остается дискуссионным [4, с. 203–210]. Наиболее активно обсуждается соотношение Закона о пробации и уголовно-исполнительного законодательства [5, с. 39–40; 6, с. 540–542; 7, с. 118]. В свя-

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

зи с этим используемый далее термин «пробационные правоотношения» характеризует лишь их функциональный, а не институциональный аспект безотносительно к признанию «пробационного права» как самостоятельной отрасли сейчас либо в будущем.

В юридической литературе давно стала общим местом критика многих норм Закона о пробации с позиций юридической техники, а также за их недостаточную определенность, противоречивость, многословную наукообразность и декларативность. Не желая участвовать в этой и аналогичных дискуссиях, с учетом положений ч. 1 ст. 5 Закона о пробации далее используем в качестве рабочего определения сформулированное ранее понятие пробации как системы специальных мер содействия (специфического социально-правового режима содействия) ресоциализации осужденных и освобожденных от отбывания наказания [8, с. 107, 111].

Следуя указанной выше общей логике научного анализа, обратимся вначале к субъектам пробационных правоотношений и их соотношению с субъектами пробации, субъектами применения пробации. К последним Закон о пробации (ст. 5) относит уголовно-исполнительные инспекции, учреждения, исполняющие наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, а также центры пробации. В отличие от них, понятие «субъекты пробации» трактуется гораздо шире (гл. 2 Закона о пробации). Все они в части реализуемых ими пробационных функций могут считаться субъектами пробационных правоотношений, хотя различных по содержанию.

Другая группа субъектов пробационных правоотношений – осужденные и освобожденные из мест лишения свободы и исправительных центров. При этом сфера пробационных правоотношений шире сферы применения пробации. Например, в рамках таких правоотношений существует и реализуется право осужденных и освобожденных на обращение об оказании содействия в ресоциализации (ст. 11, 16 Закона о пробации). Если таким правом по факту обладают все осужденные и освобожденные в рамках установленных Законом сроков (сроки отбывания наказания без лишения свободы или иной меры уголовно-правового характера, сроки, предшествующие освобождению и после освобождения из мест лишения свободы и исправительных центров), то решение о применении пробации может и не состояться, ибо оно зависит от индивидуальной нуждаемости и целесообразности оказания содействия (ст. 12, 16 Закона о пробации).

Все же основная часть пробационных правоотношений наличествует при фактическом применении пробации. Верный ответ на вопрос, как они соотносятся с уголовно-исполнительными правоотношениями, имеет не только теоретическое, но и практическое значение для определения перспектив развития уголовно-исполнительного законодательства [9, с. 495] и законодательства об уголовно-исполнительной системе [10].

По мнению В. И. Селиверстова, в небольшой части предмет Закона о пробации выходит за пределы предмета уголовно-исполнительного законодательства за счет регулирования отношений по оказанию помощи лицам, освобожденным от наказания по отбытии срока лишения свободы или принудительных работ [11, с. 23]. Как видно, критерием разграничения выступает вид пробации (исполнительная, пенитенциарная либо постпенитенциарная). Предметом уголовно-исполнительного правового регулирования не охватывается лишь последняя – постпенитенциарная пробация. Мы придерживаемся аналогичной позиции, считая постпенитенциарную адаптацию освобожденных от наказания предметом не уголовно-исполнительного права, а специального раздела социального законодательства [12, с. 12; 13, с. 79]. В то же время вывод В. И. Селивер-

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

стова требует некоторого уточнения с учетом предмета действующего уголовно-исполнительного законодательства.

Как указывалось ранее, «определяющим для понимания уголовно-исполнительных отношений как ядра предмета уголовно-исполнительного законодательства и права... являются два обстоятельства. Во-первых, это отношения между государством (в лице уполномоченных учреждений, органов и их сотрудников) и осужденными (конкретного уголовно-правового статуса). Во-вторых, это отношения, возникающие по поводу осуждения, назначенного наказания, иной меры уголовно-правового характера и направленные на их реализацию [14, с. 40]»¹. Помимо отношений между государством и осужденным, при исполнении наказаний они возникают также между уголовно-исполнительными учреждениями и органами, с одной стороны, и иными субъектами – с другой. Отнесение их к уголовно-исполнительным тоже возможно и зависит от их направленности и степени конкретизации.

Суть в том, что, как и во многих иных отраслях, в предмете уголовно-исполнительного права имеют место две группы (два уровня) общественных отношений. В общей теории права их издавна именуют «организуемыми» и «организационными» [15, с. 15]. Первые («ядро предмета») – в уголовно-исполнительной практике складываются между государством в лице уполномоченных учреждений и органов и осужденными. Вторые – направлены на организационное обеспечение, упорядочение «организуемых» отношений. С этих теоретических позиций представляется верным вывод А. В. Уткина в том, что «организационная норма, направленная на обеспечение реализации конкретного уголовно-исполнительного правоотношения, свойственна предмету уголовно-исполнительного права. Если же она направлена на обеспечение уголовно-исполнительной деятельности «вообще», то имеет административно-правовую природу, а ее место – в ином законодательстве (в Законе об УИС, в Федеральном законе о пробации и т. д.)» [16, с. 28].

Изложенное позволяет с большей точностью определить правовую принадлежность тех или иных пробационных правоотношений с учетом того, что соответствующие полномочия уголовно-исполнительных учреждений, предусмотренные Законом о пробации, носят преимущественно организационный характер. В области пенитенциарной пробации Закон выделяет два ее вида: социальную и воспитательную работу в течение всего срока наказания и подготовку к освобождению. С момента принятия Закона о пробации первый вид подвергается обоснованной критике как избыточный и дублирующий существующие функции исправительных учреждений и исправительных центров [17, с. 92; 18, с. 14]. Их регулирование всецело осуществляется уголовно-исполнительным правом, о чем и говорится в ч. 2 ст. 14 Закона о пробации. Что касается подготовки к освобождению, то она большей частью также реализуется в рамках уголовно-исполнительных правоотношений, за исключением общеорганизационных мер, например, предусмотренных ч. 2 ст. 17 Закона о пробации.

Сложнее обстоит дело с правоотношениями в сфере исполнительной пробации касательно осужденных без лишения свободы. С одной стороны, термин «исполнительная» на первый взгляд не допускает сомнений в принадлежности ее предмета к области уголовно-исполнительного правового регулирования, с другой – нельзя не принимать

¹ Понятно, что в данном случае термин «реализация (или исполнение)» наказаний понимается в так называемом широком смысле слова, включающем в себя осуществление связанных с наказанием некарательных исправительных и предупредительных мер (ст. 7, 8 УИК РФ).

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

во внимание преобладание в этом предмете именно организационных отношений (не только конкретных, но и общих), а также то, что при исполнении таких наказаний УИК РФ предусматривает некарательные средства «воздействия» (воспитательные меры) и «противодействия» (ограничения и запреты), прямо не упоминая о мерах «содействия» (в ресоциализации). Однако последние уже давно на практике осуществляются уголовно-исполнительными инспекциями. Еще до вступления в силу Закона о пробации и принятия известного приказа Минюста России № 350 письмом ФСИН России от 30 июня 2023 г. № исх. 04-53807 были внедрены Методические рекомендации по предупреждению совершения новых преступлений среди лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях и учреждениях, исполняющих наказания в виде принудительных работ. Среди основных методов предупреждения в них упомянуто оказание помощи подучетным лицам, попавшим в сложную жизненную ситуацию, включая консультирование по вопросам предоставления государственных (муниципальных) услуг, установление, восстановление и укрепление их социально полезных связей. Их законодательное оформление в предмете уголовно-исполнительного права возможно путем изложения последнего положения ч. 2 ст. 1 УИК РФ таким образом: «...порядок оказания помощи осужденным и освобождаемым лицам». Это положение целесообразно конкретизировать применительно к деятельности уголовно-исполнительных инспекций.

Таким образом, в предмет уголовно-исполнительного законодательства входят все «организуемые» отношения в области пенитенциарной и исполнительной пробации, а также конкретные «организационные» отношения обоих видов. Общие организационные отношения в этой сфере с участием уголовного-исполнительных учреждений и органов – прерогатива нового Закона об уголовно-исполнительной системе. Дальнейшее их регулирование применительно к задачам ресоциализации в части взаимодействия с иными субъектами может осуществляться Законом о пробации либо специализированным разделом социального законодательства.

Юридическое содержание всякого правоотношения образуют его составные юридические элементы, то есть субъективные права и обязанности. Правосубъектность органов, выполняющих функции государственного управления, обозначается в юридической науке, законодательстве и на практике специальной категорией – компетенцией как совокупностью прав и неразрывно связанных с ними обязанностей [1, с. 289]. Юридическим выражением компетенции служит термин «полномочия» (см., например, главу 3 «Полномочия Правительства Российской Федерации» Федерального конституционного закона от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»). Но нередко законодатель обходится без этого термина, подразумевая под полномочиями конкретные направления деятельности государственного органа (ст. 114 Конституции РФ и др.).

Порой трудно определить, чем руководствовался законодатель при избрании тех или иных способов выражения компетенции субъектов пробации. Для федеральных органов исполнительной власти, государственных учреждений службы занятости населения – это «полномочия» (ст. 7, 9 Закона о пробации), применительно к органам власти субъектов РФ – «права» (ст. 8), для организаций социального обслуживания – «обязанности» (ст. 10), для учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, – «обязанности и права» (ст. 17), для уголовно-исполнительных инспекций – «права и обязанности» (ст. 28). Нередко под полномочиями, видимо, следует понимать описание конкретных направлений и видов деятельности типа «проводится

работа» (ч. 1 ст. 15), «оказывают содействие» (ч. 2 ст. 15), «осуществляется консультирование» (ч. 2 ст. 23 и др.). Причем, как уже отмечалось, большая часть таких полномочий носит организационный характер.

Что касается лиц, в отношении которых применяется пробация, то об их правах Закон о пробации говорит крайне скупо, в особенности учитывая, что среди задач пробации – «обеспечение гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина» (ч. 2 ст. 4). В сфере пенитенциарной пробации ст. 18 упоминает пять видов прав, а в области исполнительной или постпенитенциарной пробации – семь видов. Причем в последнем случае большей частью явно надуманных. Например, неясно, почему среди прав лица, в отношении которого уже применяется исполнительная или постпенитенциарная пробация (ст. 29), закреплено его право запрашивать и получать информацию об основаниях и порядке ее применения и право обращаться с заявлением о ее применении. То же можно сказать о закрепленном в данной статье праве «на вежливое обращение со стороны работников органов, учреждений и организаций, указанных в ст. 6 настоящего Федерального закона», то есть федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов РФ, учреждений уголовно-исполнительной системы, государственных учреждений службы занятости. Надо полагать, на образовательные или медицинские учреждения такое право не распространяется.

Рамки статьи не позволяют детально проанализировать содержание всех или большинства прав и обязанностей субъектов в сфере применения пробации и их соотношения с аналогичными элементами установленных УИК РФ уголовно-исполнительных отношений. Для примера можно обратиться к работе А. П. Скибы [7]. Скажем лишь, что размещение таких норм в кодексе (причем не «пробационном», а в уголовно-исполнительном, когда это отвечает его предмету), представляется, в принципе должно повысить уровень законодательной техники соответствующих юридических предписаний и степень их гарантированности.

Общая теория права именует объектами правоотношений явления (предметы) материального и духовного мира, способные удовлетворять потребности их субъектов [1, с. 327]. Объекты правоотношения нельзя смешивать с объектом правового регулирования. Объектом (предметом) правового регулирования являются общественные отношения, акты волевого поведения людей, на которые воздействует право [1, с. 324]. Некоторые ученые-юристы и даже иногда законодатель допускают подобную ошибку, относя к предмету правового регулирования правоотношения. Так, П. В. Тепляшин пишет, что предмет правового регулирования Закона о пробации «составляют пробационные правоотношения» [2, с. 5]. С. С. Алексеев в свое время обращал на это внимание, отмечая, что «правоотношения образуют элемент «рабочей части» механизма правового регулирования, то есть средство правового воздействия, а фактическое отношение – предмет регулирования, то есть ту область социальных явлений, на которую воздействует право... Правоотношение – это не что иное, как та форма или тот вид, который приобретает фактическое отношение, будучи урегулированным нормами права» [1, с. 255].

Существенная особенность объектов в правоотношениях активного типа состоит в том, что они всегда выступают в виде результата действий обязанного лица [1, с. 328]. Но на момент функционирования правоотношения этот результат еще не достигнут, иначе формирование правоотношения не имело бы смысла, поэтому точнее говорить о желаемом результате. В. Н. Протасов в связи с этим определял объект правоотноше-

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

ния как явление внешнего мира, способное удовлетворить интерес управомоченного лица, выступающее в виде вещи, услуги, продукта духовного творчества или личного нематериального блага, ради которого и действуют субъекты правоотношения [19, с. 46]. Очевидно, что с позиций системного подхода это не что иное, как цель правоотношения.

Анализ Закона о пробации позволяет выявить несколько взаимосвязанных уровней целей пробационных правоотношений. Родовая (наиболее общая для пробации) – предупреждение совершения новых преступлений, иначе говоря, криминологического рецидива (ч. 1 ст. 4), видовая (как желаемое состояние) – достигнутая ресоциализация осужденного, освобожденного от наказания. Частная цель ставится в пробационном правоотношении в зависимости от того или иного направления ресоциализации (трудоустройство, получение профессии, восстановление семейных связей и т. п.). Учет таких целей и степени их достижения – необходимое условие определения эффективности пробации.

Список источников

1. Алексеев С. С. Собрание сочинений. М. : Статут, 2010. 781 с.
2. Тепляшин П. В. Пробация: теоретико-правовые основы и научно-исследовательские проблемы. М. : Юрлитинформ, 2026. 168 с.
3. Гришко А. Я. Пробация и пробационное законодательство // Преступление, наказание, исправление : сб. тез. выступ. и докл. участников V Междунар. пенитенц. форума : в 9 т. Рязань : Академия ФСИН России. 2021. Т. 1. С. 105–108.
4. Ермасов Е. В. Совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере исполнения уголовных наказаний при введении пробации // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 19(1-4), № 2. С. 200–210.
5. Грушин Ф. В. Источники уголовно-исполнительного права: современное состояние // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21(1-4), № 1. С. 35–42.
6. Маркунцов С. А. Рассуждения о структуре и содержании уголовно-исполнительного законодательства в контексте вступления в силу Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19(1-4), № 4. С. 534–543.
7. Скиба А. П. Направления совершенствования уголовно-исполнительного права в связи с принятием Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» // Союз криминалистов и кримиологов. 2025. № 1. С. 117–128.
8. Уткин В. А. Пенитенциарная пробация // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2025. № 2(24). С. 103–113.
9. Скиба А. П. О результатах работы авторского коллектива по разработке направлений совершенствования уголовно-исполнительного законодательства в связи с принятием Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 1(1-4), № 3. С. 493–498.
10. Кузьмин С. И., Уткин В. А. Закон об уголовно-исполнительной системе как средство ее реформирования // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2020. № 5. С. 17–19.
11. Селиверстов В. И. Совершенствование уголовно-исполнительного законодательства в современных условиях: основные факторы и направления // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 1(61). С. 20–25.
12. Уткин В. А. Курс лекций по уголовно-исполнительному праву. Общая часть. Томск : Изд-во ТГУ, 1995. 94 с.

13. Уткин В. А. Ресоциализация освобожденных от наказания: история и современность // Уголовная юстиция. 2014. № 1(3). С. 76–81.
14. Уткин В. А. Уголовно-исполнительная деятельность и предмет уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 2. С. 39–43.
15. Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М. : Юрид. лит. 1972. 258 с.
16. Уткин А. В. Межотраслевые взаимосвязи уголовно-исполнительного права: кодификация 1996 г. и современность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2026. 33 с.
17. Царева Е. А. Понятие и виды probation // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 91–94.
18. Бирюков И. И. Пробация в Российской Федерации: проблемы теории и правоприменения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2026. 29 с.
19. Протасов В. Н. Теория права и государства. М. : Новый юрист, 1999. 240 с.

References

1. Alekseev, S. S. 2010, Collected works, Statute, Moscow.
2. Teplyashin, P. V. 2026, Probation: theoretical and legal foundations and research problems, Yurlitinform, Moscow.
3. Grishko, A. Ya. 2021, 'Probation and probation legislation', in Crime, punishment, correction: collection of abstracts of speeches and reports of participants of the V International Penitentiary Forum, in 9 vols. vol. 1, pp. 105–108, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.
4. Ermasov, E. V. 2023, 'Improvement of legal regulation in the field of execution of criminal penalties during the introduction of probation', *Penal law*, vol. 19(1–4), iss. 2, pp. 200–210.
5. Grushin, F. V. 2026, 'Sources of penal law: current state', *Penal law*, vol. 21(1–4), iss. 1, pp. 35–42.
6. Markuntsov, S. A. 2024, 'Reflections on the structure and content of penal enforcement legislation in the context of the entry into force of the Federal Law "On Probation in the Russian Federation"', *Penal law*, vol. 19(1–4), iss. 4, pp. 534–543.
7. Skiba, A. P. 2025, 'Directions for improving penal law in connection with the adoption of the Federal Law "On Probation in the Russian Federation"', *Union of Criminologists and Criminologists*, iss. 1, pp. 117–128.
8. Utkin, V. A. 2025, 'Penitentiary probation', *Bulletin of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia*, iss. 2(24), pp. 103–113.
9. Skiba, A. P. 2025, 'On the results of the work of the author's team on the development of areas for improving penal enforcement legislation in connection with the adoption of the Federal Law "On Probation in the Russian Federation"', *Penal law*, vol. 1(1–4), iss. 3, pp. 493–498.
10. Kuzmin, S. I. & Utkin, V. A. 2020, 'The law on the penal enforcement system as a means of its reform', *Penal system: law, economics, management*, iss. 5, pp. 17–19.
11. Seliverstov, V. I. 2023, 'Improvement of penal enforcement legislation in modern conditions: main factors and directions', *Penitentiary science*, vol. 17, iss. 1(61), pp. 20–25.
12. Utkin, V. A. 1995, A course of lectures on penal law. The General part, TSU Publishing House, Tomsk.
13. Utkin, V. A. 2014, 'Re-socialization of those released from punishment: history and modernity', *Criminal justice*, iss. 1(3), pp. 76–81.
14. Utkin, V. A. 2016, 'Penal activity and the subject of penal law', *Penal law*, iss. 2, pp. 39–43.
15. Gorshenev, V. M. 1972, Methods and organizational forms of legal regulation in a socialist society, *Jurid. lit.*, Moscow.

ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

16. Utkin, A. V. 2026, Intersectoral interrelations of penal law: codification of 1996 and modernity: PhD thesis (law), Tomsk.

17. Tsareva, E. A. 2023, 'The concept and types of probation', *Criminal justice*, iss. 22, pp. 91–94.

18. Biryukov, I. I. 2026, Probation in the Russian Federation: problems of theory and law enforcement: PhD thesis (law), Moscow.

19. Protasov, V. N. 1999, *Theory of law and the state*, Novy Yurist, Moscow.

Информация об авторе

В. А. Уткин – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии (Национальный исследовательский Томский государственный университет); профессор кафедры исполнения наказаний (Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России).

Information about the author

V. A. Utkin – Sc.D (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, head of the penal law and criminology department (National Research Tomsk State University); professor of the penal enforcement department (Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the FPS of Russia).

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 06.06.2026; одобрена после рецензирования 08.08.2026; принята к публикации 23.09.2026.

The article was submitted 25.05.2026; approved after reviewing 06.06.2026; accepted for publication 23.09.2026.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Научная статья
УДК

УГОЛОВНО-РЕПРЕССИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЙ УГОЛОВНЫМИ КОДЕКСАМИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Алексей Александрович Кашкаров¹

¹Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, г. Симферополь, Россия,
akashkarov@ya.ru

Аннотация. В статье представлен сравнительный историко-правовой анализ института наказания в трех кодификациях советского уголовного права (УК РСФСР 1922, 1926 и 1960 гг.). Исследуется диалектическая взаимосвязь между идеологической преемственностью и кардинальной сменой юридической техники. Раскрывается эволюция от чрезвычайного революционного правосознания к стабильной нормативной системе; от классового подхода и применения аналогии закона до формальной определенности и отказа от концепции «опасного состояния личности». Особое внимание уделено трансформации терминологии (переход от «наказания» к «мерам социальной защиты» и обратно), структурированию системы санкций, а также изменению содержания таких институтов, как поражение в правах, лишение свободы и имущественные взыскания. Сделан вывод о том, что советское законодательство, несмотря на репрессивный потенциал, выработало систему наказаний, ставшую базисом для современного уголовного права Российской Федерации.

Ключевые слова: наказание, Уголовный кодекс, меры социальной защиты

Для цитирования

Кашкаров А. А. Уголовно-репрессивный инструментарий, предусмотренный уголовными кодексами советского периода // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21(1–4), № 3. С. 404–412.

PENAL POLICY

Original article

CRIMINAL REPRESSIVE TOOLS PROVIDED BY THE CRIMINAL CODES OF THE SOVIET PERIOD

Alexey Alexandrovich Kashkarov¹

¹ Crimean Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Simferopol, Russia, akashkarov@ya.ru

Abstract. The article presents a comparative historical and legal analysis of the institution of punishment in three codifications of Soviet criminal law (the Criminal Code of the RSFSR in 1922, 1926 and 1960). The author examines the dialectical relationship between ideological continuity and a radical change in legal technique. The evolution from an extreme revolutionary sense of justice to a stable normative system is revealed; from a class approach and the application of the analogy of law to formal certainty and rejection of the concept of a "dangerous state of personality". Special attention is paid to the transformation of terminology (the transition from punishment to "social protection measures" and vice versa), the structuring of the system of sanctions, as well as changes in the content of institutions such as denial of rights, imprisonment and property penalties. It is concluded that Soviet legislation, despite its repressive potential, developed a system of punishments that became the basis for modern criminal law in the Russian Federation.

Keywords: punishment, Criminal Code, social protection measures

For citation

Kashkarov, A. A. 2026, 'Criminal repressive tools provided by the criminal codes of the Soviet period', *Penal law*, vol. 21(1–4), iss. 3, pp. 404–412.

Сравнительный историко-правовой анализ института наказания в трех кодификациях советского уголовного права демонстрирует уникальный путь развития, сочетающий глубинную идеологическую преемственность с кардинальной сменой правовой техники и формально-юридических конструкций. Эволюция наказания от УК РСФСР 1922 года¹, УК РСФСР 1926 года² к УК РСФСР 1960 года³ отражает переход от чрезвычайного революционного правосознания к стабильной, хотя и сохраняющей репрессивный потенциал, нормативной системе, что свидетельствует о диалектической их взаимосвязи [1, с. 98]. Следует отметить, что в советский период отечественное уголовное законодательство

¹ См.: О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР : постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3006#RN5ncOVspa2UoMW1> (дата обращения: 01.07.2026).

² См.: О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР редакции 1926 года : постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3274#SjAncOVygTDLnpdy1> (дата обращения: 01.07.2026).

³ Уголовный кодекс РСФСР: утв. Верховным Советом РСФСР 27 октября 1960 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 01.07.2026).

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

также состояло из некодифицированных нормативных правовых актов, которые предусматривали ответственность за отдельные уголовно наказуемые деяния, которые не всегда признавались преступлениями. Так, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников» предусматривал ответственность за совершение не преступления, а злодеяния и при этом предусматривал самостоятельную систему наказаний (покараний) в виде смертной казни через повешение и ссылки в каторжные работы сроком от 15 до 20 лет, которые не были присущи и характерны кодифицированному уголовно-правовому законодательству того периода.

Общностью всех трех уголовных кодексов советского периода является то, что они были инструментами охраны диктатуры пролетариата (ст. 27 УК РСФСР 1922 г.), а впоследствии – социалистического государства (ст. 46 УК РСФСР 1926 г., ст. 1 УК РСФСР 1960 г.). При этом наказание рассматривалось не в современном его понимании, а как инструмент обороны пролетарского государства и социальной защиты, что подтверждается приведенными сквозными принципами, последовательно воспроизводимыми (закрепляемыми) в каждом из уголовных кодексов. Однако структурно-содержательные различия между ними носят фундаментальный характер, отражая не только смену уголовно-правовых парадигм, но и трансформацию советского социума в целом.

Раскрывая суть последовательно закрепленных в советских уголовных кодексах принципов наказания, отметим, что во всех УК РСФСР наблюдается устойчивый дуализм целей наказания. В УК РСФСР 1922 г. законодатель прямо именовал наказание мерой оборонительной, целесообразной, но при этом полностью лишенной признаков мучительства, а УК РСФСР 1926 года, сделавший следующий шаг в развитии этой доктрины, заменил понятие «наказание» на «меры социальной защиты» и в ч. 2 ст. 9 определил, что меры социальной защиты не могут иметь целью причинение физического страдания или унижение человеческого достоинства и задачи возмездия и кары себе не ставят. В УК РСФСР 1960 г., который восстановил классический термин «наказание», законодатель синтезировал в нем кару с целями исправления и перевоспитания, одновременно сохранив запрет на причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства. Таким образом цели специальной и общей превенции являются сквозными и неизменными.

В редакции УК РСФСР 1926 г. обращает на себя внимание положение (ч. 2 ст. 9), согласно которому меры социальной защиты задачи возмездия и кары себе не ставят, что не свойственно редакции 1922 г. и 1960 г. Кроме того, в упомянутом Указе Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. № 39 кара и возмездие являлись основной целью данного уголовно-правового акта.

Кодексы 1922 г. и 1926 г. наделяли правоприменителя (суды и трибуналы) дискреционными полномочиями применять наказание (меры социальной защиты), руководствуясь социалистическим правосознанием и революционной целесообразностью, даже при отсутствии в кодексе точного состава преступления, то есть допускалось применение уголовного закона по аналогии (с. 10 УК РСФСР 1922 г. и ст. 16 УК РСФСР 1926 г.). Формально отказавшись от аналогии в УК РСФСР 1960 г., законодатель в ст. 37 указанного Кодекса, сохранил роль социалистического правосознания как критерия оценки общественной опасности деяния и личности виновного, что обеспечило идеологическую преемственность судейского усмотрения.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Двум ранним редакциям УК РСФСР присущ классовый подход к назначению наказания. Такой же подход был применен советским законодателем в Декрете Совета Народных Комиссаров «О взяточничестве» от 8 мая (25 апреля) 1918 года. В ст. 25 УК РСФСР 1922 г. и ст. 47, 48 УК РСФСР 1926 г. была предусмотрена классовая принадлежность субъекта уголовной ответственности и направленность деяния против интересов власти трудящихся, которые являлись легальными критериями дифференциации наказания (отягчающим обстоятельством считалась принадлежность к классу эксплуататоров, смягчающим – статус рабочего или трудового крестьянина). В УК РСФСР 1960 г. этот подход теряет прямую законодательную фиксацию, однако сохраняется в конструкции ст. 1, в которой предусмотрено, что «Уголовный кодекс РСФСР имеет задачей охрану советского общественного и государственного строя, социалистической собственности...», что нашло свою детализацию в конструкции Особенной части УК РСФСР 1960 г.

Продолжая анализ наказания как уголовно правовой категории, следует указать, что УК РСФСР 1922 г. в разделе IV «Наказания и иные меры социальной защиты» в ст. 32 определяет суть (виды наказаний), а в ст. 46 виды мер социальной защиты, сохраняя понятие «наказание». Законодатель в УК РСФСР 1926 г. совершает идеологический и радикальный отказ от самого понятия «наказание», заменяя его универсальной категорией «меры социальной защиты судебно-исправительного, медицинского и медико-педагогического характера» (ст. 20–25). Это отражало криминологическую доктрину «опасного состояния личности», где репрессия заменялась воздействием, соразмерным не столько деянию, сколько свойствам субъекта.

Законодатель в УК РСФСР 1960 г. осуществляет регресс к классической терминологии. Он восстанавливает категорию «наказание» (гл. 4), а меры медицинского и воспитательного характера выводятся за его пределы. Это знаменует отказ от крайностей ранней советской школы уголовного права в пользу законодательной определенности.

Исследование кодифицированного отечественного уголовного законодательства советского периода свидетельствует о том, что законодатель перманентно осуществлял структурирование системы наказаний от казуистичной к иерархичной.

Система наказаний, предусмотренных УК РСФСР 1922 г., представляет собой казуистичный перечень из 10 видов наказания (ст. 32) и 5 мер социальной защиты (ст. 46) без строгой иерархии. К наказаниям относились: а) изгнание из пределов РСФСР на срок или бессрочно; б) лишение свободы со строгой изоляцией или без таковой; в) принудительные работы без содержания под стражей; г) условное осуждение; д) конфискация имущества – полная или частичная; е) штраф; ж) поражение прав; з) увольнение от должности; и) общественное порицание; к) возложение обязанности загладить вред. К мерам социальной защиты относились: а) помещение в учреждения для умственно или морально дефективных; б) принудительное лечение; в) воспрещение занимать ту или иную должность или заниматься той или иной деятельностью или промыслом; г) удаление из определенной местности; д) отдача несовершеннолетнего на поруки родителям, родственникам либо другим лицам при условии всестороннего ознакомления суда с образом жизни и личностью поручителя.

В ст. 33 УК РСФСР 1922 г. расстрел определялся высшей мерой наказания. Условное осуждение (п. «г» ст. 32 и ст. 36 УК РСФСР 1922 г.), общественное порицание (п. «и» ст. 32 и ст. 44 УК РСФСР 1922 г.) и возложение обязанности загладить вред (п. «к» ст. 32 и ст. 45 УК РСФСР 1922 г.) относились к видам наказания, а запрет занимать ту или иную должность или заниматься той или иной деятельностью или промыслом – к мерам социальной защиты.

Как было отмечено, УК РСФСР 1926 г. не содержит понятия «наказания», используя понятие «меры социальной защиты», дифференцируя их на меры социальной защиты судебно-исправительного характера (ст. 20); меры социальной защиты медицинского характера (ст. 24); меры социальной защиты медико-педагогического характера (ст. 25). В общей сложности УК РСФСР 1926 г. предусматривал 19 мер социальной защиты, 15 из которых признавались мерами социальной защиты судебно-исправительного характера, к которым относились: а) объявление врагом трудящихся с лишением гражданства СССР и обязательным изгнанием из его пределов; б) лишение свободы со строгой изоляцией; в) лишение свободы без строгой изоляции; г) принудительные работы без лишения свободы; д) поражение политических и отдельных гражданских прав; е) удаление из пределов СССР на срок; ж) удаление из пределов РСФСР или отдельной местности с обязательным поселением в иных местностях или без этого, или с запрещением проживания в отдельных местностях или без этого; з) увольнение от должности с запрещением занятия той или другой должности или без этого; и) запрещение занятия той или иной деятельностью или промыслом; к) общественное порицание; л) конфискация имущества, полная или частичная; м) денежный штраф; н) предостережение; о) возложение обязанности загладить причиненный вред.

Кроме того, следует отметить, что ст. 31 УК РСФСР 1926 г. предусматривала возможность лишения знаков отличия и почетных званий приговором суда и особый порядок лишения орденов Трудового и Красного Знамени. Применение такого рода воздействия на осужденного не относилось к мерам социальной защиты судебно-исправительного характера.

В ст. 21 УК РСФСР 1926 г. закреплялось, что расстрел – исключительная мера охраны государства трудящихся и применяется он для борьбы с наиболее тяжкими видами преступлений, угрожающими основам Советской власти и советского строя. Таким образом, можно утверждать, что эта мера являлась не мерой социальной защиты, а мерой исключительно охраны.

Некоторые из приведенных мер социальной защиты, предусмотренных УК РСФСР 1926 г., сложно признать таковыми, так как они имели целью, например, возмещение причиненного вреда, предостережение либо общественное порицание. Представляется, такого рода подход обусловлен содержанием ч. 2 ст. 9 УК РСФСР 1926 г. Это также дает основание утверждать, что между приведенной системой мер социальной защиты судебно-исправительного характера и современной системой наказаний, предусмотренной ст. 44 УК РФ, нельзя ставить знак равенства.

Статьей 23 УК РСФСР 1926 г. была предусмотрена классификация мер социальной защиты судебно-исправительного характера на основные, самостоятельные и дополнительные. К основным относились: объявление врагом трудящихся с его последствиями, лишение свободы со строгой изоляцией, лишение свободы без строгой изоляции и принудительные работы без лишения свободы. Иные могут быть как самостоятельными, так и сочетаемыми с основными в качестве дополнительных. Кроме того, применение конфискации в качестве дополнительной меры социальной защиты в обязательном порядке должно было быть предусмотрено (оговорено) в кодексе, что исключало ее применение по усмотрению правоприменителя и отличало от иных дополнительных мер социальной защиты судебно-исправительного характера.

Уголовное законодательство 1960 г. завершает формализацию, утверждая закрытый перечень из 12 видов наказания (ст. 21) и исключительной мерой наказания – смертной

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

казнь (ст. 23) с четкой законодательной дифференциацией на основные, дополнительные и смешанные (ст. 22). Появляется строгая соподчиненность видов наказания по их тяжести, что отсутствовало в ранних кодексах.

К основным мерам наказания относились: лишение свободы, исправительные работы без лишения свободы, общественное порицание, направление в дисциплинарный батальон. К смешанным: ссылка, высылка, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, штраф, увольнение от должности, возложение обязанности загладить причиненный вред. К исключительно дополнительным: конфискация имущества и лишение воинского или специального звания.

Следует отметить, что в УК РСФСР 1960 г. вводится такой вид наказания, как смертная казнь, которая исполняется в форме расстрела. В более ранних редакциях советских уголовных кодексов, как отмечалось, расстрел признавался в качестве высшей меры наказания (УК РСФСР 1922 г.) или исключительной мерой охраны (УК РСФСР 1926 г.), причинение смерти осужденному законодателем подразумевалось при назначении высшей или исключительной меры, в тексте закона это не указывалось.

Как видно из приведенного, система мер законодательной реакции на преступление (наказание, меры социальной защиты судебно-исправительного характера) эволюционировала. В ходе становления и развития существенных изменений претерпел такой инструмент уголовно-правовой репрессии, как поражение в правах. Все три советские редакции включали в себя данный инструмент, однако его содержание менялось кардинально. В УК РСФСР 1922 г. «поражение прав» (ст. 40–42) представляло собой комплексное лишение политических, гражданских и профессиональных прав, которое назначалось практически автоматически при осуждении к лишению свободы на срок свыше одного года, при этом осужденный признавался опороченным по суду до пяти лет. Уголовное законодательство 1926 г. (ст. 31–34) детализирует «поражение политических и отдельных гражданских прав». Так, в ст. 31 УК РСФСР было закреплено, что поражение в правах заключается в лишении: а) активного и пассивного избирательного права при выборах в советы и съезды советов; б) права занимать ответственные государственные должности, исполнять общественные обязанности и носить почетное звание; в) права занятия выборных должностей в промышленных или торговых организациях и обществах; г) родительских прав. При этом правоприменитель мог решать полностью поражать осужденного всех прав или подходить к этому вопросу избирательно.

УК РСФСР 1960 г. совершает принципиальный отказ от комплексного поражения прав как вида наказания. Ему на смену приходят точечные меры: лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 29); увольнение от должности (ст. 31) и лишение воинского либо специального звания (ст. 36). Что касается лишения орденов и почетных званий, то эта процедура выводится из плоскости уголовного наказания и переводится в русло административного взаимодействия суда с Президиумом Верховного Совета и иными органами власти СССР и или союзных республик. В этом переходе отражается движение от масштабного статусного поражения гражданина к функционально-профессиональному ограничению.

Кроме указанного института системно-функциональные изменения коснулись наказаний, связанных с лишением и ограничением свободы. Наблюдается отчетливое движение от относительно простых форм к сложной и глубоко дифференцированной пенитенциарной системе. УК РСФСР 1922 г. предусматривал лишь лишение свободы со строгой изоляцией или без таковой на срок до десяти лет, а также принудительные

работы. УК РСФСР 1926 г. добавил к этому арсеналу удаление с обязательным поселением или с запретом проживания в определенных местностях (ст. 36). УК РСФСР 1960 г. создает развитую систему исполнения наказания: детализируются ссылка (ст. 25) и высылка (ст. 26); вводится институт особо опасного рецидивиста с повышением максимального срока лишения свободы до пятнадцати лет, последовательно разграничиваются режимы содержания в исправительно-трудовых колониях и тюрьмах (ст. 24), а исправительные работы без лишения свободы впервые приобретают характер удержания части заработка в доход государства (ст. 27). Это коренным образом отличается от принудительных работ 1920-х годов, имевших природу трудовой повинности с понижением тарифного разряда.

Наконец, показательна эволюция имущественных наказаний – конфискации и штрафа. В первой редакции уголовного законодательства 1922 г. штраф исчислялся в привязке к золотому рублю (примечание к ст. 39 УК РСФСР 1922 г.) и был ограничен императивным запретом замены его лишением свободы (ст. 39 УК РСФСР 1922 г. и ст. 42 УК РСФСР 1926 г.), при этом и в первой и во второй редакциях конфискация имущества описывалась через казуистичный перечень исключений из описи (ст. 38 УК РСФСР 1922 г. и ст. 40 УК РСФСР 1926 г.). УК РСФСР 1960 г. вносит формальную ясность: замена штрафа исправительными работами получает четкую нормативную регламентацию при сохранении запрета на замену лишением свободы. Конфискация же приобретает исчерпывающий перечень предметов, не подлежащих изъятию, и допускается исключительно за государственные и тяжкие корыстные преступления. Тем самым сфера ее применения существенно сужается по сравнению с широким судебским усмотрением, характерным для первого послереволюционного десятилетия.

Резюмируя изложенное, можно отметить, что три редакции отечественного кодифицированного уголовного законодательства советского периода обладают глубинной диалектической связью, которая демонстрирует эволюцию советской карательной политики от классовой онтологии к позитивистской пенитенциарной доктрине, при сохранении незыблемого идеологического ядра. Общность систем наказаний в этих кодексах определяется их функциональной детерминацией: все они являются инструментами охраны диктатуры пролетариата, а впоследствии – социалистического государства. При этом структурно-содержательные и функциональные различия между ними носят фундаментальный характер, отражая смену уголовно-правовых парадигм.

Суть системы наказания по УК РСФСР 1922 г. представляет собой квинтэссенцию революционного правосознания, где наказание воспринимается сугубо как «мера оборонительная», лишенная мучительства, но жестко привязанная к классовому критерию. Отличительной чертой этого Кодекса является детализированная градация обстоятельств, влияющих на меру наказания, среди которых фигурирует политико-идеологический мотив – совершение преступления «в интересах восстановления власти буржуазии» рассматривается как признак,отягчающий наказание. Система родов (видов) наказаний здесь еще неоднородна: наряду с лишением свободы (от полугода до десяти лет со строгой изоляцией или без таковой) и принудительными работами, сохраняется архаичное изгнание из пределов РСФСР (срочное или бессрочное), а поражение прав автоматически следует за осуждением к лишению свободы на срок свыше года. В целом такая логика понятна, в современных условиях она отчасти существует в виде социально негативных последствий осуждения виновного лица. Кроме того, УК РСФСР 1922 г. вводит специфические «другие меры социальной защиты» (помещение в учреждения

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

для дефективных, принудительное лечение), которые сосуществуют с наказанием, но не всегда сливаются с ним, что свидетельствует о незавершенности теоретической мысли в разграничении репрессии и профилактики.

УК РСФСР 1926 года совершает концептуальный прорыв, окончательно отказываясь от термина «наказание» в пользу широкой категории «мер социальной защиты судебно-исправительного характера» [2, с. 224–226], что радикально меняет акценты: теперь меры воздействия делятся не только на основные и дополнительные, но и судебно-исправительные, медицинские и медико-педагогические. Принципиальным нововведением является снижение нижнего предела лишения свободы до одного дня, что позволяло суду назначать сроки символического воздействия, а также введение предостережения как меры, применяемой даже при оправдательном приговоре это беспрецедентное расширение юрисдикционного влияния на лицо, формально не признанное преступником. Кроме того, УК РСФСР 1926 г. впервые вводит четкую регламентацию зачета предварительного заключения (три дня принудительных работ за день лишения свободы) и дифференцирует поражение прав, включая лишение родительских прав, что свидетельствует о проникновении уголовного закона в микроструктуры семейных отношений.

По мнению исследователей, УК РСФСР 1960 г. знаменует собой возврат к риторике «наказания как кары», но в совершенно ином, стабилизированном контексте: законодатель прямо постулирует цель исправления и перевоспитания в духе честного труда и уважения к социалистическому общежитию, что сближает его с педагогической риторикой 1926 года, но при этом жестко формализует систему видов, что по мнению исследователей, обеспечило преемственность развития формирования отечественной системы наказаний, прерванных революцией 1917 года [3, с. 859]. Из перечня исчезают «объявление врагом трудящихся» и «предостережение», но появляются ссылка и высылка как самостоятельные виды, сроки которых строго лимитированы (от 2 до 5 лет), а также лишение воинского или специального звания. Наиболее значимое отличие – введение института особо опасного рецидивиста с повышением максимального срока лишения свободы до пятнадцати лет (вместо десяти лет в предыдущих кодексах), что указывает на переход от классовой опасности к криминологической персонификации. Кроме того, меняется архитектура назначения наказания по совокупности: если в 1922 и 1926 гг. действовал принцип поглощения (назначалась наиболее тяжкая мера), то в 1960 г. допускается как поглощение, так и сложение наказаний, что отражает стремление к более жесткой репрессии при множественности преступлений. Условное осуждение, существовавшее в более ранних редакциях УК РСФСР, в редакции 1960 г. приобретает развернутую систему испытательных сроков (от 1 до 5 лет) и институт передачи осужденного на поруки коллективу, что является прямой эволюцией «отдачи на поруки» из 1922 г., но теперь – в коллективистской, производственной интерпретации.

Таким образом, общность трех кодексов заключена в их единой сущностной природе как орудий государственного принуждения, опирающихся на идеологическую легитимацию и гарантирующих неотвратимость ответственности при неизменном сохранении высшей меры и базовых имущественных взысканий. Если уголовные кодексы РСФСР 1922 и 1926 гг. воспринимали преступника как продукт социальной среды и классовой борьбы, требуя индивидуализации наказания исходя из «образа жизни и прошлого», то УК РСФСР 1960 года, сохраняя эти аспекты, жестко привязывает судебское усмотрение к рамкам санкций Особенной части, одновременно вводя институты давности привлечения и исполнения приговора, что окончательно формирует уголовный закон

как стабильную нормативную систему, а не как конъюнктурное средство революционного правотворчества.

Следует также отметить, что доктринальные положения, разработанные теоретиками уголовного права и законодателем советского периода, находят свое отражения в нормах и положениях действующего уголовного законодательства Российской Федерации. Рецепция советского уголовно-правового инструментария в сфере пенализации свидетельствует о том, что советское уголовное законодательство, пройдя сложный путь сумело выработать и оптимизировать систему наказаний, которая выступает базисом современной системы наказаний, его эволюция продемонстрировала какие из наказаний являются «классическими», а какие «идеологическими» и «конъюнктурными», трансформация некоторых видов наказаний была объективным процессом.

Список источников

1. Розенко С. В. Российская правовая политика в области системы уголовного наказания: парадигмы развития // Вестник Кузбасского института. 2025. № 2(63). С. 95–104.
2. Розенко С. В. Система мер социальной защиты УК РСФСР 1926 г. как альтернатива наказанию // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22, № 5. С. 224–226.
3. Мкртычан С. А. Система наказаний в УК РСФСР 1922, 1926 и 1960 гг. // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. С. 856–860.

References

1. Rozenko, S. V. 2025, 'Russian legal policy in the field of the criminal punishment system: development paradigms', *Bulletin of the Kuzbass Institute*, iss. 2(63), pp. 95–104.
2. Rozenko, S. V. 2016, 'The system of social protection measures of the Criminal Code of the RSFSR in 1926 as an alternative to punishment', *Bulletin of Kostroma State University*, vol. 22, iss. 5, pp. 224–226.
3. Mkrtychan, S. A. 2014, 'The system of punishments in the Criminal Code of the RSFSR in 1922, 1926 and 1960', *Actual problems of Russian law*, iss. 5, pp. 856–860.

Информация об авторе

А. А. Кашкаров – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и оперативно-розыскной деятельности.

Information about the author

A. A. Kashkarov – Sc.D (Law), Professor, head of the criminal law and operational investigative activities department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 06.06.2026; одобрена после рецензирования 08.08.2026; принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 06.06.2026; approved after reviewing 06.06.2026; accepted for publication 28.09.2026.

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Научная статья
УДК

ТРУДОВАЯ АДАПТАЦИЯ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К ПРИНУДИТЕЛЬНЫМ РАБОТАМ

Юлия Александровна Головастова¹, Андрей Николаевич Гордополов²

^{1,3} Академия ФСИН России, г. Рязань, Россия

² Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, г. Рязань, Россия

³ Московский университет имени С. Ю. Витте филиал в г. Рязани, г. Рязань, Россия

¹ ugolovastova@yandex.ru

⁴ andrei.gordopolov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена правовому анализу регулирования трудовой деятельности осужденных к принудительным работам как основного средства их исправления и ресоциализации. Введение данного вида наказания, альтернативного лишению свободы, актуализировало задачу создания сбалансированной правовой модели, которая, с одной стороны, обеспечивала бы карательно-исполнительную функцию, а с другой – способствовала формированию у осужденных устойчивых навыков законопослушного поведения и готовности к жизни в обществе. Цель исследования заключается в комплексном изучении и систематизации нормативно-правовой базы, регламентирующей труд осужденных к принудительным работам, оценке его эффективности как средства исправления, а также выявлении проблем правоприменительной практики и направлений ее совершенствования. Было установлено, что труд, выступая обязательным и основным элементом содержания наказания в виде принудительных работ, обладает значительным исправительным потенциалом. Исследование подтвердило положительную корреляцию между фактом трудоустройства осужденных и снижением уровня рецидивной преступности. Одновременно выявлены проблемные вопросы, требующие законодательной конкретизации.

Ключевые слова: принудительные работы, уголовное наказание, исправление осужденных, ресоциализация, трудовое воздействие, уголовно-исполнительное право, правовое регулирование, исправительный центр, социальная адаптация

Для цитирования

Головастова Ю. А., Гордополов А. Н. Трудовая адаптация как ключевой элемент исправления осужденных к принудительным работам // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21(1–4), № 2. С. 413–422.

OBJECTIVES OF THE PENAL LEGISLATION

Original article

LABOR ADAPTATION AS A KEY ELEMENT OF THE CORRECTION OF CONVICTS TO FORCED LABOR

Yulia Aleksandrovna Golovastova^{1,2,3}, Andrey Nikolaevich Gordopolov⁴

^{1,3} Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia

² Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Ryazan, Russia

³ Witte Moscow University branch in Ryazan, Ryazan, Russia

¹ ugolovastova@yandex.ru

⁴ andrei.gordopolov@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the legal analysis of the regulation of the labor activity of those sentenced to forced labor as the main means of their correction and re-socialization. The introduction of this type of punishment, an alternative to imprisonment, actualized the task of creating a balanced legal model that, on the one hand, would provide a punitive and executive function, and on the other, would contribute to the formation of stable law-abiding behavior and readiness for life in society among convicts. The purpose of the study is to comprehensively study and systematize the regulatory framework governing the work of those sentenced to forced labor, assess its effectiveness as a means of correction, as well as identify problems of law enforcement practice and areas for its improvement. It was found that labor, being a mandatory and basic element of the content of punishment in the form of forced labor, has significant correctional potential. The study confirmed a positive correlation between the employment of convicts and a decrease in the rate of recidivism. At the same time, problematic issues requiring legislative specification have been identified.

Keywords: forced labor, criminal punishment, correction of convicts, re-socialization, labor impact, penal law, legal regulation, correctional center, social adaptation

For citation

Golovastova, Yu. A. & Gordopolov, A. N. 2026, 'Labor adaptation as a key element of the correction of convicts to forced labor', *Penal law*, vol. 21(1–4), iss. 3, pp. 413–422.

Введение

Современная уголовно-исполнительная политика Российской Федерации направлена на активное использование наказаний, альтернативных лишению свободы, позволяющих минимизировать негативные социальные последствия изоляции и сосредоточиться на

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

восстановительных функциях. Одним из путей видится развитие института принудительных работ, сущность которого, в соответствии со ст. 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, заключается в привлечении осужденного к труду в местах, определяемых учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы. Его основополагающей целью является исправление осужденного, под которым понимается формирование уважительного отношения к человеку, обществу, правовым нормам, правилам общежития и труду. Таким образом, труд выступает не просто формальным атрибутом отбывания наказания, а его содержательным ядром, основным средством достижения исправительного воздействия. Эффективность этого средства напрямую зависит от того, насколько четко, последовательно и сбалансированно урегулирован порядок его организации, условия осуществления и контроль за ним на законодательном уровне.

Актуальность углубленного изучения данной темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, происходит последовательная популяризация применения принудительных работ, что соответствует общемировым тенденциям гуманизации пенитенциарной системы и отражено в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года. В то же время, согласно данным Министерства юстиции Российской Федерации создана система исправительных центров, в которой имеется около 50 тыс. мест для отбывания наказания, 50 % которых обеспечено рабочими местами для осужденных. Анализируя данные, мы можем с уверенностью отметить экономическую эффективность создания исправительных центров¹. Во-вторых, динамичное развитие законодательства, в частности, внесение изменений, разрешающих труд осужденных у индивидуальных предпринимателей², создает новые правовые и организационные реалии, требующие научного осмысления и практической адаптации [1]. В-третьих, существует объективная потребность в оценке накопленного эмпирического материала и статистических данных об эффективности принудительных работ для выработки научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию правоприменительной практики [2].

Наиболее убедительным аргументом в пользу исправительного потенциала труда являются данные о рецидивной преступности: число повторных преступлений среди осужденных к принудительным работам увеличивается. Это обусловлено развитием исполнения наказаний в виде принудительных работ, вследствие чего увеличивается количество учреждений, а также лиц, которые там отбывают наказание. В связи с этим увеличилось использование мер положительного и предупредительного воздействия. Однако учитывая направленность наказания, ядром предупредительного воздействия является вовлеченность осужденного в трудовую деятельность.

Исполнение наказания в виде принудительных работ осуществляется в исправительных центрах (ИЦ). Ключевые принципы и порядок отбывания этого наказания детально регламентированы гл. 8.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ). Нормативной основой, непосредственно закрепляющей функцию труда как средства исправления, является ст. 60.7 УИК РФ. Она устанавливает безусловную обязанность осужденного трудиться и корреспондирующую ей обязанность администрации

¹ См.: Официальный сайт Минюста России. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/50326/> (дата обращения: 28.01.2026).

² См.: О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 3 апреля 2023 г. № 102-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 14. Ст. 2379.

исправительного центра привлекать его к труду с учетом наличия рабочих мест, а также пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и, по возможности, имеющейся специальности. Законодатель предусмотрел широкие возможности для трудовой занятости осужденных: они могут быть направлены на работу в организации любой организационно-правовой формы или к индивидуальным предпринимателям. Отдельного внимания заслуживает норма права, закрепленная в ст. 60.4 УИК РФ, допускающая привлечение осужденных к труду без оплаты для работ по благоустройству территории исправительного центра продолжительностью не более двух часов в неделю, что, помимо хозяйственной функции, подразумевает и воспитательное воздействие.

Важнейшим элементом механизма исправительного воздействия через труд является система мер поощрения и взыскания, регламентированная ст. 60.13, 60.14 УИК РФ. За добросовестное отношение к труду и примерное поведение осужденный может быть поощрен благодарностью, досрочным снятием ранее наложенного взыскания или предоставлением права на выезд за пределы ИЦ в выходные и праздничные дни в границах муниципального образования. Статистические данные, приведенные в обзорах ФСИН России, свидетельствуют об общей положительной динамике в сфере исполнения данного вида наказания. Так, согласно последней переписи осужденных отмечался рост доли лиц, получивших меры поощрения. Применение благодарности увеличилось на 33,38 % по сравнению с 2023 г.; досрочное снятие ранее наложенного взыскания возросло на 44,52 %, а за добросовестный труд число лиц, которым было разрешено проживание с семьей на собственной или арендованной жилплощади, увеличилось на 16,94 % [3, с. 168–170]. Нарушение порядка отбывания наказания, а именно нарушение трудовой дисциплины, напротив, увеличилось на 30,19 %. Их совершение влечет за собой наложение взысканий: выговор, отмену права проживания вне общежития или водворение в помещение для нарушителей.

Отказ от работы законодатель относит к разряду злостных нарушений. Сам факт признания осужденного злостным нарушителем позволяет начальнику исправительного центра направить в суд представление о замене неотбытой части наказания к принудительным работам лишением свободы. Небезынтересно, что официальные статистические сведения свидетельствуют о негативной тенденции в части роста показателей по нарушениям режима и уклонениям от отбывания наказания. Например, количество отказов от работы осужденными возросло на 14,08 % [3].

Обязательный характер труда осужденных к принудительным работам обеспечивается рядом законодательных положений, формирующих его непреложность:

1. Обязанность работать строго на определенном администрации ИЦ месте.
2. Широкие возможности трудоустройства в различных организациях и у индивидуальных предпринимателей¹.
3. Установленный законом механизм обмена информацией между администрацией ИЦ и работодателем для обеспечения контроля.
4. Распространение на трудовые отношения с осужденными общих норм трудового законодательства РФ, но с существенными ограничениями, обусловленными специальным правовым статусом осужденного.
5. Запрет для осужденного отказаться от предложенной ему работы.

¹ См.: О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 3 апреля 2023 г. № 102-ФЗ.

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

6. Предоставление ежегодного оплачиваемого отпуска продолжительностью 18 дней (после 6 месяцев работы) по согласованию с администрацией ИЦ.

7. Ограничение права работодателя на увольнение осужденного исключительно случаями, прямо предусмотренными уголовно-исполнительным законодательством¹.

Детализация общих норм УИК РФ осуществляется в подзаконных нормативно-правовых актах, среди которых ключевую роль играют ведомственные приказы Минюста России. К ним относятся: приказы, об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных центров², Порядка осуществления надзора за отбыванием наказания, в том числе за работающими у индивидуальных предпринимателей³, а также Порядка ведения учета, проведения воспитательной работы и применения мер воздействия⁴, О внесении изменений в приказ Минюста России от 20 сентября 2023 г. № 287 «Об утверждении Порядка осуществления надзора за отбыванием наказания осужденными к принудительным работам, в том числе за осужденными, работающими у индивидуальных предпринимателей»⁵.

Особое практическое значение имеет приказ ФСИН России от 17 декабря 2019 г. № 1138, утвердивший типовой договор между исправительным центром и организацией-работодателем⁶. Этот документ регламентирует предмет договора, порядок оплаты

¹ См.: Об утверждении типового договора между исправительным центром и организацией, использующей труд осужденных к принудительным работам, находящимся на участке исправительного центра, расположенном вне территории исправительного центра : приказ ФСИН России от 17 декабря 2019 г. № 1138. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343929/ (дата обращения: 03.02.2026).

² См.: Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста России от 4 июля 2022 № 110 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения 29.01.2026).

³ См.: Об утверждении Порядка осуществления надзора за отбыванием наказания осужденными к принудительным работам, в том числе за осужденными, работающими у индивидуальных предпринимателей : приказ Минюста России от 20 сентября 2023 г. № 287 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.01.2026).

⁴ См.: Об утверждении Порядка исполнения администрацией исправительного центра обязанностей по ведению учета осужденных к принудительным работам, осуществлению регистрации и снятия с регистрационного учета по месту пребывания осужденных к принудительным работам граждан Российской Федерации или постановки на миграционный учет и снятия с миграционного учета по месту пребывания осужденных к принудительным работам иностранных граждан и лиц без гражданства, проведению с осужденными к принудительным работам воспитательной работы, применению к ним мер поощрения и взыскания, ведению работы по подготовке осужденных к принудительным работам к освобождению : приказ Минюста России от 25 декабря 2019 г. № 307 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.01.2026).

⁵ См.: О внесении изменений в приказ Минюста России от 20 сентября 2023 г. № 287 «Об утверждении Порядка осуществления надзора за отбыванием наказания осужденными к принудительным работам, в том числе за осужденными, работающими у индивидуальных предпринимателей» : приказ Минюста России от 13 января 2026 г. № 2 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.01.2026).

⁶ См.: Об утверждении типового договора между исправительным центром и организацией, использующей труд осужденных к принудительным работам, находящимся на участке исправительного центра, расположенном вне территории исправительного центра : приказ ФСИН Рос-

труда и перечисления сведений о заработке в ИЦ, ответственность сторон и их взаимодействие, выступая основным инструментом правового оформления трудовых отношений с участием осужденного.

Важнейшей особенностью правового регулирования труда осужденных является его двойственная природа. С одной стороны, на эти отношения распространяются базовые гарантии трудового права: оплата труда не ниже МРОТ, ежегодный оплачиваемый отпуск, обязательное социальное и пенсионное страхование¹. С другой стороны, в силу карательно-воспитательной специфики наказания, вопросы, связанные с порядком приема на работу, увольнения, перевода и добровольного отказа от работы, регулируются императивными нормами УИК РФ, а не Трудового кодекса Российской Федерации. Так, осужденный не может по собственному желанию уволиться или отказаться от порученной работы. Перевод возможен лишь по производственной необходимости или медицинским показаниям, причем требует согласования с администрацией ИЦ. Увольнение происходит только в строго ограниченных случаях: освобождение от наказания, перевод в другую организацию или ИЦ, замена наказания на лишение свободы, состояние здоровья или сокращение объема работ [4].

Материальное положение осужденного формируется за счет его заработной платы, из которой производятся законодательно установленные удержания. Часть заработка (не менее 25 %) выплачивается ему на руки. Из оставшихся средств в первую очередь удовлетворяются требования взыскателей по исполнительным документам, а затем возмещаются расходы на содержание осужденного в исправительном центре. Законодатель предусмотрел возможность обращения осужденного в суд с ходатайством о снижении размера удержаний при ухудшении его материального положения. Одновременно осужденные обязаны ежемесячно возмещать ИЦ фактические расходы на коммунально-бытовые услуги и содержание имущества. Однако, как отмечается в научной литературе, данный порядок регламентирован недостаточно четко: не определены конкретные виды расходов на содержание имущества, не указаны ответственные за расчет и контроль органы, что создает почву для правовой неопределенности и возможных злоупотреблений [5].

Проведенный анализ норм УИК РФ и Правил внутреннего распорядка ИЦ показывает, что подзаконные акты в значительной степени дублируют положения Кодекса. В свете новых законодательных изменений, разрешивших труд у индивидуальных предпринимателей, возникает насущная потребность в дополнении и развитии этих актов. В частности, видится необходимым: детальная регламентация расширенных механизмов надзора и контроля за осужденными на новых типах рабочих мест, разработка мер по профилактике нарушений в условиях более дистанционного и гибкого взаимодействия между ИЦ, осужденным и работодателем.

Значительный исправительный потенциал труда раскрывается также в методических и рекомендательных документах, таких как Методические рекомендации по алгоритму действий сотрудников, направленных на профилактику суицидов осужденных, отбы-

сии от 17 декабря 2019 г. № 1138. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343929 (дата обращения: 03.02.2026).

¹ См.: О порядке обязательного социального страхования на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством осужденных к принудительным работам, привлеченных к труду : постановление Правительства Рос. Федерации от 5 мая 2012 г. № 464 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 20. Ст. 2561.

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

вающих наказания в исправительных центрах (изолированных участниках, функционирующих как исправительные центры, при исправительных учреждениях). В частности, указывается, что проведение индивидуальной профилактической работы осуществляется во взаимодействии с подразделениями исправительного учреждения, в том числе среди прочих с группами организации трудовой деятельности и воспитательной работы. Наравне с ними действуют Методические рекомендации по предупреждению совершения новых преступлений среди лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, и учреждениях, исполняющих наказание в виде принудительных работ. Среди основных методов и форм работы по предупреждению совершения подучетными лицами новых преступлений выделяется сбор и анализ сведений о трудовом опыте осужденного и отношения к труду. В них подчеркивается, что само по себе трудоустройство является мощным фактором профилактики правонарушений, отвлекающим осужденного от антиобщественных связей и мыслей, дающим ему легальный источник дохода и ощущение социальной полезности. Воспитательная работа сотрудников ИЦ, направленная на исправление, строится на двух ключевых методах, тесно связанных с трудовой деятельностью: помощи и убеждении. Метод помощи заключается в комплексной поддержке осужденного в решении социально-бытовых проблем, содействии в восстановлении документов, трудоустройстве, получении психологической помощи. Метод убеждения направлен на коррекцию антиобщественных установок личности через апелляцию к позитивному опыту, в том числе трудовому, который был у человека до совершения преступления. Изучение его прежнего отношения к труду, наличия профессиональных успехов становится основой для выработки индивидуальной стратегии трудовой адаптации [6].

Особое значение труд приобретает для осужденных, переведенных на принудительные работы из мест лишения свободы. Для тех, кто в колонии не был привлечен к труду, риск антисоциального поведения после освобождения особенно высок. Трудовая занятость в рамках принудительных работ становится для них «мостиком» к нормальной жизни, предотвращая рецидивы, связанные с корыстными мотивами или аморальным образом жизни [7].

На основе анализа нормативной базы, статистики и эмпирических данных можно выделить ряд несомненных положительных моментов использования труда в качестве средства исправления осужденного, отбывающего принудительные работы:

1. Императивность и стимулирование. Труд является не правом, а обязанностью осужденного. Добросовестное его исполнение становится прямым путем к поощрениям и в конечном счете к законопослушной жизни, формируя устойчивую положительную мотивацию.

2. Дисциплинирующее и контролирующее начало. Постоянный надзор со стороны администрации ИЦ и система взысканий за нарушения трудовой дисциплины реализуют карательно-воспитательную функцию наказания, приучая к порядку и ответственности.

3. Социальная инклюзивность. Возможность работать в обычных организациях минимизирует социальную изоляцию, позволяет сохранять и развивать профессиональные навыки, поддерживать социально приемлемые модели поведения, что важно для ресоциализации.

4. Экономическая эффективность. Государство сокращает значительные расходы на полное содержание нетрудоустроенных лиц в местах лишения свободы, осужденные

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

самостоятельно участвуют в возмещении затрат на свое содержание, а также производят материальные ценности.

5. Справедливая оплата и социальные гарантии. Закон гарантирует оплату труда не ниже МРОТ, предоставление отпуска, социальное и пенсионное страхование. Это не только защищает права осужденного, но и демонстрирует ему возможности легального трудового пути, формируя уважение к закону.

6. Перспектива постепенной адаптации. Возможность остаться на том же предприятии после отбытия наказания на общих основаниях кардинально повышают шансы человека на успешное возвращение в общество.

Заключение

Таким образом, правовое регулирование труда осужденных к принудительным работам представляет собой сложный, многоуровневый механизм, призванный обеспечить реализацию исправительной функции данного вида наказания. Накопленная практика и статистические данные свидетельствуют о его высокой эффективности в плане снижения рецидива и содействия социальной адаптации. Труд в условиях принудительных работ выступает действенным катализатором позитивных изменений в личности осужденного, способствуя формированию трудовых навыков, ответственности и законопослушания. Тем не менее существуют ряд вопросов, требующих законодательной регламентации, в частности: возмещение расходов на содержание и детализацию надзорных процедур при реализации трудовой функции осужденным у ИП, определение индивидуальной формы воспитательной и профилактической работы, основанной на глубоком изучении личности и потребностей каждого осужденного. Развитие института принудительных работ в соответствии с этими принципами будет способствовать не только достижению целей конкретного наказания, но и реализации более масштабной задачи построения современной, гуманной и результативной системы исполнения уголовных наказаний в России.

Список источников

1. Нарышкина Н. И., Писарев О. М. Проблемы правового регулирования исполнения и отбывания уголовного наказания в виде принудительных работ // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2023. № 3(17). С. 48–57.
2. Помоголова Ю. В. Современные проблемы административно-правового регулирования исполнения наказания в виде принудительных работ // Административная деятельность правоохранительных органов Российской Федерации и зарубежных стран : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России (Рязань, 21 апр. 2022 г.) / под общ. ред. Е. В. Сенатовой. Рязань : Академия ФСИН России, 2022. С. 88–93.
3. Осужденные и содержащиеся под стражей в России (по материалам девятой специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 г.) : монография : в 2 т. / под. ред. В. И. Селиверстова. М. : Проспект, 2025. Т. 1. 911 с.
4. Мельникова О. В., Зайцева С. И. Исполнение наказания в виде принудительных работ: организационно-правовые вопросы // Правоохранительная функция государства: актуальные вопросы истории, теории и правоприменительной практики : материалы науч.-представительских мероприятий. М. : Изд-во ИП Колупаева Е. В., 2022. С. 171–173.
5. Разбирин Л. И. Проблемы правового регулирования уголовного наказания в виде принудительных работ // Вестник Кузбасского института. 2023. № 2(55). С. 123–130.

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

6. Комбаров Р. В. Воспитательная работа с осужденными к принудительным работам // *Ius Publicum et Privatum*. 2022. № 2(17). С. 75–84.

7. Идрисов И. Т. Назначение и исполнение наказаний, связанных с трудовым воздействием, и возможность ресоциализации осужденных // *Юридический вестник Самарского университета*. 2018. Т. 4, № 2. С. 47–52.

References

1. Naryshkina, N. I. & Pisarev, O. M. 2023, 'Problems of legal regulation of execution and serving of criminal punishment in the form of forced labor', *Bulletin of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the FPS of Russia*, iss. 3(17), pp. 48–57.

2. Pomogalova, Yu. V. 2022, 'Modern problems of administrative and legal regulation of the execution of punishment in the form of forced labor', in E. V. Senatova (ed.), *Administrative activities of law enforcement agencies of the Russian Federation and foreign countries: collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 20th anniversary of the Department of Administrative and Financial Law of the Academy of the FPS of Russia (Ryazan, April 21, 2022)*, pp. 88–93, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

3. Seliverstov, V. I. (ed.) 2025, *Convicts and detainees in Russia (based on the materials of the ninth special census of convicts and persons in custody, December 2022) : monograph*, in 2 vols, vol. 1, Prospekt, Moscow.

4. Melnikova, O. V. & Zaitseva, S. I. 2022, 'Execution of punishment in the form of forced labor: organizational and legal issues', in *Law enforcement function of the state: actual issues of history, theory and law enforcement practice: materials of scientific events*, pp. 171–173, Publishing house of IP Kolupaeva E. B., Moscow.

5. Razbirina, L. I. 2023, 'Problems of legal regulation of criminal punishment in the form of forced labor', *Bulletin of the Kuzbass Institute*, iss. 2(55), pp. 123–130.

6. Kombarov, R. V. 2022, 'Educational work with those sentenced to forced labor', *Ius Publicum et Privatum*, iss. 2(17), pp. 75–84.

7. Idrisov, I. T. 2018, 'The appointment and execution of labor-related punishments and the possibility of resocialization of convicts', *Law Bulletin of Samara University*, vol. 4, iss. 2, pp. 47–52.

Информация об авторах

Ю. А. Головастова – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными (Академия ФСИН России); профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин (Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина); профессор кафедры уголовно-правовых и гуманитарных дисциплин (Московский университет имени С. Ю. Витте филиал в г. Рязани);

А. Н. Гордополов – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры организации режима и надзора в уголовно-исполнительной системе.

Information about the authors

Yu. A. Golovastova – Sc.D (Law), Associate Professor, professor of the penal law and organization of educational work with convicts department (Academy of the FPS of Russia); professor of the criminal law disciplines department (Ryazan State University named after S. A. Yesenin); professor of the criminal law and humanities department (Witte Moscow University branch in Ryazan);

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

A. N. Gordopolov – PhD (Law), senior lecturer of the regime organization and supervision at the penal system department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 06.06.2026; одобрена после рецензирования 08.08.2026; принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 06.06.2026; approved after reviewing 06.06.2026; accepted for publication 28.09.2026.

Научная статья
УДК

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ УЧАСТИЯ ВОЛОНТЕРОВ В ИСПРАВЛЕНИИ (РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ) ОСУЖДЕННЫХ

Вячеслав Иванович Селиверстов^{1,2}

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия,
vis_home@list.ru

² Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье анализируются меры по повышению внимания к оценке деятельности общественников (волонтеров), участвующих в исправлении (ресоциализации) осужденных, преодолению тренда недооценки важности деятельности пенитенциарных волонтеров среди населения России, а также предложения по совершенствованию законодательной регламентации общественной деятельности волонтеров.

Ключевые слова: исправление, ресоциализация, общественность, волонтеры, осужденные, уголовно-исполнительная система

Для цитирования

Селиверстов В. И. Об отдельных проблемах участия волонтеров в исправлении (ресоциализации) осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21(1–4), № 3. С. 423–000.

Original article

ABOUT INDIVIDUAL PROBLEMS OF VOLUNTEERS' PARTICIPATION IN THE REHABILITATION (RE-SOCIALIZATION) OF CONVICTS

Vyacheslav Ivanovich Seliverstov^{1,2}

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, vis_home@list.ru

² Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Abstract. The article analyzes measures to increase attention to the assessment of the activities of public activists (volunteers) involved in the correction (re-socialization) of convicts, to overcome the trend of underestimating the importance of the activities of penitentiary volunteers among the Russian population, as well as proposals to improve the legislative regulation of public activities of volunteers.

Keywords: correction, re-socialization, public, volunteers, convicts, penal system

For citation

Seliverstov, V. I. 2026, 'About individual problems of volunteers' participation in the rehabilitation (re-socialization) of convicts', *Penal law*, vol. 21(1–4), iss. 3, pp. 423–000.

Уголовно-исполнительное законодательство (ст. 1 УИК РФ) в качестве приоритетной цели ставит исправление осужденных. Однако будет ошибочно представлять, что исправление осужденных, включая его важное, но не единственное средство в виде их ресоциализации, представляет собой исключительное дело специализированных государственных органов. Без участия общественных организаций, коммерческого и некоммерческого секторов, а также добровольных общественных помощников и контролеров добиться успехов в этом крайне важном и трудном деле весьма сложно.

Участие общественного сектора в исправлении (ресоциализации) осужденных является стратегической задачей, поставленной перед государством и обществом в ряде политических документов, включая последние две концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года и на период до 2030 года.

Проблемы оказания помощи лицам, отбывающим и отбывшим уголовное наказание, осуществления общественного контроля за соблюдением их прав и законных интересов постоянно находились и находятся в сфере внимания академической и ведомственной юридической науки, активно обсуждались и обсуждаются на различного рода площадках и во всевозможных форматах: конференциях, круглых столах, конгрессах, форумах. Принят Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации», предусматривающий разнообразные формы взаимодействия с институтами гражданского общества и проходящий в настоящее время довольно трудную апробацию в практике учреждений уголовно-исполнительной системы. Для его реализации разработана ведомственная нормативная база, ФСИН России и Минюст России осуществляют мониторинг применения его норм.

Постоянно публикуются монографии [1], научные статьи [2, с. 57–59; 3, с. 25–34], учебные пособия [4], периодически проходят защиты диссертаций по рассматриваемой

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

проблематике [5]. Многие из них базируются на анализе обширной практики взаимодействия учреждений и органов ФСИН России с общественностью (правозащитными и благотворительными организациями, религиозными конфессиями, общественными и попечительскими советами, общественными наблюдательными комиссиями и др.), что, в свою очередь, является результатом внимания руководства службы к данному направлению деятельности. При всех положительных оценках такого развития, на наш взгляд, имеется ряд проблем, требующих своего решения. Некоторые из них уже поднимались в науке уголовно-исполнительного права, но не нашли своего разрешения.

В числе первых следует назвать повышение внимания к оценке деятельности общественников (волонтеров), участвующих в исправлении (ресоциализации) осужденных. Речь идет о целой армии общественников, и это весьма характерно для современной российской власти, призвавшей широкие слои общества оказать посильную помощь в реализации государственных функций. В результате сформировались добровольческие волонтерские движения в различных сферах общественно-политической, экономической и социальной деятельности.

Новостная повестка теле- и радиоканалов, печатных средств массовой информации (СМИ) и интернета пестрит сообщениями о различных формах и успехах развития волонтерского движения в России. Действительно, участие наших граждан в оказании общественной помощи и поддержки государству и его гражданам приобрело массовые масштабы. Можно назвать педагогическое, психологическое, медицинское, правовое, экологическое, культурно-просветительское, спортивное, социально-бытовое и другие направления волонтерства. Всем известно поисковое движение «ЛизаАлерт», помогающее искать пропавших и заблудившихся людей, большой блок организаций и граждан помогают мирным гражданам, пострадавшим в результате военных действий, и нашим бойцам, участвующим в специальной военной операции (СВО). Появились даже «Волонтерские роты боевого братства»¹. Всем волонтерам оказывается поддержка государства и общества, регулярно проводятся съезды и конгрессы участников волонтерских движений в России.

Все эти направления волонтерства наших граждан необходимы и оправданны, особенно в современный период, когда Россия выступила против возрождения фашизма в его современной бандеровской форме и для этого ведет СВО. Однако не следует забывать о том, что один из самых старейших видов волонтерства в России (да и в мире) – это пенитенциарное волонтерство. Не будучи первоначально оформленным в виде организационных структур и заключавшееся на основе церковной веры в сострадании к узникам тюрем, волонтерство сначала осуществлялось в виде помощи осужденным, как правило, их простого «подкармливания», а затем более двухсот лет назад (1819 г.) оформилось в Попечительное о тюрьмах общество, находившееся под покровительством российского императора. С тех пор пенитенциарное волонтерство прошло тернистый путь развития со своими взлетами и падениями.

Однако, как нам представляется, современное пенитенциарное волонтерство по не вполне понятной причине находится как бы «на обочине» внимания государства и общества. Причем это внимание, если проследить его за последние двадцать пять лет текущего века, постепенно угасало. В начале этого века представители науки чаще об-

¹ В Москве прошел съезд активистов «Волонтерской роты боевого братства», посвященный 7-летию движения. URL: <https://ria.ru/20251019/volontery-2049215769.html> (дата обращения: 01.07.2026).

суждали, в том числе и в рамках Государственной Думы РФ, законопроекты об участии институтов гражданского общества в исправлении осужденных и оказании им помощи, чаще СМИ обращались к этой тематике. Возможно, снижение внимания государства и общества к пенитенциарному волонтерству вызвано произошедшим за последние годы существенным сокращением численности осужденных, отбывающих лишение свободы. Однако следует учитывать, что в результате такого сокращения в местах лишения свободы осталась наиболее криминогенно опасная категория осужденных, требующая больших усилий в их ресоциализации.

Следует выразить мнение, что положение с пенитенциарным волонтерством постепенно будет изменяться. Надежду на эти изменения внушает прошедший 24–26 июня 2026 г. в Санкт-Петербурге Четырнадцатый Петербургский международный юридический форум, в рамках которого на секции «Государство и гражданское общество: партнерство в ресоциализации осужденных» намечены пути активизации взаимодействия государственных структур и институтов гражданского общества в рассматриваемой сфере.

Для придания необходимой значимости пенитенциарному волонтерству можно предложить проведение таких мероприятий, как:

- слеты (форумов) пенитенциарных волонтеров по типу тех же мероприятий, проводимых с волонтерами в иных сферах социальной деятельности (розыск пропавших лиц, помощь инвалидам, участникам СВО и т. п.). Пенитенциарное волонтерское сообщество довольно многочисленное, оно нацелено на оказание помощи в выполнении различных функций. Можно назвать членов различных общественных советов, например, при Минюсте России и управлениях (главных управлениях) юстиции в субъектах РФ, при ФСИН России и управлениях (главных управлениях) ФСИН России по субъектам РФ, а также членов попечительских советов при исправительных учреждениях, родительских комитетов в воспитательных колониях. К пенитенциарным волонтерам следует отнести членов общественных наблюдательных комиссий (ОНК) в субъектах РФ, священнослужителей, представителей благотворительных организаций, меценатов и других представителей гражданского общества, в той или иной степени оказывающих содействие в решении стоящих перед уголовно-исполнительной системой задач;

- награждение пенитенциарных волонтеров не только ведомственными, но и государственными наградами. Не может быть такого, чтобы среди пенитенциарных волонтеров не нашлось людей, достойных государственных наград;

- конкурсы на лучшие достижения в пенитенциарной деятельности волонтеров, например, в Общественной палате РФ можно проводить такой конкурс среди членов ОНК. Сам же конкурс посвятить памяти известного организатора и участника правозащитного и волонтерского движения Марии Валерьевны Каннабих (1949–2024). На протяжении многих лет Мария Валерьевна неоднократно входила в состав Общественной палаты России, руководила Комиссией Общественной палаты РФ по безопасности и взаимодействию с ОНК, являлась секретарем Общественного совета при Минюсте России и членом Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. Она активно работала в составе Общественного совета при МВД России и с 2009 г. возглавляла Общественный совет при ФСИН России. Создав в 1997 г. некоммерческую организацию «Межрегиональный благотворительный фонд помощи заключенным», Мария Валерьевна сделала многое для улучшения условий отбывания наказания осужденным женщинам, а также оказания им помощи в последующей реабилитации после освобождения. М. В. Каннабих являлась одним из организаторов становления

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

института общественного контроля за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания, принимая активное участие в подготовке в Государственной Думе РФ соответствующего федерального закона, а затем проводя обучение членов ОНК и организуя их деятельность в субъектах РФ. Она была настоящим, отдающим все свои силы пенитенциарной системе волонтером.

Следующей проблемой, требующей своего решения, является преодоление тренда недооценки важности деятельности пенитенциарных волонтеров среди населения России. Решение данного вопроса упирается в невысокий уровень ожидания гражданами страны позитивных сдвигов в поведении осужденных. Социологические исследования фиксируют своеобразный скепсис по отношению к возможности изменения их поведения. Нередко и коллеги из научного сообщества придерживаются такого пессимистического взгляда, ориентируясь на известную русскую поговорку о том, что «горбатого могила исправит» [6, с. 15]. Такой настрой опасен тем, что отталкивает волонтеров от работы с осужденными, кто же будет прилагать какие-то усилия, если достижение положительного результата крайне сомнительно либо вообще недостижимо.

Для преодоления указанного тренда можно обратиться к СМИ, которые играют важную роль в правовом просвещении наших граждан. Неоценимую роль сыграло бы возрождение конкурса, который до 2019 г. ежегодно проводился в Общественной палате РФ с участием Русской православной церкви, МГУ имени М. В. Ломоносова при финансовой поддержке Фонда «Вольное Дело». Конкурс назывался «Слово ранит, слово лечит». Проводился он среди журналистов, опубликовавших свои статьи либо подготовивших радио- или телепередачи об успешных практиках ресоциализации бывших осужденных. По сравнению с многочисленными публикациями, в которых описывались совершенные преступления, таких публикаций на всю Россию набиралось около двухсот в год (в среднем по две публикации в субъекте РФ). Для награждения журналисты приезжали в Москву вместе с теми лицами, деятельность которых была описана в их статьях и репортажах. Такое стимулирование представителей СМИ хотя бы в небольшой степени появлению таких материалов в публичном пространстве, изменению представлений наших граждан об эффективности наказания и деятельности сотрудников ФСИН России. Одновременно оно могло влиять на приток волонтеров в пенитенциарную сферу, которая в их глазах не была бы такой безнадежной. Представьте себе, многие пошли бы в поисково-спасательный отряд «ЛизаАлерт», если бы общественные поисковики никого не находили живыми? Так и в нашей пенитенциарной сфере отвлечь осужденного от повторения преступного поведения – это все равно, что найти этого человека живым, а иногда одновременно и сохранить жизни другим. Необходимо доводить имеющийся многоаспектный положительный опыт ресоциализации осужденных до сведения общественности, тогда и приток добровольцев, желающих работать с осужденными, будет более объемным.

Третья проблема заключается в законодательной регламентации общественной деятельности волонтеров. Научное сообщество считает, что необходимы в этом вопросе изменения как Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, так и Федерального закона от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (далее – Федеральный закон № 76-ФЗ). Ряд предложений, в частности об изменении ст. 23 УИК РФ и исключении из Федерального закона № 76-ФЗ отдельных норм, вносил и автор статьи. В дополнение

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

к нашей неизменившейся позиции о целесообразности новой редакции ст. 23 УИК РФ [7, с. 374–380] и об исключении ряда избыточных ограничений для членов ОНК [8, с. 8–16] считаем, что в Федеральном законе № 76-ФЗ должно быть больше норм позитивного плана, стимулирующих общественных инспекторов на занятие этой не простой волонтерской деятельностью. Для сравнения, например, ч. 1 ст. 10 УИК РФ установлено, что «Российская Федерация уважает и охраняет права, свободы и законные интересы осужденных, обеспечивает законность применения средств их исправления, их правовую защиту и личную безопасность при исполнении наказаний». Законом РФ «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» в шестой главе установлены гарантии правовой защиты чести и достоинства персонала, его неприкосновенности и личной безопасности, а также социальной защиты (ст. 32–34). При чем в качестве принципа в ст. 32 названного Закона продекларировано, что «персонал, а также члены семьи персонала находятся под защитой государства».

Так почему же в законодательстве предусмотрены такие нормы в отношении осужденных и персонала и отсутствуют такие же нормы применительно к членам ОНК в Федеральном законе № 76-ФЗ? Только в ст. 18 этого Закона установлена обязанность администрации места принудительного содержания обеспечивать безопасность членов ОНК, и то исключительно при посещении ими мест принудительного содержания. А как же гарантии защиты чести и достоинства членов ОНК, их личной безопасности вне мест принудительного содержания, а также социальной защиты общественных инспекторов? Данная общественная работа связана и с рисками дискредитации деятельности ОНК и отдельных ее членов, и с угрозой физического воздействия, и с другими опасностями для лиц, которые соприкасаются с криминальным миром.

В качестве выводов можно лишь выразить надежду, что рекомендации по активизации участия общественности в исправлении (ресоциализации) осужденных привлекут внимание Общественной палаты РФ, ФСИН России, а предложения об изменении ст. 23 УИК РФ и отдельных норм Федерального закона № 76-ФЗ будут вынесены на обсуждение в Научно-экспертном совете по проблемам уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, созданном и функционирующем при Министерстве юстиции Российской Федерации.

Список источников

1. Александров А. С. Общественный контроль за обеспечением прав несовершеннолетних осужденных к лишению свободы : монография. Новокузнецк : Кузбасский институт ФСИН России, 2015. 154 с.
2. Зауторова Э. В. Участие общественности в исправлении осужденных с целью предупреждения рецидивных преступлений в местах лишения свободы // Вопросы современной науки и практики. 2023. № 2(9). С. 57–59.
3. Глушаченко С. Б. Уголовно-исполнительная система и общественные объединения: форматы взаимодействия // Юридические исследования. 2020. № 5. С. 25–34.
4. Нурбаев М. С., Мишустин С. П. Организационно-правовое регулирование деятельности исправительных учреждений по обеспечению общественного контроля за соблюдением прав человека в местах принудительного содержания : учеб. пособие. Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2015. 82 с.
5. Попова Е. Э. Общественное воздействие как основное средство исправления осужденных : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. 701 с.

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

6. Белоносов В. О. О цели уголовно-исполнительного права // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 4(26). С. 14–18.

7. Селиверстов В. И. Участие общественности в деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания: новации законодательного регулирования // VII Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сб. выступ. и докл. : в 5 т. Рязань, 2025. Т. 1: Отечественный и зарубежный опыт исполнения уголовных наказаний. С. 374–380.

8. Селиверстов В. И. Общественный контроль за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания: новеллы 2018 года // Уголовно-исполнительное право. 2018. № 4. С. 8–16.

References

1. Alexandrov, A. S. 2015, *Public control over ensuring the rights of minors sentenced to imprisonment: monograph*, Kuzbass Institute of the FPS of Russia, Novokuznetsk.

2. Zautorova, E. V. 2023, 'Public participation in the correction of convicts in order to prevent recidivism in places of deprivation of liberty', *Issues of modern science and practice*, iss. 2(9), pp. 57–59.

3. Glushachenko, S. B. 2020, 'The penal system and public associations: formats of interaction', *Legal research*, iss. 5, pp. 25–34.

4. Nurbaev, M. S. & Mishustin, S. P. 2015, *Organizational and legal regulation of correctional institutions to ensure public control over human rights in places of forced detention: textbook*, Samara Law Institute of the FPS of Russia, Samara.

5. Popova, E. E. 2022, *Social impact as the main means of correcting convicts: Sc.D thesis (Law)*, Moscow.

6. Belonosov, V. O. 2017, 'On the purpose of penal enforcement law', *Bulletin of the Samara Law Institute*, iss. 4(26), pp. 14–18.

7. Seliverstov, V. I. 2025, 'Public participation in the activities of institutions and bodies executing punishments: innovations in legislative regulation', *VII International Penitentiary Forum "Crime, Punishment, correction": collection of materials, in 5 vols, vol. 1, Domestic and foreign experience in the execution of criminal penalties*, pp. 374–380, Ryazan.

8. Seliverstov, V. I. 2018, 'Public control over ensuring human rights in places of forced detention: novels of 2018', *Penal law*, iss. 4, pp. 8–16.

Информация об авторе

В. И. Селиверстов – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова); профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Института международного права и правосудия (Московский государственный лингвистический университет).

Information about the author

V. I. Seliverstov – Sc.D (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor of the criminal law and criminology department of the faculty of law (Lomonosov Moscow State University); professor of the criminal law disciplines department of the Institute of International Law and Justice (Moscow State Linguistic University).

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 06.06.2026; одобрена после рецензирования 08.08.2026; принята к публикации 28.09.2026.

The article was submitted 06.06.2026; approved after reviewing 06.06.2026; accepted for publication 28.09.2026.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Научная статья
УДК

ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА – РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИСТА: ШТРИХИ К КРИМИНОЛОГИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ

Куат Хажумуханович Рахимбердин¹, Максим Ростиславович Гета², Бакытжан Маликович Садыбеков³

¹ Восточно-Казахстанский университет имени Сарсена Аманжолова, г. Усть-Каменогорск, Казахстан, matai71@mail.ru

² Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского государственного университета, г. Новокузнецк, Россия, irina2969@yandex.ru

³ Комитет уголовно-исполнительной системы МВД Республики Казахстан, г. Астана, Казахстан, sadybekov.bm@mail.ru

Аннотация. В статье содержится криминологический и социально-психологический анализ особенностей личности преступника – религиозного радикала, наиболее типичного для социокультурного пространства Республики Казахстан. Анализ основывается на криминологической характеристике личности преступника – террориста и экстремиста. Уделяется внимание духовным деформациям, способствующим генезису названной личности, и концептуальным подходам, сложившимся в криминологической науке относительно понимания закономерностей и особенностей формирования личности подобных преступников. Авторы отмечают наиболее характерные черты, отличающие насильственного религиозного экстремиста, и его ценностные ориентации, поведенческие установки, сочетающие неприятие светского государства и агрессивную религиозно-этническую ксенофобию. Статья подготовлена с учетом зарубежного опыта криминологического анализа личности преступника – воинствующего радикала.

Ключевые слова: личность преступника, религиозные экстремисты, насильственный экстремизм, радикализация, Республика Казахстан, социальная реинтеграция, террористы

Для цитирования

Рахимбердин К. Х., Гета М. Р., Садыбеков Б. М. Личность преступника – религиозного экстремиста: штрихи к криминологическому портрету // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21(1–4), № 3. С. 431–443.

INTERSECTORAL ASPECTS OF SENTENCES EXECUTION

Original article

THE IDENTITY OF THE CRIMINAL – RELIGIOUS EXTREMIST: TOUCHES TO THE CRIMINOLOGICAL PORTRAIT

Kuat Khazhumukhanovich Rahimberdin¹, Maxim Rostislavovich Geta², Bakytzhan Malikovich Sadybekov³

¹ Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan, matai71@mail.ru

² Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russia, irina2969@yandex.ru

³ Committee of the Penal System of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Astana, Kazakhstan, sadybekov.bm@mail.ru

Abstract. The article contains a criminological and socio-psychological analysis of the personality characteristics of a criminal, a religious radical, most typical of the socio-cultural space of the Republic of Kazakhstan. The analysis is based on the criminological characteristics of the personality of the criminal – terrorist and extremist. Attention is paid to the spiritual deformations that contribute to the genesis of the named personality, and to the conceptual approaches that have developed in criminological science regarding the understanding of patterns and features of the personality formation of such criminals. The authors note the most characteristic features that distinguish a violent religious extremist, and his value orientations, behavioral attitudes that combine rejection of a secular state and aggressive religious and ethnic xenophobia. The article has been prepared taking into account the foreign experience of criminological analysis of the personality of a militant radical criminal.

Keywords: criminal identity, religious extremists, violent extremism, radicalization, Republic of Kazakhstan, social reintegration, terrorists

For citation

Rakhimberdin, K. H., Geta, M. R. & Sadybekov, B. M. 2026, 'The identity of the criminal – religious extremist: touches to the criminological portrait', *Penal law*, vol. 21(1–4), iss. 3, pp. 431–443.

В облике современной преступности последних десятилетий наиболее зловещее выражение приобрела деятельность террористического и экстремистского характера, которая охватывает многие регионы мира и далеко не ограничивается Ближним Востоком. В настоящее время одним из центров ее активного проявления стал африканский континент. Преступность, как известно, это не только общая численность уголовно наказуемых деяний, но и личность тех субъектов, которые эти деяния совершают. Следовательно, личность преступника всегда будет волновать криминологов в каком бы уголке мира они ни работали. О личности преступника человечество размышляло еще в эпоху Ветхого Завета. Одним из первых упоминаемых преступников был Каин, убив-

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

ший своего брата Авеля и не проявивший раскаяния. Библия повествует: «И сказал Господь Каину: где Авель, брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему?» [1, с. 71]. Таким образом, в религиозном понимании образ преступника формировался как образ человека, нарушившего Божественный закон и уклад жизни общества, циничного, жестокого и не стремящегося к раскаянию (покаянию). В Новом Завете этот образ преступника получил иное, более широкое толкование. В частности, сам Спаситель говорит о тех, кто не ведаёт, что творит, то есть об ослепленных своими страстями, погрязших в невежестве, обманутых и готовых выполнять чужую волю.

На протяжении тысячелетий в теологической, философской мысли продолжался напряженный поиск ответов на вопросы, в чем заключается природа зла и каковы причины, по которым человек выбирает путь греха, порока и преступлений. Эти поиски ведутся и в настоящее время. Дискуссии о личности преступника еще со времен ломброзианской школы связаны в том числе с вопросом соотношения социального и биологического в личности преступника. На сегодняшний день ломброзианский подход не исчез. В частности, в Западной Европе сохраняется социобиологический подход, в соответствии с которым определенные свойства личности при надлежащих внешних социальных условиях в конечном счете приведут ее к преступлению [2, с. 266–345]. В казахстанской и российской криминологической науке последовательно обосновывается тезис о социальной природе преступности и социальных пружинах и механизмах формирования личности преступника. Как отмечает Л. М. Прокументов, личность преступника означает совокупность социальных и правовых свойств и характеристик, проявившихся у конкретного лица при совершении преступного деяния [3, с. 6]. Однако автор справедливо отмечает, что если характеристика правовых свойств личности преступника не вызывает особых затруднений, то с анализом ее социальных свойств все обстоит гораздо сложнее. В чем же заключается эта сложность? Она состоит в том, что одной лишь социально-типологической характеристикой проблематично объяснить сущность личности преступника. Например, традиционно считалось, что в большинстве случаев преступник – это невежественный и необразованный маргинал. Иронизируя над этим стереотипом, норвежский криминолог Нильс Кристи отмечал мифологизированный облик преступника – отъявленного злодея с окровавленным ножом, готового в сумерках напасть на свою жертву [4, с. 51]. Однако сама криминология разоблачает эти мифы. Так, IX Всероссийская перепись осужденных позволила установить, что 8 % осужденных в российских колониях имеют высшее образование [5, с. 16]. Это существенный показатель. Следовательно, возможности социально-типологической характеристики в понимании личности преступника и ее генезиса переоценивать нельзя. Что касается социально-ролевой характеристики, то она сложнее, поскольку непросто определить роль, которую играл преступник в обычной социальной деятельности, и выявить, как эта роль проявилась в деятельности преступной. На наш взгляд, личность преступника – это еще и совокупность духовных свойств, особенностей и деформаций. В связи с этим Ю. М. Антонян справедливо указывает, что личность преступника обладает высоким уровнем тревожности и отчужденности от социума. Эта тревожность особенно наглядно проявилась в механизме серийных убийств на сексуальной почве и террористических преступлений, детально исследованных Ю. М. Антоняном [6, с. 187–202].

Представляется, что дискуссии и доктринальные воззрения, относящиеся к личности преступника в целом, имеют непосредственное касательство к личности воинствующего радикала, совершающего преступления террористической и насильственно- экстре-

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

мистской направленности. Прежде всего это преступник на почве квазирелигиозного деструкта, чувствительный к религиозным вопросам, в котором тревожность и духовные свойства имеют яркое выражение. То, что этот преступник не может рассматриваться лишь в качестве социального изгоя и маргинала, наглядно подтверждается трагическими событиями в Магдебурге (ФРГ) в декабре 2024 г. Подозреваемый в совершении террористического акта на городской площади являлся врачом, выходцем из Саудовской Аравии¹. В то же время среди религиозных экстремистов немало и маргинальных личностей. Таковыми являлись, например, террористы, убившие более сотни человек в подмосковном «Крокус Сити Холле» в марте 2024 г.²

В юридической науке отмечается исключительная актуальность дальнейшего совершенствования и развития антитеррористической политики и законодательства Республики Казахстан. Показателем этого, в частности, являются изменения, внесенные в ст. 10 Конституции Республики Казахстан и в Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г., касающиеся непосредственно вопросов противодействия воинствующему радикализму [7, с. 97–98].

Следует отметить, что эффективная стратегия противодействия воинствующему радикализму предусматривает необходимость выявления, анализа и учета мотивации преступлений террористической и экстремистской направленности. При этом можно согласиться с оценкой, согласно которой вне зависимости от мотивов использования методов террора (от самопожертвования на благо общества и действий в «высших интересах человечества» вплоть до стремления самоутвердиться либо захватить власть) он в любые времена сопряжен с агрессией, безжалостностью, отрицанием общечеловеческих ценностей, желанием бросить вызов всей социально-политической и юридической системе [8, с. 95].

В доктринальных источниках указывается, что концепт «терроризм» в переводе с латинского означает страх, ужас. Отсюда следует, что любое террористическое преступление – это прежде всего устрашение, одним из способов которого является применение общепасного насилия для достижения определенных целей [9, с. 168–169]. Указанное обстоятельство необходимо учитывать при исследовании социально-криминологических и индивидуально-психологических особенностей личности воинствующего радикала.

В процессе исследования нашли свое применение различные способы познания и исследования социально-правовой реальности, связанной с террористической и экстремистской преступностью и генезисом личности преступника – религиозного радикала. К данным способам следует отнести диалектический, проблемно-поисковый, эвристический, системно-логический и сравнительно-правовой методы. Их использование дало возможность сфокусировать внимание на проблемах формирования личности преступника – религиозного экстремиста, особенностях радикализации личности и проявлениях данной радикализации в социокультурном контексте современного Казахстана; расширить представления о духовных свойствах личности религиозного экстремиста, его ментальности, деформации ценностных ориентаций и радикализации поведенческих установок. В результате личность преступника – религиозного экстремиста рассматривается как совокупность не только социальных, но и духовных свойств

¹ См.: В Германии арестовали подозреваемого в совершении теракта в Магдебурге // РИА Новости. 22 декабря 2024. URL: <https://ria.ru/20241222/frg-1990680161.html> (дата обращения: 05.10.2025).

² См.: Теракт в «Крокус Сити Холле». Факты // ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/20320557> (дата обращения: 05.10.2025).

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

и признаков, а также их взаимодействия с внешними условиями и факторами социальной среды, детерминирующими развитие религиозно-экстремистской преступности.

В качестве исходного материала для подготовки статьи были использованы труды казахстанских и зарубежных криминологов, положения международных правовых актов ООН в сфере противодействия воинствующему радикализму, тексты публичных выступлений Президента Республики Казахстан К. Ж. Токаева.

В юридической науке проблеме личности преступника уделялось внимание в трудах Ю. М. Антоняна, У. С. Джекебаева, А. И. Долговой, Е. И. Каиржанова, В. Н. Кудрявцева, С. В. Познышева, А. Б. Сахарова, В. Д. Филимонова и других исследователей. Ценный вклад в формирование новых подходов к исследованию личности преступника-террориста внесли труды Ю. М. Антоняна на рубеже XX–XXI веков [10, 11]. Мы солидарны с основными подходами к пониманию генезиса данной личности, выраженного в этих работах. В то же время нельзя не отметить «многоликость» проявления террористической и экстремистской преступности и изменение социальных характеристик личности преступника – религиозного экстремиста в последнее десятилетие, а также специфику его криминологически значимых свойств.

В зарубежных исследованиях, посвященных противодействию насильственному радикализму, рассматривается широкий спектр проблем в данной сфере. Так, в исследовательской работе юридического факультета Техасского университета подчеркивается, что обеспечение национальной безопасности остается приоритетом для большинства граждан США. При этом подвергается критике позиция президента США Д. Трампа, который в 2017 г. сосредоточил внимание на мерах «противодействия исламскому экстремизму» вместо комплексного противодействия насильственному радикализму как негативному социальному явлению. По мнению автора исследования, подобный подход приводит к «секьюритизации» мусульманских общин и фактически подтверждает нарративы террористических организаций о том, что Соединенные Штаты якобы находятся в состоянии войны с исламом [12, с. 18]. Несомненно, недопустимо смешивать ислам как одну из мировых религий, широко распространенную в том числе в Центральной Азии, с исламским радикализмом, признаки которого проявляются в деятельности насильственных радикалов, использующих духовный контекст ислама в своих целях.

В отдельных зарубежных публикациях по проблематике воинствующего радикализма отмечается, что независимо от этнической, религиозной, гендерной принадлежности и политических взглядов террористы Ближнего Востока демонстрируют сходные универсальные социально-психологические характеристики. Эти террористы используют определенные политические цели как удобное средство для применения насилия в отношении невинных гражданских лиц. Исследователи стремятся реконструировать социально-психологический профиль ближневосточного террориста сквозь призму таких категорий, как авторитаризм и патологическая ненависть, которые рассматриваются как ключевые компоненты его личности [13, с. 38–39]. Представляется, что психологический аспект исследования личности воинствующего радикала имеет существенное значение, однако не является исчерпывающим и должен рассматриваться во взаимосвязи с социально-правовыми и духовно-культурными факторами.

Несомненно, современный преступник – воинствующий радикал имеет определенные отличия от преступника – религиозного экстремиста эпохи афганских моджахедов 80–90-х годов XX века. Современный мир стал свидетелем того, как насильственные религиозные экстремисты пытались создать собственное государственное образование –

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

печально известный ИГИЛ. В Сирии в декабре 2024 г. в результате падения политического режима Башара Асада к власти пришли религиозные группировки, деятельность которых основывалась на экстремистской идеологии (боевики исламистской террористической группировки «Хайят Тахрир аш-Шам»)¹. Не приходится сомневаться в том, что на формирование современного преступника – религиозного экстремиста, владеющего новейшими цифровыми технологиями, нередко имеющего доступ к значительным финансовым ресурсам, оказывает влияние террористическая и религиозно-экстремистская активность в различных уголках мира.

Представляется, что личность преступника – насильственного религиозного экстремиста можно определить как совокупность социальных, правовых и духовных свойств и особенностей, процессов духовно-нравственных деформаций и отчужденности, проявившихся при совершении преступления, связанного с насильственным продвижением религиозно-радикальных убеждений.

Наиболее рельефно выраженным преступником – религиозным радикалом является ваххабит, позиционирующий себя как представитель религиозного исповедания ислама, «очищенного» от проявлений, которые возникли в результате длительного взаимодействия Уммы мусульман с различными социальными институтами и светским государством. Именно насильственные религиозные радикалы – ваххабиты существенно способствовали распространению исламофобии в различных современных государствах, искаженному представлению об исламе как о религии, пропагандирующей насилие и ксенофобию. На самом же деле для ваххабитов традиционное исламское духовенство, как и приверженцы классического ислама, находится по ту сторону баррикад, как и другие религиозные исповедания, институты светского государства и гражданского общества.

Религиозная ксенофобия, как отмечалось нами ранее, тесно связана с ксенофобией по отношению к светским государственным институтам. Наглядным тому подтверждением стали трагические события «Кантара» в январе 2022 г. в Республике Казахстан. Участие в массовых беспорядках среди вооруженных боевиков-террористов, приверженцев религиозно-экстремистской идеологии, выразилось в убийстве сотрудников правоохранительных органов, в нападении на административные здания, в актах насилия и террора в отношении представителей власти и всех, кто не был на стороне погромщиков. По этому поводу Президент Республики Казахстан К. Ж. Токаев публично заявлял, что «в попытке государственного переворота совместно участвовали экстремисты, криминалитет, религиозные радикалы»².

Ксенофобия религиозных радикалов, в свою очередь, сопряжена с их догматичностью, фанатизмом, агрессивностью и готовностью посредством насилия продвигать свои представления и убеждения, навязывая их обществу. Именно агрессивность и насилие выделяют наиболее опасный тип религиозного экстремиста. На эту особенность воинствующих радикалов обращается внимание в материалах ООН, в которых религиозный экстремист – преступник понимается именно как идеолог и практик насилия, через которое он несет свои убеждения и посредством которого подавляет сопротивление всех, кто с данными убеждениями не согласен.

¹ См.: Падение режима Асада // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/story/675537b49a79472023c117ef> (дата обращения: 05.10.2025).

² Токаев рассказал всю правду о Кантаре // Zakon.kz. URL: <https://www.zakon.kz/sobytiia/6419488-tokaev-rasskazal-vsyu-pravdu-o-kantare.html> (дата обращения: 05.10.2025).

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Немаловажным является то обстоятельство, что в Казахстане и государствах Центральной Азии преступники – религиозные экстремисты вовлекают в свои ряды значительное число социально обездоленных и лишенных каких-либо перспектив либо одиноких людей. Так, экспертами ООН отмечается наличие пяти основных факторов, способствующих насильственному экстремизму: 1) отсутствие социально-экономических возможностей; 2) маргинализация и дискриминация; 3) неэффективное управление, нарушения прав человека и принципа верховенства права; 4) затянувшиеся и неурегулированные конфликты; 5) радикализация в тюрьмах¹. Религиозные проповедники ваххабиты активно вербуют молодых людей среди маргинализованных социальных групп, используя социальную демагогию и апеллируя к чувству социальной справедливости. При этом они легко конкурируют с традиционным исламским духовенством в борьбе за умы и сердца своих адептов, указывая на то, что духовенство коррумпировано и не может претендовать на роль духовных лидеров ислама. К сожалению, нередкая близость духовенства к институтам государственной власти, его отдаленность от нужд простых верующих и ведение роскошного образа жизни выступают опасным фактором, который ваххабиты умело используют в своей пропаганде.

В юридической науке обращалось внимание на то, что пенитенциарные учреждения в Казахстане и Центральной Азии имеют риски превратиться в настоящие школы радикализации осужденных, и фактически в местах лишения свободы лидеры религиозных экстремистов постепенно вытесняют традиционных представителей привилегированных страт осужденных, эксплуатируя идею братства осужденных и прежде всего тех, кто исповедует религию ислама [14, с. 37–38]. К сожалению, радикализации осужденных в местах лишения свободы способствуют и некоторые ошибочные и непродуманные правовые и организационно-управленческие решения. Так, вопреки рекомендациям Минимальных стандартных правил ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы), в ст. 13 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан предусматривается запрет строительства в пенитенциарных учреждениях КУИС МВД РК помещений для совершения религиозных таинств и обрядов. Иначе говоря, верующим осужденным негде их совершать, не рискуя вступить в противоречие с Правилами внутреннего распорядка учреждений уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан. Думается, что это не только порождает ситуации угроз возникновения конфликтов части осужденных с администрацией пенитенциарных учреждений, но и создает питательную среду для ваххабитской и салафитской пропаганды, акцентирующей внимание на якобы враждебность светского государства и его институтов к «истинным мусульманам». Более того, в уголовно-исполнительной системе Казахстана не выполнена рекомендация ст. 66 Правил Нельсона Манделы, в соответствии с которой целесообразно создание и осуществление деятельности пенитенциарных священнослужителей (тюремных капелланов). Данный институт широко распространен в мировой практике. Благодаря ему уголовно-исполнительная система может взаимодействовать с высококвалифицированными священнослужителями, понимающими ее потребности и задачи и способными выстраивать конструктивный диалог как с осужденными, так и с администрацией, персоналом пенитенциарных учреждений. Вместо этого в настоящее время действует разрешительный подход, в соответствии с которым священнослужи-

¹ См.: План действий по предупреждению насильственного экстремизма: доклад Генерального секретаря. A/70/674, п. 23 и 32–37. ООН; Швейцарская Конфедерация, 2016. С. 8–11. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n15/456/24/pdf/n1545624.pdf> (дата обращения: 05.10.2025).

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

тели различных религиозных исповеданий допускаются в места лишения свободы по усмотрению и разрешению начальников пенитенциарных учреждений. Конечно, этот разрешительный подход не гарантирует, что в учреждение придет высококвалифицированный и ответственный представитель религиозной конфессии. Более того, он не исключает риска, что в пенитенциарном учреждении с разрешения администрации окажется проповедник, прошедший религиозную подготовку и получивший «изрядную дозу» радикализации в теологических учебных центрах Турции и стран Ближнего Востока.

Основные черты и сущностные характеристики личности преступника – религиозного экстремиста в полной мере сохраняют свое значение, когда данный преступник приобретает процессуальный статус осужденного и оказывается в местах лишения свободы. Мы разделяем мнение Ю. М. Антоняна о том, что «общественная опасность такого преступника может быть чрезвычайно высока, особенно когда речь идет о политике, идеологии и религии. Он, безусловно, верит в истинность единственной (принятой им) идеи и готов следовать ей при любых обстоятельствах» [15, с. 107]. Когда подобные фанатичные сторонники идеи религиозного радикализма становятся осужденными и превращаются в элемент тюремного сообщества, обостряется дихотомия «мы» и «они». Как справедливо указывает Ю. М. Антонян, «принадлежность к «мы», то есть к данному сообществу, определяется через «нашу» культуру, ее духовные ценности, обычаи, обряды, традиции. Ощущение принадлежности к ней в индивидуальном и групповом сознании обычно пребывает в латентном состоянии, но в кризисные периоды активизируется» [15, с. 108]. Несомненно, что попадание в места лишения свободы обостряет ситуацию обособления «мы». Религиозные экстремисты становятся частью «тюремного сообщества», как бы отчужденной от него и в то же время открытой для новых единомышленников.

В аспекте социальной реинтеграции осужденных важное место занимает их раскаяние в содеянном. Успех социальной реинтеграции означает в том числе осознание осужденным справедливости претерпевания им тягот и лишений наказания. В советский период А. Л. Ременсон писал о том, что осужденные со стойкой антиобщественной ориентацией воспринимают претерпевание лишений и страданий наказания как составную часть воровского уклада жизни, выраженную формулировкой: «перестрадал и ты чист» [16, с. 38]. Восприятие религиозным экстремистом тягот и ограничений наказания в виде изоляции от общества является совершенно иным. Оно ощущается как составная часть войны религиозных экстремистов со светским государством, представителями которого выступают суды, правоохранительные органы, администрация и персонал пенитенциарных учреждений. Это восприятие нахождения в местах лишения свободы как продолжение войны служит для лидеров религиозно-экстремистской среды способом цементирования общности «мы» и инструментом власти. Именно такое ценностное отношение они стремятся привить религиозно настроенным осужденным и в особенности тем, кто попал под влияние ваххабитской и салафитской пропаганды. Заслуживает внимания то обстоятельство, что лидеры религиозных экстремистов внушают участникам своей общности установку, что попадание в места лишения свободы равно пленению неприятелем в условиях боевых действий. Попадание в «плен» рассматривается ими как испытание, как своего рода мученичество за идею. При нахождении в «плёну» главной задачей является выживание, для обеспечения которого хороши все средства, в том числе обман и вероломство по отношению к противнику, усыпление его бдительности. Для решения этой задачи лидеры ваххабитов используют дефекты в организационно-управленческой деятельности пенитенциарных учреждений, коррупцию,

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

должностные злоупотребления, алчность и стяжательство склонных к подкупу сотрудников уголовно-исполнительной системы, стратификацию осужденных, поощрения доносительства в их среде и т. п. Пытки и жестокое обращение с осужденными выступают как доказательство «мученичества» и как наглядное свидетельство состояния войны светской власти с истинно верующими. Квазисоциальная стратификация используется ими как возможность включения в свое «братство» гонимых и унижаемых осужденных. Обман и усыпление бдительности администрации пенитенциарных учреждений проявляется, например, в готовности информировать администрацию и сотрудничать с ней, в способности нарушить ограничения, налагаемые постными днями в исламе, в готовности участвовать в воспитательных мероприятиях, проводимых в учреждении. В принципе религиозные экстремисты сочетают акции открытого, демонстративного протеста с покорностью, а точнее, с созданием ее иллюзии, ибо они считают приемлемыми любые средства противоборства с «чужими». В юридической науке в связи с этим справедливо указывается, что «архетип чужого и порождаемая им ксенофобия не исключение из правил, а всеобщая закономерность» [15, с. 108]. Представляется, что религиозные экстремисты в целом ряде пенитенциарных учреждений государств Центральной Азии вытеснили в качестве неинституциональных лидеров представителей высшей иерархии преступного мира не только вследствие своей этнокультурной, языковой и религиозной сплоченности, но и в силу исключительно высокой адаптивности, открытости для вхождения новичков, объявляемых братьями, готовности проявлять твердость в отстаивании своих убеждений, использовать представления осужденных о сакральном и чувствительные места их внутреннего духовного мира. В то время как представители высшей преступной иерархии с успехом осваивали «рыночную» психологию и отступали от «воровского закона», тяготев к комфорту и безбедному существованию, лидеры религиозных экстремистов демонстрировали приверженность своей радикальной идеологии, а любые отступления от ее принципов рассматривали как тактические способы обеспечения выживания в условиях изоляции от общества. Сплоченность «мы» подпитывается, как отмечалось нами ранее, пропагандой ксенофобии к «чужим». Ю. М. Антонян обращает внимание на то, что «ксенофобия является мощным источником идеологии и психологии толпы, то есть массового сознания, – этого главного хранителя архетипа «чужого». Вместе с тем названные стандарты и нормы являются фактором, обеспечивающим цельность, единство со своей средой, что всегда остро необходимо человеку толпы. Он с радостью отдает этому единству самого себя, в том числе свою свободу, лишь бы избавиться от невыносимой ноши принятия решений и ответственности» [15, с. 109]. Данное обстоятельство, по-видимому, объясняет, почему осужденные, даже ранее не проявлявшие особого интереса к культуре ислама, попадают под влияние религиозно-экстремистских лидеров и радикализуются. Идеологи ваххабизма и салафизма умело используют в своей пропаганде и в осуществлении своего влияния на осужденных социальные пороки и противоречия современного общества. Социальная несправедливость, расслоение общества, его неофициальная стратификация, существующая в обществе свободном, в наиболее уродливых и гротескных формах воспроизводится в «сообществе тюремном». Это вызывает ожесточение и внутренний протест со стороны осужденных, принадлежащих к обездоленным социальным группам. Конфликт усугубляется сохраняющимися в Центральной Азии пережитками феодально-средневековой стратификации, проявляющейся в различных моделях трайбализма. Для идеологов радикализованного ислама нет осужденных – представителей «белой

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

и черной кости», а есть братство внутри общности, которое они пропагандируют. Умелое использование идеи социальной справедливости для «своих», то есть вошедших в братство, несомненно способствует радикализации осужденных. Эти факторы важно учитывать в процессе анализа криминологических особенностей личности осужденных религиозных радикалов, находящихся в пенитенциарных учреждениях уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан.

Таким образом, генезис и формирование личности преступника – религиозного радикала тесно связаны с социальными, экономическими и духовно-нравственными коллизиями, характеризующими состояние современного общества. В полной мере это справедливо и для социокультурного, ментального пространства в Центральной Азии и Республике Казахстан.

Подводя итог, отметим, что внутренний мир религиозного радикала – это своего рода «лабиринт Минотавра», закрытый для нормального миропонимания. В нем сочетаются установки собственной непогрешимости, исключительности, мифологизированные представления не только об обществе и его основных институтах, но и о самом исламе. Эти представления, в свою очередь, подпитываются ксенофобией и стремлением к максимальному обособлению от «чужих». Наиболее опасен религиозный радикал, готовый с оружием в руках и через насилие диктовать «неправильному» обществу и его представителям свои поведенческие установки и квазинормы. Чем глубже в таком типе личности укоренились установки насилия, агрессии, этнической и религиозной нетерпимости, тем более он радикализован и тем сложнее будет обеспечить социальную реинтеграцию данной личности после отбытия уголовного наказания. В связи с этим руководству правоохранительных органов Республики Казахстан необходимо обратить пристальное внимание на проблематику психологического анализа личности осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности.

Важно учитывать, что одиночество, социальная обездоленность, отсутствие нормального функционирования социальных лифтов в свободном обществе, каких-либо жизненных перспектив, отчужденность, невежество, примитивный уровень культурного развития выступают значимыми детерминантами радикализации личности.

Усилия сотрудников правоохранительных, иных государственных органов и институтов гражданского общества Республики Казахстан в процессе противодействия преступности на религиозно-экстремистской почве должны быть направлены на содействие в решении проблем межличностной коммуникации, уважение достоинства и жизни каждого человека, формирование навыков и умений социально полезной активности личности, трудовой адаптации, повышение уровня общей и религиозной культуры. Необходимо решительно противодействовать любым проявлениям дискриминации и ксенофобии на этнической, языковой и религиозной основе.

Принимая во внимание рекомендации международных правовых актов ООН, целесообразно разработать и внедрить в практику уголовно-исполнительной деятельности инструментарий выявления и оценки рисков вторичной радикализации и иных социальных отклонений у лиц, отбывающих наказание, а также иные меры уголовно-правового воздействия. Кроме того, необходимо решить проблему разработки и последующего применения эффективных и содержательных индивидуальных программ социальной реинтеграции лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности.

Следует также отметить, что для казахстанского общества, как и для обществ других государств Центральной Азии, сохраняет свою актуальность проблема преодоления

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

негативного влияния трайбализма, клановости и родоплеменной (жузовой) архаики. Нейтрализация этого влияния будет способствовать преодолению мифологизированных представлений об окружающем мире в сознании лиц, относящихся к группам повышенного риска радикализации. Данное обстоятельство играет важную роль в формировании антикриминогенного нравственного климата в обществе. Это, в свою очередь, выступает важным фактором его защиты от опасности криминальной радикализации.

Список источников

1. Библия. Священное Писание Ветхого и Нового Завета: в синодальном переводе. М. : Российское библейское общество, 2011. 1376 с.
2. Шнайдер Г. Й. Криминология / пер. с нем. Ю. А. Неподаев ; под ред. Л. О. Иванова. М. : Прогресс-Универс, 1994. 345 с.
3. Прокументов Л. М. Проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних. Томск : Изд-во ТГПУ, 1999. 201 с.
4. Кристи Н. Пределы наказания / вступ. ст. В. М. Коган ; под ред. А. М. Яковлева. М. : Прогресс, 1985. 176 с.
5. Зубкова В. И., Клочкова А. В., Селиверстов В. И., Смирнов А. М. Характеристика осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы за насильственные преступления против личности (по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 года). М. : Проспект, 2024. 104 с.
6. Антонян Ю. М. Особо опасный преступник. М. : Проспект, 2025. 312 с.
7. Иржанов А. С. О некоторых вопросах разработки проекта Всеобъемлющей Конвенции о международном терроризме // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2017. № 3(48). С. 96–100.
8. Исмагулов К. Е., Муканбеткалиев А. А. Некоторые проблемы совершенствования законодательства Республики Казахстан о противодействии терроризму // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2017. № 3(48). С. 89–95.
9. Кыздарбекова Б. Ж., Калиакперова Е. Н. Понятие «акт терроризма» в законодательстве и условия освобождения от уголовной ответственности // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2021. № 1(64). С. 165–173.
10. Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М. : Щит-М, 1998. 306 с.
11. Антонян Ю. М. Личность террориста и вопросы борьбы с терроризмом // Борьба с терроризмом : сб. науч. тр. М. : Наука, 2004. С. 93–108.
12. Aziz, Sahar F. 2017, Losing the “War of Ideas”: A Critique of Countering Violent Extremism Programs, pp. 17–22, Texas A&M University School of Law Legal Studies.
13. Gottschalk, M. & Gottschalk, S. 2004, ‘Authoritarianism and pathological hatred: A social psychological profile of the Middle Eastern terrorist’, *The American Sociologist*, iss. 35(2), pp. 38–59.
14. Рахимбердин К. Х. Гуманизация уголовной политики Казахстана в условиях развития гражданского общества : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Бишкек, 2012. 57 с.
15. Антонян Ю. М. Психология терроризма // Научный портал МВД РФ. 2012. № 3. С. 107–120.
16. Ременсон А. Л. Избранные труды (к 80-летию со дня рождения). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 98 с.

References

1. *The Bible. The Holy Scriptures of the Old and New Testaments: in Synodal Translation* 2011, Russian Bible Society, Moscow.
2. Schneider, G. Y. 1994, *Criminology*, translated from German by Yu. A. Nepodaev, L. O. Ivanov (ed.), Progress-Univers, Moscow.
3. Prosumentov, L. M. 1999, *Problems of juvenile delinquency prevention*, TSPU Publishing House, Tomsk.
4. Christie, N. 1985, *The limits of punishment*, A. M. Yakovlev (ed.), Progress, Moscow.
5. Zubkova, V. I., Klochkova, A.V., Seliverstov, V. I. & Smirnov, A. M. 2024, *Characteristics of convicts serving sentences of imprisonment for violent crimes against the person (based on the materials of the special census of convicts and persons in custody, December 2022)*, Prospekt, Moscow.
6. Antonyan, Yu. M. 2025, *A particularly dangerous criminal*, Prospekt, Moscow.
7. Irzhanov, A. S. 2017, 'On some issues of developing a draft Comprehensive Convention on international terrorism', *Bulletin of the Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan*, iss. 3(48), pp. 96–100.
8. Ismagulov, K. E. & Mukanbetkaliev, A. A. 2017, 'Some problems of improving the legislation of the Republic of Kazakhstan on countering terrorism', *Bulletin of the Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan*, iss. 3(48), pp. 89–95.
9. Kyzdarbekova, B. Zh. & Kaliakperova, E. N. 2021, 'The concept of "act of terrorism" in legislation and conditions of exemption from criminal liability', *Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*, iss. 1(64), pp. 165–173.
10. Antonyan, Yu. M. 1998, *Terrorism. Criminological and criminal law research*, Shield-M, Moscow.
11. Antonyan, Yu. M. 2004, 'The identity of the terrorist and issues of combating terrorism', in *Combating terrorism: collection of scientific papers*, pp. 93-108, Nauka, Moscow.
12. Aziz, Sahar F. 2017, Losing the "War of Ideas": A Critique of Countering Violent Extremism Programs, pp. 17–22, Texas A&M University School of Law Legal Studies.
13. Gottschalk, M. & Gottschalk, S. 2004, 'Authoritarianism and pathological hatred: A social psychological profile of the Middle Eastern terrorist', *The American Sociologist*, iss. 35(2), pp. 38–59.
14. Rakhimberdin, K. H. 2012, *Humanization of the criminal policy of Kazakhstan in the context of the development of civil society: Sc.D thesis (Law)*, Bishkek.
15. Antonyan, Yu. M. 2012, 'Psychology of terrorism', *Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, iss. 3, pp. 107–120.
16. Remenson, A. L. 2003, *Selected works (on the 80th anniversary of his birth)*, Tomsk.

Информация об авторах

К. Х. Рахимбердин – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры юриспруденции;

М. Р. Гета – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин;

Б. М. Садыбеков – кандидат юридических наук, заместитель председателя Комитета уголовно-исполнительной системы МВД Республики Казахстан.

Information about the authors

K. H. Rakhimberdin – Sc.D (Law), Professor, professor of the jurisprudence department;

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

M. R. Geta – PhD (Law), Associate Professor, associate professor of the criminal law disciplines department;

B. M. Sadybekov – PhD (Law), Deputy Chairman of the Committee of the Penal System of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 25.05.2026; одобрена после рецензирования 08.08.2026; принята к публикации 22.09.2026.

The article was submitted 25.05.2026; approved after reviewing 08.08.2026; accepted for publication 22.09.2026.

Научная статья
УДК

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЯНИЯХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Илья Викторович Никитенко¹

¹ Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова, г. Хабаровск, Россия, dfvnii@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-7406-7998>

Аннотация. В современных условиях противодействие преступлениям экстремистской направленности требует глубокого понимания закономерностей формирования преступного поведения лиц, вовлеченных в экстремистскую деятельность. Одной из наиболее сложных задач криминологии остается теоретическое моделирование механизма преступного поведения с учетом взаимодействия объективных и субъективных факторов, детерминирующих совершение преступлений данной категории. На основе анализа научных трудов отечественных криминологов рассматриваются теоретические основы механизма преступного поведения применительно к преступлениям экстремистской направленности, обобщаются существующие научные подходы к его структуре и содержанию, а также раскрываются возможности использования криминологического моделирования для повышения эффективности предупреждения экстремистской преступности. Цель исследования – обобщение и систематизация авторских взглядов о теоретической модели механизма индивидуального преступного поведения относительно рассматриваемых преступных деяний. В результате исследования получены следующие выводы. Преступления экстремистской направленности, как правило, не являются спонтанными и характеризуются устойчивой мотивацией, выраженным целеполаганием и высокой степенью общественной опасности. Полученные результаты могут быть использованы при разработке мер ранней профилактики экстремизма, выявлении лиц, склонных к совершению преступлений экстремистской направленности, а также при совершенствовании деятельности правоохранительных органов по предупреждению, пресечению и расследованию указанных преступлений.

Ключевые слова: детерминанты, криминологические основы моделирования, криминогенные факторы, механизм индивидуального преступного поведения, преступления экстремистской направленности

Для цитирования

Никитенко И. В. Криминологические основы моделирования механизма преступного поведения в уголовно-противоправных деяниях экстремистской направленности // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21(1–4), № 3. С. 444–455.

Original article

CRIMINOLOGICAL FOUNDATIONS OF MODELING THE MECHANISM OF CRIMINAL BEHAVIOR IN CRIMINALLY UNLAWFUL ACTS OF EXTREMIST ORIENTATION

Ilya Viktorovich Nikitenko¹

¹ I. F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk, Russia, dfvnii@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-7406-7998>

Abstract. In modern conditions, countering extremist crimes requires a deep understanding of the patterns of formation of criminal behavior of persons involved in extremist activities. One of the most difficult tasks of criminology remains the theoretical modeling of the mechanism of criminal behavior, taking into account the interaction of objective and subjective factors that determine the commission of crimes in this category. Based on the analysis of scientific works by Russian criminologists, the theoretical foundations of the mechanism of criminal behavior in relation to extremist crimes are considered, existing scientific approaches to its structure and content are summarized, and the possibilities of using criminological modeling to increase the effectiveness of preventing extremist crime are revealed. The purpose of the study is to generalize and systematize the author's views on the theoretical model of the mechanism of individual criminal behavior in relation to the criminal acts under consideration. As a result of the study, the following conclusions were obtained. Extremist crimes, as a rule, are not spontaneous and are characterized by stable motivation, pronounced goal-setting and a high degree of public danger. The results obtained can be used in the development of measures for the early prevention of extremism, the identification of persons prone to commit extremist crimes, as well as in improving the activities of law enforcement agencies to prevent, suppress and investigate these crimes.

Keywords: determinants, criminological foundations of modeling, criminogenic factors, mechanism of individual criminal behavior, extremist crimes

For citation

Nikitenko, I. V. 2026, 'Criminological foundations of modeling the mechanism of criminal behavior in criminally unlawful acts of extremist orientation', *Penal law*, vol. 21(1–4), iss. 3, pp. 444–455.

Система мер предупреждения преступности может быть эффективной при условии глубокого понимания, как именно формируется механизм индивидуального преступного поведения в тех или иных преступлениях. Решение столь неординарной задачи целе-

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

сообразно начать с аналитического обзора накопленных в современной криминологии знаний о механизме преступного поведения как теоретической основы его криминологического моделирования относительно рассматриваемых преступлений.

Следуя логике исследования, стоит отметить, что одной из наиболее сложных задач является теоретическое моделирование механизма преступного поведения с учетом особенностей взаимодействия различных криминогенных факторов, детерминирующих отдельные разновидности уголовно-противоправных деяний, включая преступления экстремистской направленности.

Так, с опорой на ряд криминологических исследований можно констатировать, что моделированием механизмов преступного поведения занимались ученые разных криминологических школ, изучающих преступность как сложное социальное явление, ее детерминанты, а соответственно и подходы к противодействию. Вероятно, что наиболее затруднительным в плане осознания криминогенных свойств, а соответственно и формирования теоретических моделей является механизм преступного поведения относительно деяний, имеющих сложные юридические конструкции. К подобным примерам можно отнести преступления с признаками многообъектности посягательства и уголовно-правовой сопряженности, преступления с двойной (сложной) формой вины и преступления, объективную сторону которых составляют альтернативные действия либо альтернативные последствия, преступления с усеченными и формально-материальными составами. Вместе с тем следует отметить, что в современной криминологии сформирован теоретический базис, на основании которого возможно осмысление и разработка частных моделей механизмов преступного поведения.

Анализ различных методологических подходов к исследованию преступности позволяет утверждать, что методика теоретического моделирования получила широкое распространение не только в криминологии, но и в других уголовно-правовых науках, изучающих различные проявления преступлений и преступности в целом.

Примечательно, что с опорой на конкретные примеры и образцы, определяющие суть исследуемых правовых явлений, построена теоретическая модель преступления, законодательным воплощением которого является его юридический состав. В свою очередь, условные пространственные и временные значения совокупности преступлений позволили сформулировать и внедрить в научный оборот понятие «преступность», которую рассматривают как общепризнанную и фундаментальную для криминологии научную парадигму. Одним из характерных примеров теоретического моделирования в уголовно-правовых науках вообще и криминологии в частности является структура личности преступника, которая рассматривается как системный комплекс социальных, психологических, физиологических и правовых свойств индивида, обуславливающих его преступное поведение.

Так, указанная теоретическая модель складывается, как известно, из признаков, распределяемых по четырем условным группам:

- социально-демографические (пол, возраст, образование, семейное положение); морально-нравственные (ценностные деформации, эгоизм, отрицание социальных норм);
- психологические (агрессивность, импульсивность, повышенная тревожность, пониженный самоконтроль, неадекватное восприятие реальности, опасные психологические зависимости);
- уголовно-правовые [тип совершенного преступления, характер и степень общественной опасности деяния, мотивы преступного поведения, наличие предыдущих

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

судимостей, роль в совершении преступления (исполнитель, организатор, пособник, подстрекатель)];

– физиологические (состояние здоровья, хронические заболевания, аномалии психического либо физического развития, алкогольная или наркотическая зависимости).

Впоследствии криминологическая модель структуры личности преступника была положена в основу еще одной криминологической парадигмы, получившей название «Типология личности преступника», которая основана на формировании теоретических моделей личностей по наиболее характерным индивидуальным свойствам. Такой методологический подход позволил обосновать критерии разграничения различных типов преступников (по степени общественной опасности, криминальной мотивации, устойчивости криминогенных установок) и проводить их сравнительный анализ.

Прежде чем перейти к примерному описанию криминологической модели механизма преступного поведения относительно преступлений экстремистского характера, целесообразно еще раз прибегнуть к этимологии основного понятия – «механизм преступного поведения».

Значение понятия «механизм» можно выразить как обусловленную целеполаганием систему последовательных взаимодействий, направленных на достижение определенного результата. Относительно механизма преступного поведения в различных видах преступной деятельности необходимо сосредоточиться на основных криминологических свойствах этого явления, которые проявляются через взаимодействие личности потенциального преступника с объективной реальностью, что может стать основой для возникновения конкретной криминогенной ситуации. Данные обстоятельства часто рассматриваются в криминологии с позиций причин и условий, а именно детерминант, определяющих закономерную вероятность совершения тех или иных преступлений. Совокупность подобных детерминант в криминологии часто рассматривают в более широком значении, а именно как «криминогенный факторный комплекс», представляющий собой важный информационный массив для криминологического моделирования механизма индивидуального преступного поведения относительно различных уголовно-противоправных деяний.

Например, среди наиболее распространенных объективных криминогенных факторов выделяют:

- социальные (социальная среда, в которой находится личность);
- экономические (материальная нужда и бедность, безработица, неблагоприятные условия проживания и т. п.);
- политико-правовые (политическая и правовая нестабильность);
- культурные (господствующая в обществе система идеалов и морально-нравственных ценностей);

Изучение подобных факторов во многом определяет, как именно они могут влиять на личность с точки зрения формирования индивидуального преступного поведения. Применительно к нашему исследованию вышеуказанные факторы анализируются с позиций формирования потребности, мотивации и обретения решимости совершить преступления экстремистского характера.

Экстраполируя естественнонаучное понимание механизма на человеческое поведение в общем и преступное поведение в частности, можно констатировать, что эти явления рассматриваются сквозь призму взаимодействия объективных обстоятельств (конкретных жизненных ситуаций) и соответствующих этим обстоятельствам субъек-

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

тивных процессов личности, что само по себе весьма логично, так как осознанное поведение индивида представляет собой субъективное отображение объективной реальности [4, с. 43].

Рассматривая механизм преступного поведения как систему взаимодействующих факторов, детерминирующих совершение уголовно наказуемого деяния, академик В. Н. Кудрявцев определил ряд элементов механизма умышленного преступления: мотивацию, планирование, исполнение и преступный результат [2, с. 86]. Данная модель стала теоретическим основанием для дальнейших исследований, связанных с моделированием механизмов преступного поведения относительно умышленных уголовно-противоправных деяний.

В развитие данной теоретической концепции профессор В. В. Лунеев отмечал, что мотивации предшествует формирование потребности в совершении преступления, которая под воздействием внешних факторов оказывает влияние на формирование преступной мотивации. Мотивы же умышленного преступления взаимосвязаны с определением преступных целей и возможностей их достижения. По мнению ученого, далее может последовать мыслительный процесс, связанный с прогнозированием возможного преступного результата, что в итоге оказывает влияние на принятие решения реализовать преступные намерения [3, с. 189].

Вероятно, что следующие компоненты, определяющие содержание механизма преступного поведения, обуславливают взаимосвязь интеллектуального и волевого аспектов в реализации преступных намерений, так как решение совершить преступление воплощается в конкретном преступном деянии [4, с. 45]. Заключительным компонентом механизма преступного поведения, по мнению ученого, является так называемое посткриминальное поведение преступника [3, с. 191].

В криминологии посткриминальное поведение условно дифференцируют, на следующие категории: негативное, позитивное, нейтральное. Конкретное проявление посткриминального поведения может рассматриваться в качествеотягчающего либо смягчающего ответственность обстоятельства, а в отдельных случаях и как основание освобождения от уголовной ответственности.

Из содержания предложенной ученым модели видно, что она, по сути, лишь раскрывает предложенную академиком В. Н. Кудрявцевым концепцию, за исключением, пожалуй, заключительного этапа, который следует за осознанием преступником результатов совершенного деяния. Относительно же посткриминального поведения преступника необходимо отметить, что в криминологии, как и в уголовном праве, рассматриваются два варианта такого поведения: позитивное, то есть направленное на снижение общественной опасности совершенного преступления, и негативное, которое может заключаться в действиях, направленных на уклонение от уголовной ответственности, либо выборе иных вариантов посткриминального поведения, способных усилить общественную опасность совершенного деяния.

Из содержания выдвинутых учеными концепций следует, что по смыслу они напоминают описание стадий формирования и дальнейшего развития субъективной стороны умышленного преступления через формирование намерений совершить преступление, преступной мотивации и определение целей, которые могут сопровождаться обнаружением умысла, что в теории уголовного права часто называют конкретизацией или направленностью умысла. В связи с этим целесообразно отметить, что в работах В. В. Лунеева предложенная ученым модель часто называется механизмом индивидуального

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

преступного поведения в умышленном преступлении. Вероятно, что аналогичный механизм в неосторожном преступлении выглядел бы иначе, особенно когда речь идет о преступлениях с так называемой двойной (сложной) формой вины либо преступлениях со смешанной виновностью. Как известно, в таких вариантах умышленная вина возможна лишь по отношению к самому деянию, которое, по мнению законодателя, является предикатным по отношению к итоговым последствиям.

Краткий аналитический обзор концептуальных основ, раскрывающих содержание понятия «механизм преступного поведения», позволяет перейти к моделированию возможного преступного поведения в уголовно-противоправных деяниях экстремистского характера.

Следует уделить внимание тем объективным факторам, которые влияют на формирование преступной заинтересованности и решимости совершения рассматриваемых преступлений. Прежде всего необходимо отметить, какие именно деяния имеются в виду. В связи с этим стоит напомнить, что в доктрине уголовного права и криминологии существует мнение, что к экстремистским преступлениям в широком смысле следует относить все формы криминального радикализма, включая его крайне агрессивные проявления в виде преступлений террористической направленности. Однако в соответствии с примечанием 2 ст. 282.1 УК РФ к преступлениям экстремистской направленности следует относить те уголовно-противоправные деяния, которые совершаются по мотивам политической, религиозной, идеологической, расовой или национальной вражды или ненависти в отношении какой-либо социальной группы. Придерживаясь распространительного толкования указанной нормы, можно предположить, что к преступлениям экстремистской направленности следует относить самый широкий перечень преступных деяний, мотивы которых соответствуют вышеназванному перечню.

Существуют мнения, что к преступлениям экстремистской направленности следует отнести и те уголовно-противоправные деяния, юридические составы которых находятся за пределами главы 29 УК РФ, но имеющие схожие субъективные признаки. К подобным преступлениям часто относят уголовно-противоправные деяния против общественной безопасности и общественного порядка, совершаемые из экстремистских побуждений (например, п. «б» ч. 1 ст. 213, ч. 2 ст. 214 УК РФ), преступления против жизни и здоровья личности (п. «е» ч. 2 ст. 111 и 112, п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ), а также иные преступления, совершаемые из экстремистских побуждений.

Исходя из законодательного определения преступлений экстремистской направленности и преобладающей в отечественном уголовном праве доктрины можно прийти к выводу о том, что преступления экстремистской направленности по характеру их совершения условно дифференцируют на преступления, объективная сторона которых непосредственно связана с формированием и распространением экстремистской идеологии, а также создающие условия для совершения насильственных преступлений из экстремистских побуждений (ст. 282–282.4 УК РФ). Далее следуют насильственные преступления, в которых экстремистская мотивация является отягчающим обстоятельством (убийство, хулиганство, вандализм и т. п.).

Относительно ряда преступлений террористического характера стоит признать, что терроризм является крайним и наиболее опасным проявлением экстремизма. Однако цели совершения подобных преступлений, которые представлены в соответствующих уголовно-правовых нормах как квалифицирующие признаки, отличаются от непосредственно экстремистских.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Классифицируя преступления экстремистского характера, следует учитывать некоторые обстоятельства, которые позволяют лучше понять их отличия от иных схожих по некоторым признакам уголовно-противоправных деяний. Так, если рассматривать мотив предубеждения как некий мыслительный стереотип, положенный в основу квалификации субъективной стороны определенного преступления или нескольких преступлений, то именно на этом основании можно выделить и другие преступления, для которых неприязнь, ненависть и враждебное отношение к предполагаемым потерпевшим не имеет никакого значения. Вероятно, что и среди преступлений на почве ненависти далеко не все совершаются из предубеждения, предвзятости, предрассудков или суеверий, эти понятия, по сути, являются синонимами. Но, как было отмечено ранее, для характеристики рассматриваемого вида преступлений обычно используют термин «предубеждение» [5, с. 16].

С опорой на накопленные теоретические и прикладные знания можно смоделировать механизм преступного поведения относительно любого умышленного преступления. Однако в части преступлений экстремистской направленности следует акцентировать внимание на некоторых особенностях реализации их субъективной стороны, которые существенно отличают эти уголовно-противоправные деяния от иных умышленных преступлений, имеющих схожие признаки. Несомненно, что эффективное противодействие таким преступлениям возможно при условии четкого понимания механизма формирования и реализации преступных намерений. Вместе с тем стоит обратить внимание на завершающие этапы преступного поведения, такие как оценивание преступного результата и выбор возможных вариантов посткриминального поведения.

Широкая вариативность способов реализации криминальных задач при совершении экстремистских преступлений существенно влияет на механизм преступного поведения при совершении таких уголовно-противоправных деяний. Есть основания полагать, что эти криминогенные факторы значительно усиливают влияние на формирование преступной мотивации в рассматриваемых деяниях.

Особое значение для осознания механизма преступного поведения в преступлениях экстремистской направленности имеет экстремистская мотивация, понимание которой может способствовать повышению эффективности предупреждения соответствующих преступлений. Подобная мотивация может быть представлена как комплекс побуждающих к совершению экстремистского преступления факторов, среди которых: неприятие иных ценностей, стремление к доминированию, радикализация взглядов, следование идеологическим или религиозным предубеждениям, вера в возможность изменить существующий порядок через насилие, стремление преодолеть чувство неполноценности и повысить самооценку. Исполнители преступлений экстремистского характера часто проявляют себя как психологически не сбалансированные личности, склонные к максималистским суждениям и поляризации мира. Примечательно и то, что экстремистская мотивация, часто формируемая комплексом сложных психологических проблем, усиливается на фоне глубокого совпадения личностных убеждений с экстремистской идеологией.

По мнению специалистов в области криминальной психологии, экстремистские мотивы могут трансформироваться от идеологической убежденности до удовлетворения корыстных потребностей [6, с. 208].

Как было отмечено, первым из этапов формирования мотива в механизме индивидуального преступного поведения является возникновение потребности в совершении

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

рассматриваемых преступлений. Именно потребность совершить преступление – эта исходная составляющая мотивации преступного поведения, которая проявляется в осознанной или неосознанной нужде, внутреннем напряжении, требующем психологической разрядки.

Потребность может оставаться неизменной ввиду органичной взаимосвязи с коренными детерминантами тех или иных насильственных преступлений, безотносительно способов их совершения. Например, факторы, влияющие на формирование потребности совершить преступления против жизни и здоровья (зависть, ревность, месть и т. п.), не зависят от того, как именно будут реализованы преступные намерения. На формирование потребности в совершении преступления экстремистской направленности влияют такие личностные пороки, которые характерны для преступлений, совершаемых на почве глубоких нравственных заблуждений либо под влиянием негативных предубеждений. Так, по мнению специалистов, изучающих криминальные потребности и мотивации лиц, склонных к экстремистской и особенно террористической деятельности, наблюдаются деформации личности в части адекватного отношения к таким общественным ценностям, как социальная справедливость, мораль, нравственность, гуманизм и т. п. [1, с. 87].

Из опросов экспертов следует, что экстремисты нередко демонстрируют эгоцентризм и завышенную самооценку, которые часто становятся причиной неудовлетворенности своим положением в обществе. Вместе с тем многих из экстремистов отличает склонность искать источники личных проблем не в себе, а в окружающих людях, несовершенстве общественных институтов, случайных обстоятельствах. Подобные отклонения могут влиять на формирование иллюзий, что, совершая преступления экстремистской направленности, можно повысить свой социальный статус. Очевидно, что названные субъективные факторы существенно влияют на формирование потребности криминального насилия, включая преступления, совершаемые из экстремистских побуждений.

Согласно классической структуре механизма индивидуального преступного поведения завершающим этапом формирования преступной мотивации является обретение решимости совершить то или иное преступление. Данную стадию считают финальным этапом процесса формирования криминальной мотивации, когда преступные намерения преобразуются в готовность действовать. Именно поэтому обретение решимости совершить преступление рассматривают как этап, объединяющий интеллектуальную, эмоциональную и волевую сферы в механизме преступного поведения. На данном этапе преступник сопоставляет преступные желания (отомстить, обогатиться и т. п.) с самоограничениями (совесть, страх перед неотвратимостью ответственности и т. д.). Таким образом, обретение решимости определяет переход от пассивных размышлений к активным действиям. Решимость совершить преступление обусловлена психологической готовностью субъекта принять возможные негативные последствия (арест, наказание и т. п.).

В связи с криминологическим моделированием механизма преступления экстремистской направленности решимость представляется как осознанный этап психологической готовности достижения идеологических, политических, социальных и других сопутствующих целей посредством устрашения или насилия. Однако необходимо учитывать, что к экстремистским преступлениям законодатель относит и те уголовно-противоправные деяния, которые создают условия для непосредственной экстремистской деятельности. В этих случаях этап формирования решимости совершать подобные преступления может иметь иные психологические оттенки, не снижая при этом общественной опасности указанных деяний.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

За принятием решения совершить какое-либо из преступлений экстремистской направленности наступает этап, когда потенциальный преступник моделирует возможные варианты будущего преступного поведения, выбирает наиболее приемлемый способ реализации преступных намерений, оценивает риски и прогнозирует возможные последствия. В теоретической модели механизма индивидуального преступного поведения эту условную стадию принято называть этапом планирования.

Однако при моделировании возможных вариантов преступного поведения целесообразно учитывать, что акцентуация указанного этапа возможна лишь в тех преступлениях, решение о совершении которых является обдуманым и неспонтанным, с четко определенной целью и мотивацией.

Иные преступления, совершение которых носит необдуманый, спонтанный характер, в теории уголовного права часто называют преступлениями с внезапно возникшим умыслом. К подобным примерам можно отнести насильственные преступления, совершаемые из хулиганских побуждений, в состоянии аффекта или в условиях психотравмирующей ситуации. В таких деяниях выделить этап планирования крайне затруднительно ввиду его субъективной неопределенности.

В преступлениях с определенным целеполаганием и мотивом на этапе планирования происходит мысленное оформление преступных намерений, предшествующих процессу непосредственного или опосредованного совершения задуманного. Примечательно, что ключевые характеристики этапа планирования во многом совпадают с юридическим содержанием стадии приготовления к преступлению, описанной в ч. 1 ст. 30 УК РФ. Однако если планирование – это сугубо интеллектуальный процесс, то приготовление к преступлению включает в себя переход к реальным действиям, за которые предусмотрена столь же реальная уголовная ответственность.

Начало этапа планирования в преступлениях экстремистской направленности часто связано с осмыслением тех задач, ради которых задумано совершение рассматриваемых преступлений. Далее этап планирования связан с мыслительным процессом, направленным на детализацию конкретных действий, образующих объективную сторону запланированного преступления.

В логической структуре последовательного распределения этапов механизма индивидуального преступного поведения за этапом планирования следует этап исполнения (реализации) преступных намерений. Далее, если такое преступление не было предотвращено (пресечено) до наступления запланированного преступного результата, следуют этапы оценки последствий и выбора возможных вариантов посткриминального поведения.

Характеризуя этап исполнения преступных намерений, необходимо учитывать, что его криминологическое наполнение во многом совпадает с уголовно-правовым содержанием объективной стороны соответствующего преступления. Например, объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства), образуют «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства по признакам пола, расы, национальности, языка... совершенные публично...».

Следуя криминологической концепции, можно прийти к выводу о том, что реализация преступных намерений складывается из комплекса (совокупности) преступных деяний, возможность совершения которых обусловлена последовательностью прохождения

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

этапов в механизме преступного поведения от формирования преступной мотивации и планирования до непосредственного исполнения деяний, составляющих объективную сторону рассматриваемых преступлений.

Переходя к заключительным этапам механизма преступного поведения в преступлениях экстремистской направленности (оценивание результатов преступления и выбор возможных вариантов посткриминального поведения), целесообразно отметить следующее:

- в процессе оценки преступного результата сопоставляются итоги реализации преступных намерений с изначально поставленными целями;
- анализируются факты, подтверждающие реальность преступных последствий;
- оцениваются качественные и количественные проявления преступных последствий;
- сопоставляется тяжесть совершенного преступления с угрозой разоблачения и задержания;
- обдумываются возможности уклонения от уголовной ответственности и наказания.

Анализ полученного криминального опыта формирует отношение к дальнейшей преступной деятельности, закрепление подобного опыта или отказ от совершения преступлений в будущем. Очевидно, что указанные обстоятельства во многом определяют выбор возможных вариантов посткриминального поведения, которое условно рассматривают как негативное, нейтральное или позитивное. Относительно рассматриваемой группы преступлений итоги оценки преступного результата во многом зависят от поставленных на этапе планирования преступных целей, а также конкретных способов и средств их достижения.

Из анализа законодательства о противодействии экстремизму и материалов правоприменительной практики в области противодействия преступлениям экстремистской направленности следует, что именно эта разновидность преступлений отличается наиболее сложным механизмом преступного поведения, с преобладанием устойчивой мотивации и целеполагания¹.

Следует отметить, что крайние формы криминальной агрессии в экстремистских преступлениях могут быть связаны с насилием, опасным для жизни и здоровья, либо угрозами применения подобных форм насилия. Именно поэтому, определяя повышенную общественную опасность подобных деяний, законодатель акцентирует внимание на том, что даже самые тяжкие преступные последствия, предусмотренные уголовно-правовыми нормами об ответственности за экстремистские преступления, значительно отягчаются экстремистскими мотивами и целями. Подобные законодательные конструкции имеют место в уголовно-правовых нормах об ответственности за преступления против жизни и здоровья личности (п. «е» ч. 2 ст. 111, 112, п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Обобщая приведенные доводы, можно прийти к выводу о том, что рассматриваемые преступления не совершаются спонтанно, но являются следствием глубокой нравственной деформации и криминальной запущенности тех, кто решается на их совершение. Понимание же механизма индивидуального преступного поведения при совершении рассматриваемых деяний может способствовать как выявлению потенциально опасных лиц, так и раннему предупреждению экстремистских преступлений в целом. Вероятно,

¹ См.: О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

что именно результаты совершенного преступления и их оценка субъектом преступления во многом определяют выбор возможных вариантов его посткриминального поведения.

Так, реальность угрозы разоблачения и неотвратимости наказания может способствовать принятию решения о сотрудничестве с правоохранительными органами, что может быть квалифицировано как смягчающее ответственность обстоятельство, а при определенных условиях – как повод для применения специального основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренного примечанием 1 к ст. 282.1 УК РФ. Однако необходимо учитывать, что указанное основание применимо лишь в том случае, когда экстремистское преступление совершается впервые, и поскольку преступление является «длящимся», то отказ от дальнейшей преступной деятельности должен являться добровольным.

Руководствуясь одной из основных задач уголовного законодательства России, сформулированной в ч. 1 ст. 2 УК РФ как «предупреждение преступлений», данное обстоятельство целесообразно учитывать при криминологическом моделировании заключительных этапов механизма индивидуального преступного поведения, включая преступления экстремистской направленности.

Обобщая итоги данного аналитического обзора, следует отметить, что в современной криминологии сформирована теоретическая основа, обеспечивающая возможность криминологического моделирования механизма преступного поведения относительно умышленных преступлений вообще и преступлений экстремистской направленности в частности. С опорой на полученные знания можно прийти к целостному пониманию детерминант формирования преступной потребности, решимости и мотивации в целом совершить какое-либо из преступлений экстремистской направленности, расширить знания о мыслительных и волевых аспектах, сопровождающих процесс реализации преступных намерений, и об оценке результатов совершенного преступления, о факторах, влияющих на характер посткриминального поведения преступника-экстремиста.

Прикладное значение такой аналитики заключается в том, что ее результаты можно использовать в практической деятельности по выявлению лиц, планирующих совершение преступлений экстремистской направленности, а также предотвращению и пресечению подобных уголовно-противоправных деяний.

Список источников

1. Антонян Ю. М. Особо опасный преступник. М. : Проспект, 2011. 312 с.
2. Кудрявцев В. Н. Лекции по криминологии : учеб. пособие. М. : Юрист, 2017. 188 с.
3. Лунеев В. В. Мотивация преступного поведения. М. : Наука, 1991. 383 с.
4. Никитенко И. В. Механизм преступного поведения как криминологическая парадигма: теоретическое и прикладное значение // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России им. И. Ф. Шилова. 2024. № 3(68). С. 42–50.
5. Никитенко И. В. Преступления по мотивам ненависти: международная классификация и опыт противодействия // Вестник ДВЮИ МВД России. 2021. № 1(54). С. 11–22.
6. Ольшанский Д. В. Психология терроризма. М. : Екатеринбург, 2002. 319 с.

References

1. Antonyan, Yu. M. 2011, *A particularly dangerous criminal*, Prospekt, Moscow.
2. Kudryavtsev, V. N. 2017, *Lectures on criminology: textbook*, Yurist Moscow.
3. Luneev, V. V. 1991, *Motivation of criminal behavior*, Nauka Publ., Moscow.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

4. Nikitenko, I. V. 2024, 'The mechanism of criminal behavior as a criminological paradigm: theoretical and applied significance', *Bulletin of the I. F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 3(68), pp. 42–50.

5. Nikitenko, I. V. 2021, 'Hate crimes: international classification and counteraction experience', *Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 1(54), pp. 11–22.

6. Olshansky, D. V. 2002, *Psychology of terrorism*, Yekaterinburg, Moscow.

Информация об авторе

И. В. Никитенко – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии.

Information about the author

I. V. Nikitenko – Sc.D (Law), Professor, professor of the criminal law and criminology department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 25.05.2026; одобрена после рецензирования 08.08.2026; принята к публикации 17.09.2026.

The article was submitted 25.05.2026; approved after reviewing 08.08.2026; accepted for publication 17.09.2026.

Научная статья
УДК

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Владислав Николаевич Орлов¹

¹ Редакция журнала «Российский криминологический взгляд», г. Москва, Россия, vlad-orlov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные идеи о криминологическом законодательстве в трудах советских ученых; определяются понятие, система и общие проблемы криминологического законодательства; исследуются частные проблемы криминологического законодательства; приводится концепция первой главы Общей части Криминологического кодекса Российской Федерации, указываются ее структура и отдельные нормы.

Ключевые слова: криминологическое законодательство, криминологическое право, криминологическо-правовые нормы, Криминологический кодекс Российской Федерации

Для цитирования

Орлов В. Н. В. Криминологическое законодательство: проблемы и пути совершенствования // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21(1–4), № 3. С. 456–464.

Original article

CRIMINOLOGICAL LEGISLATION: PROBLEMS AND WAYS OF IMPROVEMENT

Vladislav Nikolaevich Orlov¹

¹ Editorial board of the journal "Russian criminological view", Moscow, Russia, vlad-orlov@mail.ru

Abstract. The article examines individual ideas about criminological legislation in the works of Soviet scientists; defines the concept, system and general problems of criminological legislation; examines particular problems of criminological legislation; provides the concept of the first chapter of the General Part of the Criminological Code of the Russian Federation, indicates its structure and individual norms.

Keywords: criminological legislation, criminological law, criminal law norms, Criminological Code of the Russian Federation

For citation

Orlov, V. N. 2026, 'Criminological legislation: problems and ways of improvement', *Penal law*, vol. 21(1–4), iss. 3, pp. 456–464.

Рассмотрим основные тезисы, раскрывающие отдельные проблемы криминологического законодательства и пути его совершенствования: введение; 1) отдельные идеи о криминологическом законодательстве в трудах советских ученых; 2) понятие, система и общие проблемы криминологического законодательства; 3) частные проблемы криминологического законодательства; 4) концепция первой главы Общей части Криминологического кодекса Российской Федерации: структура и отдельные нормы.

Введение. В настоящее время криминология (криминологическое право) развивается как наука, учебная дисциплина и комплексная отрасль права.

Криминологическое право как комплексная отрасль права представляет собой совокупность разноотраслевых юридических норм как уже сформированных отраслей, так и стремящихся в будущем к отраслевой самостоятельности (например, криминологическое право, наркокриминологическое право, криминопеналогическое право и т. д.), регулирующих общественные отношения, обусловленные причинами, условиями и возникающие в процессе предупреждения преступного, криминально-виктимного поведения, преступности, криминальной виктимности, а также их типах, видах и иных мер борьбы с преступностью.

Криминология как наука (наука криминологического права) – это совокупность идей, взглядов, теорий о закономерностях становления и развития криминологической политики государства, криминологического законодательства, практике его применения, правовом регулировании предупреждения антиобщественного, противоправного, криминально-виктимного поведения, преступности и криминальной виктимности, а также международного сотрудничества в области борьбы с преступностью, криминальной виктимностью, криминологическое и криминально-виктимологическое законодательство зарубежных стран.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Криминология (криминологическое право) как самостоятельная учебная дисциплина (курс) – это преподаваемый в образовательных учреждениях учебный курс.

Криминологическое законодательство является одним из основных элементов предмета криминологии (криминологического права) как науки, учебной дисциплины и комплексной отрасли права.

1. Отдельные идеи о криминологическом законодательстве в трудах советских ученых. Особое внимание в становлении и развитии идей, концепций, теорий о криминологическом законодательстве, криминологическом праве в советской России заслуживают взгляды, сформированные в 1970–1980 гг.: Г. А. Аванесова (1980–1984 гг.); С. В. Бородина (1979 г.); В. Н. Кудрявцева (1978 г.); Н. Ф. Кузнецовой (1982 г.); А. Г. Лекаря (1972 г.); А. Б. Сахарова (1975 г.) и др. Рассмотрим некоторые идеи.

В 1978 г. на Всесоюзной научно-координационной конференции «Задачи дальнейшего развития юридической науки в свете новой Конституции СССР, конституций союзных и автономных республик», посвященной первой годовщине со дня принятия Конституции СССР, профессором С. В. Бородиным были высказаны интересные идеи о криминологическом законодательстве и криминологическом праве. По результатам данной конференции в 1979 г. был издан сборник статей «Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка», в котором была опубликована и статья С. В. Бородина «Совершенствование законодательных мер борьбы с преступностью в свете Конституции СССР».

Профессор С. В. Бородин отмечал, что в целях эффективного функционирования законодательства о профилактике правонарушений следует вести речь не только о его единстве, но и о его внутренней дифференциации. Представляется, что внутри профилактического законодательства следовало бы выделить три направления: 1) материально-профилактическое право; 2) процессуально-профилактическое право; 3) организационно-управленческие нормы.

Позднее, в 1980 г., а затем и в 1984 г. профессор Г. А. Аванесов, который первым в своих авторских учебниках [Криминология и социальная профилактика (М., 1980); Криминология (М., 1984)] сформулировал идеи, концепции о криминологическом законодательстве и криминологическом праве, рассматривая правовое положение субъектов и объектов профилактики, исследовал и классифицировал проблемные вопросы на следующие группы: 1) общий подход к решению проблемы; 2) права и обязанности субъектов и объектов профилактики; 3) действия субъектов профилактики в рамках права; 4) проблема ответственности и профилактика; 5) ответственность субъектов и объектов профилактического воздействия; 6) ответственность за профилактическую деятельность; 7) ответственность субъектов профилактики; 8) ответственность объектов профилактического воздействия; 9) право и руководство профилактической деятельностью.

Краткий анализ криминологико-правовых идей и концепций советских ученых, а также отдельных проблем криминологического законодательства в советский период позволяет утверждать, что: отдельные концептуальные взгляды заслуживают более детального рассмотрения и анализа; некоторые проблемы криминологического права и криминологического законодательства, актуальные и по сей день, были обозначены еще в советский период; заслуживают внимания предложения советских ученых по их устранению и дальнейшему совершенствованию криминологического права и криминологического законодательства.

2. Понятие, система и общие проблемы криминологического законодательства. В теории криминологии в разное время криминологическое законодательство называлось

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

по-разному: криминологическое законодательство, законодательство о предупреждении преступлений (В. Н. Кудрявцев, 1978 г.), законодательство о профилактике правонарушений (Г. А. Аванесов, 1980, 1984 гг.), законодательство о борьбе с преступностью, законодательство о профилактике преступлений, собственно-криминологическое законодательство, советское криминологическое законодательство, криминологическое законодательство (Н. Ф. Кузнецова, 1982 г.) и т. д.

Под криминологическим законодательством следует понимать систему нормативно-правовых актов, регулирующих общественные отношения, касающиеся причин, условий преступного поведения, преступности, криминально-виктимного поведения, криминальной виктимности, их предупреждения, лиц, совершающих преступления, и их жертв, а также применения иных мер по борьбе с преступностью и криминальной виктимностью.

В самом общем виде иерархическая система криминологических нормативно-правовых актов состоит из пяти групп: 1) международные криминологические акты, которые применяются в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, согласно которой общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы; 2) Конституция РФ, конституционные федеральные и федеральные законы РФ, нормативно-правовые акты криминологического характера на уровне Президента, Правительства, Федерального Собрания РФ; 3) нормативно-правовые акты криминологического характера министерств и ведомств органов исполнительной власти, например, приказы, инструкции; 4) нормативно-правовые акты криминологического характера органов государственной власти субъектов Российской Федерации; 5) локальные акты криминологического характера государственных и негосударственных учреждений и организаций различных форм собственности (например, приказы, издаваемые руководителем организации).

Современное криминологическое законодательство характеризуется некоторыми общими проблемами, касающимися борьбы с преступностью, преступным поведением, криминальной виктимностью и криминально-виктимным поведением, в частности: 1) не сформирован единый понятийный аппарат, некоторые понятия дублируются, различно толкуются и т. д.; 2) нет единой концепции, стратегии развития политики в сфере борьбы с преступностью, криминальной виктимностью, криминологического законодательства; 3) отсутствуют единые цели, задачи и принципы; 4) не разработан единый подход к законодательной конструкции, порядку применения федеральных и региональных нормативно-правовых актов, регулирующих борьбу с отдельным видом преступности, преступного поведения, криминальной виктимности и криминально-виктимного поведения; 5) отсутствует системный подход к организации предупредительной деятельности, процесса применения (назначения, исполнения), отбывания мер предупредительного воздействия и освобождения от них; 6) значительное количество не согласованных друг с другом нормативно-правовых актов, институтов, норм различной юридической силы, отраслевой и ведомственной принадлежности; 7) неэффективное региональное законотворчество и правоприменение; 8) нет единого подхода к оценке эффективности деятельности, направленной на борьбу с отдельным видом преступности, преступного поведения, криминальной виктимности и криминально-виктимного поведения; 9) не учитываются современные достижения науки и техники, игнорируются современные киберугрозы и не регламентируются соответствующие меры предупредительного воздействия и т. д.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Представленный перечень общих проблем современного криминологического законодательства далеко не исчерпывающий, но даже этот краткий список позволяет осознать масштабность несовершенства и колоссальный объем законотворческой работы, который предстоит сделать в ближайшее время. Выход есть, главное – определиться с концепцией, выработать единый подход, все систематизировать и начать работу. В истории России мы не раз сталкивались с подобной проблемой и всегда приходили к одному решению – кодификация! Криминологический кодекс Российской Федерации – главный закон в сфере борьбы с преступностью и криминальной виктимностью, криминологический нормативно-правовой акт, укрепляющий государственную (национальную) безопасность России.

3. Частные проблемы криминологического законодательства. В настоящее время важнейшим криминологическим законом является Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – ФЗ от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ). Вместе с тем, ряд норм и положений требуют изменения и дополнения. Рассмотрим некоторые из них.

Во-первых, что касается названия, то, на наш взгляд, правильнее было бы использовать наименование «О предупреждении преступлений в Российской Федерации», поскольку: 1) термин «профилактика» является составной частью предупреждения и не включает в себя предотвращение и пресечение; 2) преступление является самым общественно опасным деянием и все иные противоправные деяния (антиобщественное поведение, административное правонарушение и т. д.) в какой-то мере являются условиями, способствующими совершению преступления.

Во-вторых, в ФЗ от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ отсутствует преамбула, а также нет нормы, в которой были бы определены цели и задачи данного нормативно-правового акта. Игнорирование законодателем целей и задач в криминологических нормативно-правовых актах в сфере борьбы с преступностью: 1) приводит к нарушению целостного, гармоничного понимания всей системы криминологических норм или иных элементов системы, а также к противоречивости и несогласованности отдельных положений того или иного криминологического нормативно-правового акта; 2) не позволяет правоприменителю, отдельным гражданам и заинтересованным лицам понять, зачем принят данный криминологический нормативно-правовой акт и ради чего применяются те или иные нормы; 3) препятствует пониманию того, к какому результату правоприменитель должен стремиться, применяя конкретные криминологические нормы; 4) исключает возможность оценить качество и эффективность того или иного криминологического нормативно-правового акта; 5) является условием, способствующим совершению преступлений, и т. д.

В-третьих, в ч. 1 ст. 1 ФЗ от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ законодатель определяет, что «предметом регулирования настоящего Федерального закона являются общественные отношения, возникающие в сфере профилактики правонарушений в Российской Федерации». Данное законодательное определение требует уточнения: 1) общественные отношения в сфере профилактики не касаются отношений в процессе предотвращения и пресечения, соответственно точнее указывать общественные отношения, возникающие в сфере предупреждения; 2) помимо преступника и лица, совершающего иные правонарушения, его антиобщественного поведения, заслуживает внимания криминально-виктимное поведение лиц; 3) следует отличать понятия «преступность», «криминальная виктимность», «преступное поведение» и «криминально-виктимное поведение»; 4) осоз-

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

навая современные угрозы в мире, бесспорно, мы должны заниматься предупреждением преступлений и иных противоправных деяний не только на территории России, но и за ее пределами, которые в перспективе могут угрожать безопасности России. Ярким примером является сам факт проведения специальной военной операции, участие представителей силовых структур России в обеспечении безопасности дружественных государств и т. д. Учитывая изложенное, указанную ч. 1 ст. 1 возможно представить в следующей редакции: «Предметом регулирования настоящего Федерального закона являются общественные отношения, возникающие в сфере предупреждения преступлений, иных правонарушений, антиобщественного поведения, криминально-виктимного поведения, а также в целом преступности и криминальной виктимности в Российской Федерации и за ее пределами». Иное определение предмета регулирования, бесспорно, повлияет и на изменение других норм.

В-четвертых, в ст. 2 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе» предусматривается 7 понятий: «правонарушение»; «профилактика правонарушений»; «система профилактики правонарушений»; «лица, участвующие в профилактике правонарушений»; «организация социального обслуживания»; «антиобщественное поведение»; «мониторинг в сфере профилактики правонарушений». Сформулируем ряд замечаний в отношении этого перечня понятий: а) представленный перечень далеко не полный. Важнейшими понятиями являются «причины, порождающие правонарушения», «условия, способствующие совершению правонарушений», поскольку не зная их, невозможно эффективно осуществить предупреждение. Заслуживают внимание и другие понятия, которые следовало бы включить в данный перечень «недопущение совершения правонарушения или антиобщественного поведения»; «формы профилактического воздействия»; «меры профилактики правонарушений»; «специальные меры профилактики правонарушений»; «криминологическая экспертиза»; «определение принципов профилактики правонарушений», «законность», «открытость»; б) правильнее было бы расположить представленные понятия в алфавитном порядке, иначе возникает вопрос о значимости, логике и т. д.; в) законодатель использует понятия, которые в определенной степени должны соотноситься с другими понятиями, определенными в иных криминологических нормативно-правовых актах, но при этом не объясняет их единство, соотношение и т. д., например, в рассматриваемой статье определяется понятие «антиобщественное поведение», однако неясно, как оно соотносится с понятием «антиобщественные действия», указанным в ст. 1 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее – ФЗ от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ). Другой пример, понятие «индивидуальная профилактика правонарушений» (ч. 2 ст. 15 ФЗ от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ) и понятие «индивидуальная профилактическая работа» (ст. 1 ФЗ от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ) и др.

В пятых, в ст. 15) ФЗ от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ законодатель определяет два вида профилактики правонарушений: 1) общая профилактика правонарушений; 2) индивидуальная профилактика правонарушений. В ч. 1 рассматриваемой статьи указывается, что «общая профилактика правонарушений направлена на выявление и устранение причин, порождающих правонарушения, и условий, способствующих совершению правонарушений или облегчающих их совершение, а также на повышение уровня правовой грамотности и развитие правосознания граждан». Согласно ч. 2 ст. 15 «индивидуальная профилактика правонарушений направлена на оказание воспитательного воздействия

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

на лиц, указанных в части 2 статьи 24 настоящего Федерального закона, на устранение факторов, отрицательно влияющих на их поведение, а также на оказание помощи лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми. Индивидуальная профилактика правонарушений может осуществляться с применением специальных мер профилактики правонарушений».

Обозначим некоторые замечания в отношении ст. 15 ФЗ от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ: а) законодатель предусматривает два вида (общий и индивидуальный), однако в теории криминологии предусматривается наряду с этими двумя еще один вид – групповая профилактика. Представляется, что в дальнейшем третий вид также должен быть законодательно предусмотрен; б) возможны и другие виды по иным основаниям, о которых законодатель почему-то не говорит, в частности, в зависимости: от источника возникновения (внутренние; внешние); порядка и последовательности применения (основные; дополнительные) и др. На наш взгляд, указанные два вида также должны быть законодательно регламентированы; в) при определении индивидуальной профилактики правонарушений законодатель использует термин «факторы, отрицательно влияющие на поведение лиц». Помимо известных понятий «причины» и «условия» появляется новый термин – «факторы». При этом законодатель не поясняет его понятие, соотношение с причинами и условиями и т. д. Заметим, что в теории криминологии факторы в большей степени относятся к преступности, а к преступному поведению – обстоятельства. Конечно, в дальнейшем понятие «факторы» нужно определить или заменить на понятия «причины» и «условия».

В-шестых, в ст. 17 ФЗ от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ законодатель впервые определяет формы профилактического воздействия, а не меры, не объясняя, зачем это нужно. Видимо, идея заключалась в том, чтобы обозначить форму как внешние очертания меры, чтобы потом субъект профилактики мог бы уже обозначить конкретное содержание меры. Возникает ряд вопросов: Нужно ли субъекту предоставлять столько свободы и к каким последствиям это может привести? Как это может соотноситься в дальнейшем, если от одной формы будут производны несколько мер? Как меры будут согласовываться между собой, с другой подобной мерой, но применяемым другим субъектом?

В-седьмых, в ч. 1 ст. 17 ФЗ от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ законодатель определяет 10 форм профилактического воздействия. Ряд замечаний в отношении этого перечня форм: представленный перечень далеко не полный. В этот перечень нужно включить и иные (криминологическая экспертиза, пробация и др.). В ч. 2 указывается, что «профилактику правонарушений в формах профилактического воздействия, предусмотренных пунктами 2–6 части 1 настоящей статьи, в пределах установленной компетенции вправе осуществлять должностные лица органов прокуратуры Российской Федерации, следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов уголовно-исполнительной системы и иных государственных органов, если такое право им предоставлено законодательством Российской Федерации». Законодатель предусмотрел, что первую форму «правовое просвещение и правовое информирование» не вправе осуществлять МВД России, ФСБ России и т. д., однако это не соответствует действительности, поскольку ряд правоохранительных органов, в том числе и ФСБ России, занимаются правовым просвещением и правовым информированием. Анализируя указанные формы, возникают ряд дополнительных вопросов, которые законодатель не определяет, а следовало бы: а) могут ли формы, меры назначаться всем или к каким-то категориям лиц они не приме-

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

няются? б) возможно ли заменять неотбытую часть одной меры другой, каково соотношение сроков и т. д.? в) как поступать в случае, если лицо злостного уклоняется и т. д.?

Представленный перечень проблем и положений, направленных на совершенствование Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», далеко не полный. Более подробно указанные замечания и иные проблемы будут рассмотрены нами в дальнейшем.

4. Концепция первой главы Общей части Криминологического кодекса Российской Федерации: структура и отдельные нормы. В Общей части предлагаемого нами Криминологического кодекса Российской Федерации должны регламентироваться общие положения, составляющие криминологическую правовую основу для предупреждения преступности, преступного поведения и иных видов правонарушений в Российской Федерации, в частности: основные положения криминологического законодательства; основания, субъекты применения, отбывания мер предупредительного воздействия; понятие, назначение мер предупредительного воздействия и освобождение от них. Структура Общей части Криминологического кодекса должна состоять из трех разделов и девяти глав, включающих в себя соответствующие статьи. В первом разделе «Основные положения криминологического законодательства Российской Федерации» содержатся три главы: 1. Общие положения. 2. Принципы криминологического законодательства Российской Федерации. 3. Действие криминологического закона во времени и пространстве.

Постатейно структура первой главы Общей части Криминологического кодекса Российской Федерации может быть представлена следующим образом:

«Общая часть

Раздел I. Основные положения криминологического законодательства Российской Федерации

Глава 1. Общие положения

Статья 1. Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе;

Статья 2. Предмет регулирования настоящего Кодекса;

Статья 3. Цели криминологического законодательства Российской Федерации;

Статья 4. Задачи криминологического законодательства Российской Федерации;

Статья 5. Структура и содержание криминологического законодательства Российской Федерации

Статья 6. Криминологическое законодательство Российской Федерации и международно-правовые акты;

Статья 7. Предметы ведения Российской Федерации в области криминологического законодательства;

Статья 8. Предметы ведения субъектов Российской Федерации в области криминологического законодательства;

Кратко рассмотрим отдельные нормы первой главы.

Так, в первой статье первой главы «Статья 1. Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе» следует закрепить основные понятия. В настоящее время подобные статьи содержатся в ряде законов и кодексов. Регламентация данной статьи позволит избежать дублирование, различное толкование понятий и иные законодательные терминологические противоречия, а также будет способствовать правильному пониманию и толкованию текста настоящего Кодекса.

В настоящее время в рассматриваемой статье должны быть закреплены отредактированные понятия, уже закрепленные в ряде федеральных законов: 1) ст. 2 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе» ФЗ от 23.06. 2016 № 182-ФЗ

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

«Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»; 2) ст. 3 «Основные понятия» ФЗ от 6.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»; 3) ст. 1 «Основные понятия» ФЗ от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»; 4) ст. 1 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе» ФЗ от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»; 5) ст. 1 «Основные понятия» ФЗ РФ от 8.01. 1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»; 6) ст. 3 «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе» ФЗ от 7.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и др.

Вторую статью первой главы «Статья 2. Предмет регулирования настоящего Кодекса» следует изложить в следующей редакции:

«1. Предметом регулирования настоящего Федерального закона являются общественные отношения, возникающие в сфере предупреждения преступления, иных правонарушений, антиобщественного поведения, криминально-виктимного поведения, а также в целом преступности и криминальной виктимности в Российской Федерации и за ее пределами.

2. Настоящий Кодекс устанавливает правовую и организационные основы системы предупреждения преступлений, иных правонарушений, антиобщественного поведения, основные положения криминологического законодательства, основания предупредительного воздействия, антиобщественное поведение, криминологическую ответственность, субъекты применения, отбывания мер предупредительного воздействия, понятие, назначение, исполнение и отбывание мер предупредительного воздействия и освобождение от них, а также особенности предупреждения отдельных видов преступности, преступного поведения, преступлений, иных правонарушений и антиобщественного поведения, основы криминологического исполнительного процесса».

Рассмотрев основные тезисы, раскрывающие отдельные проблемы криминологического законодательства и пути его совершенствования, отметим, что в действительности проблем очень много и решить их быстро вряд ли возможно, главное – не ждать, что проблема сама как-нибудь решится, а предлагать варианты решения, обсуждать идеи, предложения за и против, двигаться вперед.

Информация об авторе

В. Н. Орлов – доктор юридических наук, доцент, главный редактор журнала «Российский криминологический взгляд».

Information about the author

V. N. Orlov – Sc.D (Law), Associate Professor, Editor-in-Chief of the journal "Russian criminological view".

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 25.05.2026; одобрена после рецензирования 08.08.2026; принята к публикации 17.09.2026.

The article was submitted 25.05.2026; approved after reviewing 08.08.2026; accepted for publication 17.09.2026.

Научная статья
УДК

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ, СОПРЯЖЕННОЙ С СЕКСУАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИЕЙ

Алексей Владимирович Петрянин¹, Ольга Александровна Петрянина²

¹ Нижегородский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного Комитета Российской Федерации, г. Нижний Новгород, Россия, petryanin@mail.ru

² Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Нижегородской области, г. Нижний Новгород, Россия, petryanina-oa@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе комплексного анализа международно-правовых актов, законодательства России, официальных статистических данных и доктринальных источников исследуется современное состояние противодействия торговле людьми в целях сексуальной эксплуатации. Выявляются и анализируются организационные, правовые, социально-экономические и политические проблемы противодействия указанному криминальному феномену. Формулируется авторское определение понятия противодействия, разрабатываются критерии отграничения торговли людьми от смежных составов преступлений (вовлечения в занятие проституцией и организации занятия проституцией), обосновываются предложения по совершенствованию уголовного законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: торговля людьми, сексуальная эксплуатация, проституция, противодействие преступности, вербовка, квалификация преступлений, международное сотрудничество

Для цитирования

Петрянин А. В., Петрянина О. А. Современное состояние и проблемы противодействия торговле людьми, сопряженной с сексуальной эксплуатацией // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21(1–4), № 3. С. 465–473.

Original article

THE CURRENT STATE AND PROBLEMS OF COUNTERING HUMAN TRAFFICKING ASSOCIATED WITH SEXUAL EXPLOITATION

Alexey Vladimirovich Petryanin¹, Olga Alexandrovna Petryanina²

¹ Nizhny Novgorod Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russia, petryanin@mail.ru

² Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, Russia, petryanina-oa@yandex.ru

Abstract. Based on a comprehensive analysis of international legal acts, Russian legislation, official statistics and doctrinal sources, the article examines the current state of countering human trafficking for the purpose of sexual exploitation. The organizational, legal, socio-economic and political problems of countering this criminal phenomenon are identified and analyzed. The author's definition of the concept of counteraction is formulated, criteria for distinguishing human trafficking from related crimes (involvement in prostitution and organization of prostitution) are developed, and proposals for improving criminal legislation and law enforcement practice are substantiated.

Keywords: human trafficking, sexual exploitation, prostitution, crime prevention, recruitment, criminalization, international cooperation

For citation

Petryanin, A. V. & Petryanina, O. A. 2026, 'The current state and problems of countering human trafficking associated with sexual exploitation', *Penal law*, vol. 21(1–4), iss. 3, pp. 465–473.

Жизнь и свобода человека являются высшими, абсолютными ценностями. Как справедливо отмечал А. Швейцер, принцип «благоговения перед жизнью» должен распространяться на все живое, но для человека свобода представляет собой условие, без которого полноценная реализация личности невозможна [1, с. 49–52]. Именно поэтому Всеобщая декларация прав человека 1948 г. провозглашает, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах», а «каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность»¹.

Однако современный мир представляет собой «общество риска» [2]. Проблема безопасности человека и его свободы является одной из острейших. Торговля людьми представляет собой глобальную проблему, поразившую все регионы мира. По оценкам экспертов ООН, ежегодно жертвами торговли людьми становятся миллионы человек, а доходы преступных групп от этого вида криминального бизнеса исчисляются миллиардами долларов США².

¹ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Рос. газ. 1995. 5 апр.

² UNODC. Global Report on Trafficking in Persons 2022 / United Nations Office on Drugs and Crime. Vienna, 2023. 164 p. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/glotip/2022/GLOTIP_2022_web.pdf (дата обращения: 14.06.2026).

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Актуальность темы исследования детерминирована следующими обстоятельствами.

Во-первых, высокая степень латентности преступлений, предусмотренных ст. 127.1 УК РФ «Торговля людьми», и, как следствие, существенный разрыв между выявляемыми и реально совершенными деяниями. Статистические данные в области проводимого исследования, как справедливо отмечается в криминологической литературе, «не отражают реальных масштабов бедствия» [3, с. 5].

Во-вторых, сложность квалификации и доказывания фактов торговли людьми, сопряженной с сексуальной эксплуатацией, ввиду их тесной взаимосвязи со смежными составами преступлений. Как показывает анализ правоприменительной практики, «наиболее сложной является квалификация и разграничение составов в тех случаях, когда торговля людьми осуществляется в целях последующей сексуальной эксплуатации путем вовлечения жертвы в занятие проституцией» [4, с. 120].

В-третьих, транснациональный характер преступной деятельности, что подтверждается многочисленными примерами международных преступных сообществ, действовавших на территории России и за ее границами. Россия, по данным зарубежных источников, занимает «одно из лидирующих мест среди стран происхождения, транзита или назначения для людей, вывозимых с целью эксплуатации» [5, с. 4].

В-четвертых, сохраняющиеся пробелы в использовании специального понятийного инструментария, несмотря на ратификацию Российской Федерацией ключевых международных договоров. В частности, неразработанность понятия «проституция» также влечет за собой проблемы противодействия исследуемым в статье преступным деяниям [6, с. 142–147].

Отмеченное указывает на озабоченность современного цивилизованного международного сообщества в потребности повышения уровня противодействия рассматриваемой разновидности преступности. Об этом свидетельствует активное нормотворчество на площадках международных организаций, создающих юридические акты с существенным юридическим репродуктивным их потенциалом в борьбе с торговлей людьми, сопряженной с дальнейшей сексуальной эксплуатацией жертв таких деяний.

Фундаментальную основу противодействия торговле людьми представляет собой Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами (1949 г.) [7, с. 48–55]. В данном документе задекларирована важнейшая общемировая позиция о том, что торговля людьми для целей проституции несовместима с достоинством и ценностью человеческой личности». Важно подчеркнуть, что Конвенция устанавливает ответственность за эксплуатацию проституции другого лица даже с согласия этого лица.

Учитывая широту и сложность взятого для исследования доктринального направления, в современной научной литературе сложилось несколько подходов к определению противодействия торговле людьми. Их можно классифицировать следующим образом.

Узкоправовой подход сводит противодействие преимущественно к уголовно-правовым мерам борьбы и профилактики. Его сторонники акцентируют внимание исключительно на совершенствовании уголовного законодательства и практики его применения [8, с. 3].

Комплексный подход (преобладающий в современной криминологии) включает в себя организационные, правовые, социально-экономические, информационно-пропагандистские и иные меры. Его эффективность и организационная необходимость об-

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

условлена потребностью в координации совместных усилий. От их уровня и качества напрямую зависит достижение желаемого уровня превенции преступности, сопряженной с торговлей людьми и сексуальной эксплуатацией [9, с. 59–62].

Правозащитный подход акцентирует внимание на защите прав потерпевших, их реабилитации и ресоциализации. Этот подход нашел отражение в проекте федерального закона «О противодействии торговле людьми», разработанном межведомственной рабочей группой в Государственной Думе РФ еще в 2002–2003 гг. [10, с. 388].

Обобщая существующие позиции, можно выделить следующие базовые, методологически значимые признаки противодействия торговле людьми:

- 1) системность – представляет собой совокупность взаимосвязанных мер (правовых, организационных, социально-экономических, информационных);
- 2) субъектность – реализуется специально уполномоченными субъектами (государственные органы, общественные организации, международные структуры);
- 3) многоуровневость – включает в себя международный, федеральный и региональный уровни;
- 4) целевая направленность – предупреждение, выявление, пресечение, раскрытие преступлений, реабилитация потерпевших.

На основе выделенных признаков под противодействием торговле людьми, сопряженной с сексуальной эксплуатацией, следует понимать осуществляемую на международном, федеральном и региональном уровне систему правовых, организационных, социально-экономических, информационно-пропагандистских и иных мер, реализуемых специально уполномоченными субъектами (государственными органами, общественными организациями, международными структурами), направленных на предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие преступлений, предусмотренных ст. 127.1 УК РФ в части сексуальной эксплуатации, а также на защиту, реабилитацию и ресоциализацию потерпевших, привлечение виновных к ответственности и устранение причин и условий, способствующих совершению данных преступлений.

Учитывая, что центральным инструментом противодействия преступлениям, сопряженным с торговлей людьми и сексуальной эксплуатацией в Российской Федерации, выступает уголовный закон, считаем целесообразным провести ревизию его положений, затрагивающих область выбранного исследования и продемонстрировать как имеющиеся методологические проблемы, так и перспективный потенциал уголовно-правовой борьбы с рассматриваемой разновидностью преступности.

Начать их демонстрацию хотелось бы с констатации одной из наиболее значимой сложности, возникающей при применении положений УК РФ в части разграничения торговли людьми (ст. 127.1 УК РФ) от вовлечения в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ) и организации занятия проституцией (ст. 241 УК РФ).

Например, ведется активная научная дискуссия по соотношению юридического содержания вербовки как способа торговли людьми и вовлечения в занятие проституцией. В научной литературе высказаны различные точки зрения. Так, одна группа ученых утверждает, что «при конкуренции ст. 127.1 УК РФ и ст. 240 УК РФ применению подлежит ст. 127.1 УК РФ» [11, с. 13].

Представители противоположного подхода, придавая особую, криминообразующую роль цели совершения деяния, в качестве которой выступает вовлечение потерпевшего в занятие проституцией, настаивают на применении исключительно положений ст. 240 УК РФ [12, с. 26–27].

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Однако в уголовно-правовой доктрине есть и обобщающее выше продемонстрированные рекомендации предложение – квалифицировать вовлечение в занятие проституцией, сопряженное с торговлей людьми по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 240 и 127.1 УК РФ» [13, с. 14–15], что также заслуживает внимания.

Выявленная полисемия мнений связана с тем, что ненасильственная вербовка человека в целях его сексуальной эксплуатации является первоначальной стадией вовлечения в занятие проституцией, а законодателем за это деяние предусмотрена уголовная ответственность в рамках как ст. 127.1 УК РФ, так и ст. 240 УК РФ, что и затрудняет выбор нормы правоприменителем при квалификации деяния [14, 385–390].

В данном случае наиболее обоснованной представляется позиция, в соответствии с которой основным критерием разграничения и квалификации деяния по ст. 127.1 УК РФ служит то, что жертва являлась предметом какой-либо сделки, независимо от ее согласия и осознания данного факта. Если же потерпевшее лицо было вовлечено в занятие проституцией и при этом сделки с ее участием совершено не было, тогда такие действия должны квалифицироваться только по ст. 240 УК РФ [15, с. 195–201]. В случаях установления обеих указанных групп признаков совокупность преступлений, ответственность за которые предусмотрена в вышеуказанных статьях уголовного закона, не исключается и является единственно верным вариантом правовой оценки такого рода криминально-девиантного поведения.

Полагаем, что в обоснование решения выявленных проблем также может лечь разработка особого терминологического инструментария, раскрывающего не только юридическую, а и социальную сущность этих деяний. Конечно ж это касается понятия проституции, не имеющего на сегодняшний день правового определения, что существенно усложняет применение положений УК РФ, использующих этот термин в тексте диспозиций ряда его статей (ст. 127.1, 240, 241 УК РФ). Проблема понятийной определенности категории «проституция» в российском праве носит не только теоретический, но и ярко выраженный прикладной характер. Несмотря на многовековую историю существования данного феномена, а также наличие с середины XIX века попыток его нормативной регламентации¹ [18, с. 521–527], отечественный законодатель до настоящего времени не закрепил легального определения проституции.

Этимологически термин происходит от латинского *prostitutio*, означающего «осквернение, обесчещение»². Уже в Древнем Риме проституция отождествлялась с отдачей собственного тела во временное пользование за деньги для удовлетворения полового инстинкта [16, с. 31]. Современные исследователи сходятся во мнении, что именно экономическая составляющая выступает системообразующим признаком этого явления [17, с. 21, 24].

Учитывая больше не правовую, а социально-нравственную сложность в оценке базовых признаков этого делинквентного феномена, в науке сложилось несколько основных подходов к пониманию проституции.

Представители криминологии определяют проституцию как социально-негативное или девиантное явление, выражающееся в торговле человека любого пола своим телом, придавая ему соответствующий уровень общественной опасности [18, с. 5].

¹ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб. : Типография Второго Отделения собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. С. 521–527.

² См.: Словарь иностранных слов. М., 1996. С. 405.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Исследователи в области уголовно-правовой науки рассматривают проституцию сквозь призму половых отношений, возникающих на возмездной основе, не основанных на личной симпатии [19, с. 79]. Другие ученые, развивая представленный подход, относят ее к форме внебрачных сексуальных отношений, где главным стимулом для одной из сторон является заработок [17, с. 21].

Особого внимания заслуживает дискуссия о таком признаке изучаемого феномена, как систематичность. В уголовно-правовой доктрине под систематичностью традиционно понимается совершение деяния три или более раза [20, с. 737–738].

Изучение представленных частных теорий по методологическому содержанию проституции позволяет выделить следующие ее базовые признаки.

1. Экономическая (корыстная) мотивация. Как справедливо отмечается в литературе, проституция – это вид теневого бизнеса, основанный на извлечении прибыли [21, с. 156]. Причем экономическая заинтересованность присутствует как у лица, оказывающего услуги, так и у лиц, способствующих их оказанию (сутенеров, организаторов). Например, Суд ЕС в постановлении от 20 ноября 2001 г. признал проституцию экономической деятельностью¹.

2. Использование тела как объекта предоставления. Специфика заключается в том, что товаром выступает само тело лица (или действия сексуального характера, совершаемые с его использованием). Это отличает проституцию от иных форм девиантного сексуального поведения (например, промискуитета).

3. Удовлетворение сексуальных потребностей клиента. Целью сделки является именно сексуальное удовлетворение. Важно отметить, что спектр действий сексуального характера не ограничивается традиционным половым актом и включает разнообразные вариации удовлетворения сексуальных потребностей.

4. Отсутствие гендерной привязки. Субъектами проституции могут быть лица любого пола и сексуальной ориентации. Данный признак полностью корреспондирует с современной редакцией ст. 240 УК РФ, не дифференцирующей пол жертвы.

5. Систематический характер. Несмотря на наличие в науке мнения о возможности признания проституцией единичного факта, преобладающим и обоснованным является подход, требующий неоднократности (как правило, три и более раза). Это позволяет отграничить проституцию от случайных внебрачных связей корыстной направленности.

На основании выделенных признаков представляется возможным сформулировать следующее авторское определение проституции как возмездной, систематической деятельности лиц, направленной на удовлетворение сексуальных потребностей клиента (клиентов) путем предоставления в пользование собственного тела для совершения любых действий сексуального характера, при условии, что данная форма делинквентного поведения осуществляется с корыстной целью и служит источником дохода для лица, ее осуществляющего, или третьих лиц [22, с. 9].

Завершая исследование и демонстрируя частный взгляд на наиболее системные проблемы противодействия торговле людьми, сопряженной с сексуальной эксплуатацией, требующие соответствующей государственно-властной реакции, отметим, что центральным направлением должна стать разработка соответствующего понятийного инструментария и закрепление его на официальном нормативном уровне. Например, легализация понятия «проституция» позволит более четко идентифицировать ее как

¹ Judgment of the Court of 20 November 2001 // European Court reports. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:61999CJ0268> (дата обращения: 14.06.2026).

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

угрозу экономической безопасности государства и принять симметричные механизмы противодействия, в первую очередь сконцентрированные на подрыве экономических основ транснациональной организованной преступности и основанные на одном из фундаментальных принципов уголовного наказания, предложенного Чезаре Беккариа – наказание должно быть неотвратимым и невыгодным для преступника [23].

Отмеченное позволит снять имеющиеся коллизии в практике применения соответствующих положений УК РФ и открыть новые правовые, политические и социальные горизонты в борьбе с посягательствами на наиболее фундаментальные права и свободы личности.

Список источников

1. Иванюшкин А. Я, Смирнов И. Е. Этика благоговения перед жизнью Альберта Швейцера и современная медицина // Российский педиатрический журнал. 2014. Т. 17, №. 5. С. 49–52.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
3. Гилинский Я. И., Овчинникова Г. В. Торговля людьми: криминологический и уголовно-правовой анализ. СПб., 2008. 36 с.
4. Алихаджиева И. С. Торговля людьми в целях сексуальной эксплуатации: сравнительно-правовой анализ // Юридический вестник. 2016. № 3. С. 120.
5. Вельмезева Е. А. Торговля людьми и вовлечение в занятие проституцией: вопросы разграничения и квалификации // Актуальные проблемы права. 2011. № 2. С. 4.
6. Алихаджиева И. С. К вопросу о необходимости законодательного определения понятия «проституция»: постановка проблемы // Общество и право. №. 4(10). 2005. С. 142–147.
7. Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами : заключена в г. Лейк-Сакессе 21.03.1950 // Действующее международное право : сб. док. / сост. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. М. : Изд-во Московского независимого института международного права, 1997. Т. 2. С. 48–55.
8. Буряк М. Ю. Торговля людьми и борьба с ней: криминологические и уголовно-правовые аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2005. 246 с.
9. Горбунов А. Н., Стукалов В. В. Проблемы борьбы с торговлей людьми и организацией занятия проституцией // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 4(18). С. 59–62.
10. Осохин Р. Б. К вопросу об отграничении составов вовлечения в занятие проституцией и организации занятия проституцией от состава торговли людьми // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 4. С. 388.
11. Бушмин С. И. Преступления против общественной нравственности: новеллы и изменения в уголовно-правовом регулировании // Уголовное право. 2006. № 5. С. 13.
12. Буряк М. Ю. Торговля людьми и борьба с ней : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2005. 31 с.
13. Улицкий С. Я. Ответственность за вовлечение в занятие проституцией // Законность. 2005. № 3. С. 14–15.
14. Осохин Р. Б. К вопросу об отграничении составов вовлечения в занятие проституцией и организации занятия проституцией от состава торговли людьми // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 4. С. 385–390.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

15. Дягилев А. А. Некоторые вопросы уголовно-правовой квалификации торговли людьми в целях сексуальной эксплуатации // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 3(31). С. 195–201.
16. Энциклопедический словарь / под ред. Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. Т. XXV. СПб., 1898. С. 31.
17. Голод С. И. Что было пороками, стало нравами: лекции по социологии сексуальности. М., 2003. 240 с.
18. Кузьмичев В. С. Профилактика проституции. М., 1993. 48 с.
19. Полянская М. П. Уголовно-правовая охрана общественной нравственности в сфере половой морали : дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2009. 244 с.
20. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М. : Волтерс Клувер, 2005. С. 737–738.
21. Дюков В.В. Гримасы рынка «свободной любви» // Проституция и преступность. М., 1991. 304 с.
22. Петрянина О. А. Проституция как сфера теневой экономики: уголовно-правовой анализ, квалификация, причины и предупреждение : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2013. 241 с.
23. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М. : ИНФРА-М, 2025. 183 с.

References

1. Ivanyushkin, A. Ya. & Smirnov, I. E. 2014, 'Ethics of reverence for the life of Albert Schweitzer and modern medicine', *Russian Pediatric Journal*, no. 17, iss. 5, pp. 49–52.
2. Beck, U. 2000, *Risk society. On the way to another modernity*, Progress-Tradition, Moscow.
3. Gilinsky, Ya. I. & Ovchinnikova, G. V. 2008, *Human trafficking: criminological and criminal law analysis*, St. Petersburg.
4. Alikhadzhieva, I. S. 2016, 'Trafficking in persons for the purpose of sexual exploitation: a comparative legal analysis', *Legal Bulletin*, iss. 3, p. 120.
5. Velmezeva, E. A. 2011, 'Human trafficking and involvement in prostitution: issues of differentiation and qualification', *Actual problems of law*, iss. 2, p. 4.
6. Alikhadzhieva, I. S. 2005, 'On the need for a legislative definition of the concept of "prostitution": problem statement', *Society and law*, iss. 4(10), pp. 142–147.
7. *Convention for the Suppression of Trafficking in Persons and of the Exploitation of Prostitution by Third Parties : concluded in Lake Success on 21.03.1950* 1997, in Yu. M. Kolosov & E. S. Krivchikova (comp.), *Current international law: collection of documents*, vol. 2, pp. 48–55, Publishing House of the Moscow Independent Institute of International Law, Moscow.
8. Buryak, M. Y. 2005, *Trafficking in persons and combating it: criminological and criminal law aspects: PhD thesis (Law)*, Vladivostok.
9. Gorbunov, A. N. & Stukalov, V. V. 2012, 'Problems of combating human trafficking and prostitution', *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 4(18), pp. 59–62.
10. Osokhin, R. B. 2014, 'On the issue of distinguishing the composition of involvement in prostitution and organization of prostitution from the composition of human trafficking', *Gaps in Russian legislation*, iss. 4, p. 388.
11. Bushmin, S. I. 2006, 'Crimes against public morality: novels and changes in criminal law regulation', *Criminal Law*, iss. 5, p. 13.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

12. Buryak, M. Y. 2005, *Human trafficking and the fight against it: PhD thesis (Law)*, Vladivostok.
13. Ulitskiy, S. Ya. 2005, 'Responsibility for involvement in prostitution', *Legality*, iss. 3, pp. 14–15.
14. Osokhin, R. B. 2014, 'On the issue of distinguishing the composition of involvement in prostitution and organization of prostitution from the composition of human trafficking', *Gaps in Russian legislation*, iss. 4, pp. 385–390.
15. Diaghilev, A. A. 2015, 'Some issues of criminal and legal qualification of human trafficking for the purpose of sexual exploitation', *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 3(31), pp. 195–201.
16. Brockhaus, F. A. & Efron, I. A. (eds) 1898, *Encyclopedic dictionary*, vol. XXV, pp. 31, St. Petersburg.
17. Golod, S. I. 2003, What was vices became morals: lectures on the sociology of sexuality, Moscow.
18. Kuzmichev, V. S. 1993, *Prevention of prostitution*, Moscow.
19. Polyanskaya, M. P. 2009, *Criminal law protection of public morality in the field of sexual morality: PhD thesis (Law)*, Khabarovsk.
20. Kruglikov, L. L. (ed.) 2005, *Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article)*, Volters Kluver, Moscow.
21. Dyukov, V. V. 1991, 'Grimaces of the "free love" market', Prostitution and crime, Moscow.
22. Petryanina, O. A. 2013, *Prostitution as a sphere of the shadow economy: criminal law analysis, qualification, causes and prevention: PhD thesis (Law)*, N. Novgorod.
23. Beccaria, C. 2025, *On crimes and punishments*, V. S. Ovchinsky (comp.), INFRA-M, Moscow.

Информация об авторах

А. В. Петрянин – доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала;

О. А. Петрянина – кандидат юридических наук, доцент, заместитель руководителя отдела по приему граждан и документационному обеспечению.

Information about the authors

A. V. Petryanin – Sc.D (Law), Professor, director of the Nizhny Novgorod Branch;

O. A. Petryanina – PhD (Law), Associate Professor, deputy head of the department for the reception of citizens and documentation support.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 25.05.2026; одобрена после рецензирования 08.08.2026; принята к публикации 17.09.2026.

The article was submitted 25.05.2026; approved after reviewing 08.08.2026; accepted for publication 17.09.2026.

Научная статья
УДК

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ, СОСТОЯЩИХ НА УЧЕТЕ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ИНСПЕКЦИЯХ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ПРИМЕНЕН ДОМАШНИЙ АРЕСТ

Елена Эдуардовна Попова¹

¹ Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, Международный юридический институт, г. Москва, Россия, anatsvetjen@mail.ru

Аннотация. В статье проведен анализ индивидуальных характеристик подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых применена мера пресечения в виде домашнего ареста. На основе изучения решений судов о применении указанной меры пресечения составлен типовой криминологический портрет личности, позволяющий определить ее основные типологические признаки.

Ключевые слова: мера пресечения, меры уголовно-правового воздействия, уголовное судопроизводство, уголовно-исполнительные инспекции, домашний арест, типы личности, криминологический портрет

Для цитирования

Попова Е. Э. Криминологическая характеристика лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, в отношении которых применен домашний арест // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21(1–4), № 3. С. 474–479.

Original article

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF PERSONS REGISTERED WITH THE PENAL INSPECTORATE, IN RESPECT OF WHOM HOUSE ARREST HAS BEEN APPLIED

Elena Eduardovna Popova¹

¹ Lebedev Russian State University of Justice, International Law Institute, Moscow, Russia, anatelsvetjen@mail.ru

Abstract. The article analyzes the individual characteristics of suspects and accused persons, against whom a preventive measure in the form of house arrest has been applied. Based on the study of court decisions on the application of the specified preventive measure, a standard criminological portrait of a personality has been compiled, which makes it possible to determine its main typological features.

Keywords: preventive measure, measures of criminal legal impact, criminal proceedings, penal inspections, house arrest, personality types, criminological portrait

For citation

Popova, E. E. 2026, 'Criminological characteristics of persons registered with the penal inspectorate, in respect of whom house arrest has been applied', *Penal law*, vol. 21(1–4), iss. 3, pp. 474–479.

Домашний арест является мерой пресечения, которая содержит элементы, связанные с существенными ограничениями прав и свобод человека, и относящие его к группе мер пресечения, предусматривающих изоляцию подозреваемого или обвиняемого от общества. В соответствии с ч. 1 ст. 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) местом нахождения указанного лица является «жилое помещение, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением запретов и осуществлением за ним контроля». Следовательно, подозреваемый или обвиняемый ограничивается, а фактически лишается возможности свободного передвижения вне места своего проживания, кроме случаев, прямо установленных в постановлении суда при избрании меры пресечения. К ним может относиться, например, «явка к следователю по вызову и участия в производстве процессуальных действий, а также в экстренных неотложных случаях, в том числе с целью обращения за медицинской помощью» (Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 27 марта 2026 г. № 22К-851/2026). Кроме того, суд может разрешить прогулку определенной продолжительности, с учетом индивидуальных обстоятельств, которые имеются у подозреваемого или обвиняемого (Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 29 мая 2026 г. по делу № 22-4091/2026, от 20 октября 2025 г. № 22-7369/2025, Апелляционное постановление Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики от 27 августа 2020 г. по делу № 22К-690/2020), хотя, «как следует из закона, совершение ежедневных прогулок не предусмотрено при содержании лица под домашним арестом, но по согласованию со следователем и контролирующим органом возможны выходы из жилого помещения для получения медицинской помощи, а также

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

поддержания жизнеобеспечения» и суды, в большинстве случаев, такой возможности не представляют (Апелляционное постановление Московского городского суда от 12 мая 2026 г. № 10-10403/2026, Апелляционное постановление Амурского областного суда от 27 августа 2020 г. по делу № 22-К1600/2020, Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 12 апреля 2022 г. № 77-1168/2022, постановление Хорошевского районного суда г. Москвы от 21 октября 2025 г. № 3/ 4 -0069/2025). Вместе с тем из анализа судебной практики видно, что однозначной позиции по этому вопросу у судов нет. В уголовно-правовой науке также не сложилось единого мнения по поводу предоставления подозреваемому или обвиняемому, находящемуся под домашним арестом, возможности для прогулки. Так, Г. Г. Небратенко и В. М. Харзинова считают, что время для прогулок подозреваемому и обвиняемому необходимо, если он проживает в квартире и не может постоянно находиться в замкнутом пространстве [1, с. 54]. И. М. Алексеев, А. С. Данильян, С. А. Данильян, наоборот, полагают, что прогулки при домашнем аресте разрушают границу отграничения этой меры пресечения от заключения под стражу и лишают смысла ее в части запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105 УПК РФ [2, с. 55].

Содержание домашнего ареста заключается в возложении запретов на подозреваемых или обвиняемых, характеризующихся также как элементы изоляции, например, отправлять и получать почтово-телеграфные отправления, использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть Интернет (пп. 4, 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ), то есть реализуется запрет на право переписки, свидания в режиме видеотелекоммуникационной связи и т. д.

Характер домашнего ареста определяется строгостью его расположения в системе мер пресечения. Данная мера предшествует самой строгой – заключению под стражу. Запреты и ограничения, которые могут быть возложены на подозреваемого или обвиняемого при применении домашнего ареста, являются точно определенными, перечень их – исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежащим (Кассационное постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 25 марта 2025 г. № 77-572/2025). На нормативное сходство ограничений прав и свобод личности при применении указанных мер пресечения обращает внимание Конституционный Суд РФ, который определил, что «и домашний арест, и заключение под стражу в действующей системе правового регулирования связаны с принудительным пребыванием подозреваемого, обвиняемого в ограниченном пространстве, с изоляцией от общества, прекращением выполнения служебных и иных обязанностей, невозможностью свободного передвижения и общения с неопределенным кругом лиц, то есть с непосредственным ограничением самого права на физическую свободу и личную неприкосновенность, а не только условий его осуществления» (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2011 г. № 27-П).

В научной литературе и правоприменительной практике обоснованно обращают внимание на проблемы и трудности, связанные с правовым регулированием домашнего ареста, деятельностью уголовно-исполнительных инспекций при осуществлении контроля за данной категорией лиц. Так, С. Х. Шамсунов, Р. М. Жилиев указывают на проблемы, связанные с осуществлением контроля, «если судом наложен частичный запрет на использование средств связи и почты, за исключением общения с контролирующим органом, следователем, адвокатом, супругом (супругой), детьми и отдельными родственниками» [3, с. 181]

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Личность подозреваемого или обвиняемого, которому избрали меру пресечения в виде домашнего ареста, также требует тщательного изучения, поскольку и при его назначении судами, и при контроле за данной категорией лиц со стороны уголовно-исполнительных инспекций, нужно понимать, что представляет собой такая личность, что можно от нее ожидать в дальнейшем. Если личность подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в местах принудительного содержания, подвержена в определенной степени криминологическому исследованию, то такое же исследование в отношении лиц, к которым применяется домашний арест, практически в научной литературе не встречается. Вместе с тем такой анализ имеет практическое и научное обоснование, он помогает уголовно-исполнительным инспекциям учесть индивидуальные особенности подконтрольного лица, спрогнозировать поведение в условиях исполнения меры пресечения, обеспечить адаптацию к ограничениям в процессе ее реализации и заранее предусмотреть необходимые меры поддержки в случае их возникновения, провести анализ правоприменительной практики назначения и обеспечение исполнения данной меры пресечения с учетом допущенных нарушений и выявленных проблем, в том числе с применением метода криминологического прогнозирования дальнейшего отбывания наказания.

В ходе проведенного криминологического анализа были исследованы постановления судов о применении домашнего ареста методом случайной выборки с использованием справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» и платформы «Судебные и нормативные акты РФ», позволившие создать некоторый типовой портрет указанной категории лиц.

Социально-демографические признаки исследуемой группы. Подозреваемые или обвиняемые мужского пола, находящиеся под домашним арестом, составили 61,5 %, женщины – соответственно 38,5 %. Все исследуемые респонденты были граждане Российской Федерации. Лица, состоящие в браке, составили 76,9 %, холостые (незамужние) – 15,3 %, разведенные – 7,8 %.

Не представилось с достоверной точностью определить наличие различных уровней образования, поскольку в решениях судов эта позиция не всегда была представлена. Вместе с тем можно отметить, что доля лиц, имеющих высшее образование, находится в границе примерно 30 %, что свидетельствует о высоком уровне образования у исследуемой категории лиц.

Принадлежность к профессиональной деятельности распределилась следующим образом: индивидуальные предприниматели и лица, работающие у индивидуального предпринимателя, учредители ООО – 38,5 %, учащиеся колледжа, высшего учебного заведения – 15,3 %, бывшие сотрудники правоохранительных органов, адвокаты, военнослужащие – 15,3 %, трудоустроенные (статус работников не всегда определен) – 23 %, неработающие – 7,7 %. Как видно, на момент применения меры пресечения в виде домашнего ареста большая часть подозреваемых или обвиняемых имели трудовую занятость.

Наличие детей отмечалось у 84,6 % лиц, находящихся под домашним арестом. Из них, наличие одного ребенка в семье составляло 30,7 %, два ребенка – 23,7 %, три и более детей – 14,2 %, не имели детей – 31,4 %.

Социальные и родственные связи характеризуются как устойчивые, прочные, а лица, в отношении которых применяется данная мера пресечения, как социально адаптированные.

Имеют постоянное место жительства – 86,6 % респондентов, проживают по другому адресу, в том числе у родственников – 13,4 %, изменили адрес проживания в период исполнения домашнего ареста – 1,3 %.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Состояние здоровья у лица, которому назначается домашний арест, не является препятствием к применению этой меры пресечения. Доля лиц, имеющих различные заболевания, не влияющие на применение к ним домашнего ареста, составила 3,6 %.

Большая доля лиц, в отношении которых применяется домашний арест, имели положительную характеристику на момент вынесения решения (91,2 %), удовлетворительно или нейтрально характеризовались (то есть характеристика без явно выраженных положительных признаков, но и без явных отклонений в поведении лица или нарушений) – 5,7 %, у остальной части исследуемых лиц имели место отрицательные признаки (нахождение в розыске, замена иной более мягкой меры пресечения на домашний арест, состояние алкогольного опьянения, учет в наркодиспансере, склонность к нарушению общественного порядка и т. д.).

Из числа положительных качеств, учитываемых судами при назначении домашнего ареста, которыми обладали подозреваемые и обвиняемые, отмечались такие, как: отдавал долг Родине, имеет государственные награды, активно сотрудничает со следствием (например, Апелляционное постановление Костромского областного суда от 25 декабря 2025 г. № 22К-1108/2025), добровольно возместил (возмещает) причиненный вред преступлением, занятие благотворительной деятельностью (например, Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 23 декабря 2025 г. № 22К-3396/2025) и т. п.

Уголовно-правовая и уголовно-процессуальная характеристика лиц, находящихся под домашним арестом. Большинство лиц из исследуемой выборки ранее не имели судимости (90,2 %).

По видам совершенных преступлений данные расположились следующим образом: группа преступлений в сфере экономики составила большую долю из числа совершенных преступлений – 40,9 %. Из них 44,4 % (ст. 158, 159, 159.1, 159.2 УК РФ), 22,2 % (ст. 162 УК РФ), 11 % (ст. 161, 163 УК РФ), 11,4 % (ст. 201 УК РФ). Преступления против личности – 4,5 % (ст. 111 УК РФ). Преступления против общественной безопасности и общественного порядка – 27,3 %. Из них: 16,6 % (ст. 213 УК РФ), 50 % (ст. 228, 228.1 УК РФ), 16,7 % (ст. 234 и 238 УК РФ). Преступления против государственной власти – 13,6 %. Из них: 61,7 % (ст. 290, 291, 293 УК РФ), 23,1 % (ст. 318, 319, 322 УК РФ), иные – 15,2 %. Иные составы преступлений, доля которых незначительна от общей численности, совершенных преступлений, составила 13,7%.

Все преступления, совершенные лицами, в отношении которых применена мера пресечения в виде домашнего ареста, относятся к категории тяжких и особо тяжких.

Срок первоначально назначенного домашнего ареста варьируется от 7 дней до 2 месяцев. Срок продления домашнего ареста находится в диапазоне от 1 месяца до 2 месяцев 29 дней. Средний срок нахождения лица под домашним арестом составил 5 месяцев 21 день.

В период нахождения под домашним арестом доля лиц, в отношении которых было установлено нарушение режима, не превысила 2,6 %, замена ареста на содержание под стражей – 0,89 %.

Суды при назначении ареста применяют стандартизированный подход к установлению запретов в отношении подозреваемого или обвиняемого, находящегося под домашним арестом, так как в свои постановления суды включают обычно полный их перечень, предусмотренный пп. 3–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Подводя итог, можно составить типовой криминологический портрет личности, находящейся под домашним арестом. Это мужчина, гражданин Российской Федерации,

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

совершивший тяжкое или особо тяжкое преступление экономической направленности, состоящий в браке, имеющий малолетних или несовершеннолетних детей, работающий, с устойчивыми социальными или родственными связями, проживающий по месту своей регистрации, ранее несудимый, не допускающий нарушений режима меры пресечения, продолжительность нахождения на которой составляет в среднем 5 месяцев, объем наложенных ограничений и запретов соответствует их перечню, предусмотренному пп. 3–5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. Можно предположить с некоторой долей вероятности, что он и в процессе отбывания наказания не проявит склонности к нарушению режима. По степени устойчивости криминогенной мотивации и направленности преступного поведения – ситуативный, корыстный (корыстно-насильственный) тип личности.

Список источников

1. Небратенко Г. Г., Харзинова В. М. Актуальные проблемы наложения запретов и ограничений при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 4(42). С. 52–59.
2. Алексеев И. М., Данильян А. С., Данильян С. А. Домашний арест и запрет определенных действий: проблемы теории и практики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 3(53). С. 53–57.
3. Шамсунов С. Х., Жиляев Р. М. Домашний арест: альтернатива заключению под стражу? // Государственная служба и кадры. 2021. № 1. С. 179–181.

References

1. Nebratenko, G. G. & Kharzinova, V. M. 2023, 'Actual problems of imposing prohibitions and restrictions when choosing a preventive measure in the form of house arrest', *Siberian criminal procedure and criminalistic readings*, iss. 4(42), pp. 52–59.
2. Alekseev, I. M., Danilyan, A. S. & Danilyan, S. A. 2021, 'House arrest and prohibition of certain actions: problems of theory and practice', *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 3(53), pp. 53–57.
3. Shamsunov, S. Kh. & Zhilyaev, R. M. 2021, 'House arrest: an alternative to detention?', *Civil service and personnel*, iss. 1, pp. 179–181.

Информация об авторе

Е. Э. Попова – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права.

Information about the author

E. E. Popova – Sc.D (Law), Associate Professor, professor of the criminal law department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 25.05.2026; одобрена после рецензирования 08.08.2026; принята к публикации 17.09.2026.

The article was submitted 25.05.2026; approved after reviewing 08.08.2026; accepted for publication 17.09.2026.

Научная статья
УДК

ФЕНОМЕН КОРРУПЦИИ: КРИМИНОГЕННОСТЬ АПОЛОГИИ

Елена Викторовна Стебенева¹, Андрей Петрович Скиба²

¹ Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Россия, st.el@list.ru

² Санкт-Петербургская академия Следственного Комитета Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия, apskiba@mail.ru

Аннотация. В статье представляется научное осмысление проблемы оправдания коррупции как социального феномена современного общества, что служит криминогенным фактором воспроизводства коррупционных преступлений. Определяются ключевые тезисы, побуждающие к криминологической дискуссии о сущности рассматриваемого явления. Приводится аргументация негативного влияния коррупции на развитие социума, обосновывается необходимость противодействия коррупции. Обосновывается криминогенность апологии коррупции как коррупциогенного фактора, способствующего повсеместному распространению коррупционных преступлений.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные правонарушения, апология коррупции, коррупциогенные факторы, противодействие коррупции

Для цитирования

Стебенева Е. В., Скиба А. П. Феномен коррупции: криминогенность апологии // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21(1–4), № 3. С. 480–487.

Original article

THE PHENOMENON OF CORRUPTION: CRIMINOGENICITY OF THE APOLOGY

Elena Viktorovna Stebeneva¹, Andrey Petrovich Skiba²

¹ Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia, st.el@list.ru

² St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, apskiba@mail.ru

Abstract. The article presents a scientific understanding of the problem of justifying corruption as a social phenomenon of modern society, which serves as a criminogenic factor in the reproduction of corruption crimes. The key theses that encourage a criminological discussion about the essence of the phenomenon under consideration are identified. The argumentation of the negative impact of corruption on the development of society is given, and the need to combat corruption is substantiated. The criminogenicity of the apology of corruption as a corruption-causing factor contributing to the widespread spread of corruption crimes is substantiated.

Keywords: corruption, corruption offenses, apology of corruption, corruption-causing factors, anti-corruption

For citation

Stebeneva, E. V. & Skiba, A. P. 2026, 'The phenomenon of corruption: criminogenicity of the apology', *Penal law*, vol. 21(1–4), iss. 3, pp. 482–487.

Введение

В современном обществе отношение к коррупционным преступлениям и к коррупции в целом как социальному явлению не однозначно, а порой крайне разнополярно. Например, на бытовом уровне коррупция воспринимается большим количеством населения толерантно, и готовность участвовать в коррупционных деяниях весьма высока (67 % опрошенных граждан считают коррупцию выгодной для решения бытовых проблем и только 20 % – ответили отрицательно [1, с. 163]). Примечательно, что по результатам некоторых исследований [2, с. 10] доля лиц, кто имел коррупционный опыт, на протяжении нескольких лет (2016–2021 гг.), кардинально неизменно: 20–23 % [3, с. 92].

Апология коррупции становится не таким уж редким явлением. Об актуальности противодействия коррупции высказываются ученые¹. Они выражают обеспокоенность этим иницируют научную дискуссию социальной природе коррупции и ее криминогенном влиянии на социальную матрицу современного общества.

¹ Коррупция – угроза цивилизации права. Лекция председателя Конституционного суда РФ В. Зорькина на Петербургском международном юридическом форуме. URL: <https://rg.ru/2025/05/20/korrupciia-ugroza-civilizacii-prava.html?ysclid=ms99s0agdc241102727> (дата обращения: 01.07.2026).

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Основная часть

1. При оценке общественной опасности и роли коррупции в современном обществе мы неизбежно приходим к формированию определенных ключевых позиций, требующих научного осмысления и являющихся предпосылками неумолкающих дискуссий:

– определенная часть общества воспринимает коррупцию в ее незначительных проявлениях (например, подарках и иных «благодарностях», выраженных по собственному желанию. – прим. авт.) как нечто естественное и способствующее формированию/развитию взаимоотношений между людьми в рамках так называемого естественного права, в связи с чем не считает обоснованным применять в полном объеме уголовно-правовые и иные средства для борьбы с нею;

– в ряде зарубежных стран фактически легализованы некоторые виды коррупционных правоотношений (например, через «лоббизм») с установлением над ними официального государственного контроля, в том числе за уплатой налогов и пр.;

– в нашей стране сложно говорить о наличии системной и вдумчивой политики противодействия коррупции, когда, с одной стороны, фактически возобладали подход о полном запрете всех (квази-) коррупционных проявлений, в том числе на «бытовом» уровне, а также об излишне детальном контроле в рамках антикоррупционного законодательства за деятельностью, прежде всего, сотрудников правоохранительных и иных государственных органов (хотя в последнее время наблюдаются определенные послабления, в частности, в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд или декларирования своих доходов, расходов и имущественных обязательств лицами, замещающими государственные должности, должности государственной и муниципальной службы, и др.), с другой – уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное, административное и иное законодательство по-прежнему изобилует неточными и расплывчатыми формулировками, предоставляющими чрезмерное субъективное усмотрение при реализации должностными лицами своих полномочий;

– отсутствует в каком-либо едином органе наличие всех категорий специалистов, занимающихся выявлением, предупреждением, раскрытием и расследованием преступлений коррупционной направленности, а также проведением экономических и иных экспертиз в рамках производств по соответствующим уголовным делам;

– несмотря на в целом крайне отрицательное отношение населения к фактам взяточничества, все же ряд уголовных дел, возбужденных по ст. 290 УК РФ, фактически являются следствием провоцирующих действий лица, которое дало данную взятку при отсутствии вымогательства и иных правонарушающих действий лица, получившего взятку, воспринимается обществом как «провокация» или «способ разрешения экономических вопросов» (для передела рынка, установления монополии и т. д.);

– нередко население воспринимает борьбу с коррупцией как задачу правоохранительных и иных государственных органов, забывая, что государственные служащие – это тоже часть общества, и для предупреждения коррупции, в том числе установления и устранения ее причин и условий, необходимо активное участие общественных институтов;

– существуют двойные стандарты в социуме в оценке общественной опасности коррупционных деяний: оправдание коррупции на «бытовом» уровне, осуждение «верхушечной» коррупции.

2. Определяя, относить ли коррупцию именно к негативному социальному явлению, задаемся вопросом об оценке коррупционного поведения как девиантное/недевиант-

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

ное, что является понятием относительным, сконструированным государством, обществом и не является постоянными [4], что подтверждает существующие точки зрения о ее «пользе», о наличии, так называемой, позитивной коррупции [5, с. 14]. Пертурбация норма/ненорма зависит от принимаемых и одобряемых большинством членов общества паттернов поведения, которые могут формироваться под воздействием не только позитивных начал, но и коррупционной идеологии (хабитуализация коррупции, гипертрофированное потребительство в обществе, превалирование материальных цензов в социальных отношениях и пр.).

Существующие двойные стандарты по отношению к коррупции как феномену не способствуют нулевой терпимости к данному явлению. Согласно проведенному опросу граждан, свыше 21 % респондентов отметили, что допускают возможность прибегать к коррупционному преступлению (дача взятки, коммерческий подкуп), почти 21 % – отнеслись бы равнодушно к факту взяточничества или иному факту коррупции, ставшему ему известным, а более 10 % опрошенных отнеслись бы к этому даже с пониманием и сочувствием. Приведенные результаты в очередной раз подтверждают отсутствие полного неприятия коррупции в обществе и определенную толерантность, а порой и оправдание со стороны граждан ее проявлений.

Наиболее ярко дискуссия разворачивается при применении экономического подхода к определению значения коррупции как социального феномена. Коррупция может выступать как «идеальный» образец криминальных отношений «спрос – предложение» в виде незаконных услуг должностных лиц, а порой формировать криминальный рынок коррупционных услуг [6]. Коррупцию рассматривают как частное проявление стандартного рынка со своими собственными спросом и предложением [7], формируемыми потребностями граждан, юридических лиц в коррупционных услугах и готовностью должностных лиц оказывать незаконно свои услуги за вознаграждение с учетом возможной прибыли и риска неизбежности наказания (прибыль/издержки).

Часто коррупцию относят к феномену экономической сферы, что обосновано корыстной социальной природой данного явления и неизбежным материальным ущербом от деяний коррупционной направленности.

Например, при взяточничестве схема взаимодействия участников может выглядеть так: взяткополучатель – посредник – взяткодатель, что в очередной раз подтверждает схожесть отношений между участниками коррупционных схем на основе выгоды, прибыли с легальными экономическими отношениями в процессе производства, потребления, распределения и обмена товарами или услугами [3, с. 41]. В связи с этим, наблюдается нелегальная институализация коррупции через ее криминологическую трансформацию и мимикрирование под различные социальные отношения, что наделяет коррупцию определенными социальными функциями, способствующими незаконному снижению необходимых административных барьеров; упрощению принятия решений уполномоченными лицами в обход требуемых процедур; искусственной оптимизации деятельности должностных лиц и иных участников коррупционных отношений в различных сферах; созданию коррумпированных устойчивых связей, формированию негласных сводов правил, обычаев (коррупционной культуры).

Например, имеются мнения, что коррупция может выступать одним из консолидирующих факторов накопления капитала и его расширенного производства [8, с. 128–133]; коррупция в краткосрочном периоде выступает фактором экономического роста, взятки являются видом транзакционных издержек, позволяющих минимизировать издержки

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

на организацию легального бизнеса, тем самым реализовывая предпринимательский потенциал [9, с. 9].

Исключать анализ мнений о якобы необходимости коррупции было бы несправедливо при объективном научном исследовании, но, высказывая негативную авторскую позицию, хотелось бы отметить, что наделение коррупции позитивными характеристиками является ярким показателем того, что государство не в состоянии до конца урегулировать, контролировать, упростить те или иные общественные отношения, в связи с чем их участники прибегают к теневым, а порой криминальным видам отношений, каковыми являются коррупционные правонарушения. Это наглядно демонстрирует не «полезность» коррупции, а несовершенство государственного регулирования. Антикоррупционные меры не тормозят те или иные процессы, не усложняют процедуры, отношения, а предотвращают, снижают коррупционные риски (как, например, в сфере осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных услуг), а сложность их выполнения говорит о недостаточно налаженном механизме их реализации, что требует его дальнейшего совершенствования. Спорно также официальное введение института лоббистов [10, 11], законодательное закрепление которого есть в разных странах (например, в США – Закон о лоббизме от 1996 г.). Представление, продвижение интересов коммерческой организации, индивидуального предпринимателя в органах государственной власти и местного самоуправления является свободной коммуникацией представителей граждан, организаций, что в настоящее время возможно реализовать через иные законные формы (например, общественные советы [12]), но это не означает легализацию, признание коррупции «полезной» формой: прибегать в продвижении тех или иных интересов к коррупционным правонарушениям (коррупционный лоббизм) недопустимо при любой деятельности.

На наш взгляд, признание необходимости коррупционных правонарушений приводит к недопустимому оправданию коррупции как негативного явления, тем самым искусственно снижая ее общественную опасность, выступая криминогенным фактором, детерминирующим воспроизводство коррупционных деяний. Ущерб от совершения коррупционных правонарушений при ведении бизнеса имеет долгосрочные последствия в виде нестабильности, высокой вероятности привлечения к ответственности, снижения деловой репутации, ухудшения инвестиционной привлекательности и др.

Коррупция переводит бизнес в сектор теневой экономики, где правила существования не поддаются законному регулированию и могут иметь криминальные последствия для всех участников экономических отношений. Так как коррупция и, в частности, коррупционные преступления относятся к криминальному сегменту теневой экономики [13, с. 51–53], ее своеобразным регулятором начинают выступать негласные правила, нерегулируемые легально отношения, в том числе между хозяйствующими субъектами, где коррупция предстает в роли и незаконного инструмента в деловых отношениях, и источника незаконного дохода. Политика активной терпимости коррупции также не способствует реформам в долгосрочной перспективе, что приводит к подрыву легитимности государственных институтов в социуме [14, с. 18–19]. Существующее так называемое теневое право [15, с. 20] приводит к разрастанию теневого правопорядка в противовес антикоррупционному.

Отметим, что экономический подход к пониманию коррупции, на наш взгляд, является ограниченным, так как учитывает только отношения между предлагающим услуги, товары и их потребителем, что наблюдается при взяточничестве. Однако коррупция не

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

ограничивается данным явлением [16]. Необходимо учитывать факты злоупотребления должностными полномочиями, присвоение и растрату с использованием служебного положения и т. п., где присутствует только одна сторона – незаконный потребитель. Кроме того, выгода в коррупционных преступлениях возможна не только в виде материальной, имущественной, но и в иной личной заинтересованности. Осознание коррупции как явления в социальной матрице только через экономический подход было бы неверно, так как природа рассматриваемого феномена более глубинная, и ее проявления не активизируются лишь при экономических отношениях.

Заключение

Существующая дискуссия о необходимости, «полезности» коррупции, на наш взгляд, зиждется лишь на постулате выгодно/невыгодно совершение коррупционных правонарушений, что в корне искажает понимание самой негативной социальной природы исследуемого нами явления. Сущность коррупции проявляется в ее общественной опасности, последствия которой бывает трудно сразу оценить, так как они имеют отдаленные последствия. Ядро коррупционной преступности (как наиболее общественно опасной формой проявления рассматриваемого феномена) составляет взяточничество, что по сути представляет собой сделку, но всегда незаконную. Апология коррупции как криминогенный фактор обесценивает позитивные морально-нравственные установки и ценности, попирает духовность, способствует распространению коррупционной идеологии, что неуклонно приводит к низведению антикоррупционного правопорядка к потребительскому рынку коррупционных услуг, к еще большему воспроизводству коррупционных деяний. В связи с этим актуальным видится необходимость разработки именно комплекса криминологических мер противодействия коррупции, где уголовно-правовые, административно-правовые и иные средства борьбы являются лишь составной частью этой общей антикоррупционной концепции, включающей в себя необходимость усиления профилактики рассматриваемого негативного явления путем просвещения, воспитания с учетом культурных, исторических и иных особенностей населения нашей страны.

Представляется, что правовые меры – это наиболее крайние формы противодействия коррупции, а основное внимание следует уделять формированию в целом у населения чувства неприемлемости коррупции, внутреннего запрета к даче (получению) взятки, а у каждого человека, в том числе государственного служащего, – зрелого, ответственного отношения к взаимодействию с людьми и пониманию моральной ответственности за свои действия.

Каждый факт взяточничества должен комплексно анализироваться, с одной стороны, не только для привлечения виновного лица к ответственности, но и с виктимологической точки зрения, когда данное лицо становится участником коррупционных правоотношений под влиянием различных объективных/субъективных факторов, с другой – о (не-) законности действий и их соответствия нормам морали, принятым в обществе, иного участника коррупционных отношений.

В любом случае очевидна необходимость существенного усиления роли общественных институтов в противодействии коррупции, в том числе в установлении и устранении ее причин и условий, где немаловажным криминогенным фактором выступает апология коррупции, формирующая ложное понимание о необходимости коррупционных преступлений и снижающая уровень социальной нетерпимости к этому негативному социальному феномену.

Список источников

1. Сидоренко Э. Л. Состояние и динамика бытовой коррупции в Российской Федерации // Журнал российского права. 2017. № 6(246). С. 154–167.
2. «Бытовая» коррупция в региональном измерении / Р. Р. Агишев [и др.]. Саранск : Изд-во Мордовского ун-та, 2022. 25 с.
3. Стебенева Е. В. Криминологическая трансформация коррупции: идеология и механизм противодействия : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2026. 496 с.
4. Гишинский Я. И. Девиантология постмодерна // Российский девиантологический журнал. 2022. № 2. С. 10–16.
5. Богуш Г. И. Коррупция и международное сотрудничество в борьбе с ней : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 28 с.
6. Репецкая А. Л. Российский криминальный рынок коррупционных услуг: современная характеристика и противодействие // Академический юридический журнал. 2024. Т. 25, № 4(98). С. 632–639.
7. Золаев Э. А. Экономика коррупции // Теневая экономика. 2023. Т. 7, № 2. С. 161–170.
8. Лоскутов В. А. Постсоветский тоталитаризм. Екатеринбург : Уральская акад. гос. службы, 2006. 688 с.
9. Овчаров А. С. Коррупция в системе теневых экономических отношений : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Волгоград, 2003. 24 с.
10. Давитадзе М. Д. Лоббизм как уголовно-правовая категория // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 7. С. 141–143.
11. Куликов М. А. Лоббизм как форма манипулирования юридическими целями и средствами: постановка проблемы // Вестник Поволжского института управления. 2023. Т. 23, № 1. С. 44–51.
12. Тепляшин П. В. Антикоррупционные функции общественного совета при МВД России // Правоохранительные органы в системе противодействия коррупционной преступности : материалы межвед. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 6 дек. 2024 г.). СПб. : СПбУ МВД России, 2024. С. 324–329.
13. Наумов Ю. Г., Латов Ю. В. Экономическая безопасность и теневая экономика : учебник. М. : Академия управления МВД России, 2016. 246 с.
14. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы / пер. с англ. О. А. Алякринского. М. : Логос, 2003. 192 с.
15. Баранов В. М. Теневое право : монография. Н. Новгород : Нижегородская акад. МВД России, 2002. 165 с.
16. Стебенева Е. В. Феномен коррупции в социальной матрице современного общества // Российский девиантологический журнал. 2023. № 3(3). С. 346–361.

References

1. Sidorenko, E. L. 2017, 'The state and dynamics of domestic corruption in the Russian Federation', *Journal of Russian Law*, iss. 6(246), pp. 154–167.
2. "Domestic" corruption in the regional dimension 2022, Publishing House of the Mordovian University, Saransk.
3. Stebeneva, E. V. 2026, *Criminological transformation of corruption: ideology and counteraction mechanism: Sc.D thesis (Law)*, St. Petersburg.
4. Gilinsky, Ya. I. 2022, 'Postmodern Deviantology', *Russian Deviantological Journal*, iss. 2, pp. 10–16.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

5. Bogush, G. I. 2004, *Corruption and international cooperation in combating it: PhD thesis (Law)*, Moscow.
6. Repetskaya, A. L. 2024, 'The Russian criminal market of corruption services: modern characteristics and counteraction', *Academic Law Journal*, vol. 25, iss. 4(98), pp. 632–639.
7. Zolaev, E. A. 2023, 'Economics of corruption', *The shadow economy*, vol. 7, iss. 2, pp. 161–170.
8. Loskutov, V. A. 2006, *Post-Soviet totalitarianism*, Ural Academy of State Services, Yekaterinburg.
9. Ovcharov, A. S. 2003, *Corruption in the system of shadow economic relations: PhD thesis (Economic Sciences)*, Volgograd.
10. Davitadze, M. D. 2020, 'Lobbying as a criminal legal category', *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 7, pp. 141–143.
11. Kulikov, M. A. 2023, 'Lobbying as a form of manipulation of legal goals and means: problem statement', *Bulletin of the Volga Institute of Management*, vol. 23, iss. 1, pp. 44–51.
12. Teplyashin, P. V. 2024, 'Anti-corruption functions of the Public Council under the Ministry of Internal Affairs of Russia', in *Law enforcement agencies in the system of combating corruption crime: materials of the scientific and practical conference (St. Petersburg, December 6, 2024)*, pp. 324–329, St. Petersburg State University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg.
13. Naumov, Yu. G. & Latov, Yu. V. 2016, *Economic security and the shadow economy: textbook*, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow.
14. Rose-Ackerman S. *Corruption and the state. Causes, consequences, reforms* 2003, translated from English by O. A. Alyakrinsky, Logos, Moscow.
15. Baranov, V. M. 2002, *Shadow law: monograph*, Nizhny Novgorod Academy of Law of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod.
16. Stebeneva, E. V. 2023, 'The phenomenon of corruption in the social matrix of modern society', *Russian Deviantological Journal*, iss. 3(3), pp. 346–361.

Информация об авторах

Е. В. Стебенева – доктор юридических наук, доцент, ученый секретарь ученого совета;

А. П. Скиба – доктор юридических наук, профессор, декан факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы.

Information about the authors

E. V. Stebeneva – Sc.D (Law), Associate Professor, academic secretary of the academic council;

A. P. Skiba – Sc.D (Law), Professor, dean of the faculty of scientific and pedagogical personnel training and organization of research work.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 08.08.2026; одобрена после рецензирования 11.08.2026; принята к публикации 18.09.2026.

The article was submitted 08.08.2026; approved after reviewing 11.08.2026; accepted for publication 18.09.2026.

Научная статья
УДК

СТАДИЯ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА КАК «БУФЕРНАЯ ЗОНА» УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Виктор Сергеевич Шадрин¹

¹ Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Россия, vikt-shadr@yandex.ru

Аннотация. Возбуждение уголовного дела обычно определяется как первая или начальная стадия уголовного процесса, в которой при наличии соответствующих поводов происходит выяснение оснований для последующего предварительного расследования. С учетом особенностей данной стадии она может быть охарактеризована также как предваряющая расследование по уголовному делу «буферная зона» с режимом, исключающим применение в отношении вовлекаемых в нее лиц мер процессуального принуждения, следственных и иных проверочных действий с проявлением свойств принудительности.

Ключевые слова: стадия уголовного процесса, возбуждение уголовного дела, рассмотрение сообщений о преступлении, следственные действия, уголовно-процессуальное принуждение

Для цитирования

Шадрин С. В. Стадия возбуждения уголовного дела как «буферная зона» уголовного судопроизводства // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21(1–4), № 3. С. 488–496.

Original article

THE STAGE OF INITIATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS AS A "BUFFER ZONE" OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Victor Sergeevich Shadrin¹

¹ St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, vikt-shadr@yandex.ru

Abstract. The initiation of a criminal case is usually defined as the first or initial stage of the criminal process, in which, if there are appropriate reasons, the grounds for a subsequent preliminary investigation are clarified. Taking into account the specifics of this stage, it can also be characterized as a "buffer zone" leading up to the investigation of a criminal case with a regime that excludes the use of procedural coercion measures, investigative and other verification actions with the manifestation of the properties of coercion in relation to the persons involved in it.

Keywords: stage of the criminal process, initiation of a criminal case, consideration of reports of a crime, investigative actions, criminal procedural coercion

For citation

Shadrin, S. V. 2026, 'The stage of initiation of criminal proceedings as a "buffer zone" of criminal proceedings', *Penal law*, vol. 21(1–4), iss. 3, pp. 488–496.

В современной юридической литературе возбуждение уголовного дела обычно определяется как начальная стадия уголовного судопроизводства (уголовного процесса), характеризующаяся самостоятельностью задач, своеобразием круга ее участников и осуществляемой ими деятельности, а также особенностями принимаемых в итоге процессуальных решений [11]. Вместе с тем вопросы определения особенностей стадии возбуждения уголовного дела, специфики процессуального положения вовлекаемых в нее лиц и полномочий осуществляющих ее властных субъектов, а также ее роли в уголовном судопроизводстве решаются далеко не однозначно как в доктрине, так и в практике уголовно-процессуальной деятельности. Для более обстоятельного подхода к их решению представляется необходимым обратиться к истокам, историческим предпосылкам формирования данной стадии.

Как известно, в дореволюционной России возбуждения уголовного дела как отдельной стадии уголовного процесса не существовало, да и сам термин «возбуждение уголовного дела» был неизвестен. В Уставе уголовного судопроизводства Российской Империи 1864 г. (УУС) употреблялось словосочетание «возбуждение дела», однако оно применялось лишь для обозначения одного из поводов к «начатию предварительного следствия» наряду с жалобами частных лиц, сообщениями полиции, явкой с повинной и подразумевало решение прокурора или судебного следователя начать следствие по собственному «непосредственному усмотрению» в зависимости от наличия оказавшихся в их распоряжении сведений о признаках преступления (ст. 297 УУС). В то же время указывалось, что «прокурор и его товарищи не должны требовать начатия следствия без достаточных к тому оснований. В сомнительных случаях они обязаны собрать све-

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

дения посредством негласного полицейского разведывания» (ст. 312 УУС). Возможность производства каких-либо легальных действий для установления обстоятельств возможного преступления не предусматривалась, никакой особой правовой процедуры возбуждения уголовного дела в привычном сейчас понимании не существовало.

Впервые термин «возбуждение уголовного дела» (в смысле возбуждения производства по уголовному делу) вместо дореволюционного словосочетания «начатие предварительного следствия» стал использоваться в советских УПК РСФСР 1922–1923 гг. При этом изложение и содержание поводов к началу производства по уголовному делу были по существу заимствованы из УУС, хотя и в несколько ином словесном выражении. В качестве таковых указывались: заявления граждан и различных объединений и организаций; сообщения правительственных учреждений и должностных лиц; явка с повинной; предложения прокурора; непосредственное усмотрение органа дознания, следователя или суда (ст. 91 УПК РСФСР 1923 г.). Какая-либо правовая регламентация возможных процессуальных действий по установлению и проверке основания для возбуждения уголовного дела также не предусматривалась.

В науке идея признания возбуждения уголовного дела стадией уголовного процесса оформилась и получила признание не сразу и не всеми учеными. В ранних учебных руководствах по советскому уголовному процессу возбуждению уголовного дела не придавалось значения самостоятельной стадии, о нем говорилось только как о начальном моменте уголовного процесса [5, с. 123]. Решающий вклад в формирование научной позиции о значении возбуждения уголовного дела как стадии уголовного процесса внес один из виднейших советских процессуалистов М. С. Строгович. По его мнению, не утратившего своей актуальности до настоящего времени, признание за возбуждением уголовного дела статуса самостоятельной стадии уголовного процесса соответствует уголовно-процессуальной значимости этого акта, обеспечивающего, с одной стороны, успешность борьбы с преступностью, с другой – гарантированность граждан от неосновательного стеснения их прав и законных интересов в связи с производством расследования по уголовному делу [8, с. 252]. Одновременно он подчеркивал, что возбуждение уголовного дела «является правовым основанием для производства органами предварительного расследования, прокуратурой и судом в каждом отдельном случае всех тех действий, которые предусмотрены уголовно-процессуальным кодексом, без чего ни следователь, ни прокурор, ни суд не могут этих действий производить» [8, с. 252–253]. Данную точку зрения М. С. Строгович последовательно отстаивал и развивал в своих последующих исследованиях [7, с. 9–10].

Наиболее важным, основополагающим в приведенных суждениях ученого является мысль о том, что до установления надлежащих оснований для возбуждения уголовного дела и, соответственно, вынесения постановления о возбуждении уголовного дела применять весь предоставляемый уголовно-процессуальным законом в распоряжение органов предварительного следствия и дознания арсенал средств расследования преступлений, – использование которого заведомо сопровождается производством следственных действий принудительного характера и принятием специальных мер процессуального принуждения, неизбежно ограничивающих права и свободы граждан, – недопустимо. Исходя из данной идеи в юридической литературе утверждается и сейчас в качестве непреложного постулата, что «до возбуждения уголовного дела не применяются меры процессуального принуждения, и лишь констатация наличия признаков преступления создает юридические предпосылки принудительного расследования» [10, с. 404], «до

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

вынесения постановления о возбуждении уголовного дела запрещается осуществлять какие-либо меры принуждения» [9, с. 20].

УПК РСФСР 1960 г., в разработке которого М. С. Строгович принимал непосредственное деятельное участие, предусматривал возможность по поступившим заявлениям и сообщениям, не содержащим достаточных данных о признаках преступления, истребовать необходимые материалы и получить объяснения. Но без производства следственных действий (ч. 2 ст. 109), поскольку они как действия по собиранию доказательств в связи с выяснением обстоятельств совершения преступления изначально предполагают возможность их принудительного осуществления, что способно так или иначе затрагивать права граждан, приводить к вмешательству в личную свободу, указанный запрет являлся общим правилом. Лишь в порядке исключения из него предусматривалась возможность проведения в качестве неотложного следственного действия одного вида осмотра – места происшествия, и только при соблюдении двух обязательных условий: 1) возникновения случая, не терпящего отлагательства, 2) возбуждения уголовного дела, при наличии к тому оснований, немедленно после проведения данного следственного действия (ч. 2 ст. 178). На протяжении более 40 лет с момента начала до окончания срока действия данного УПК РСФСР изложенные правила, как известно, оставались неизменными.

При создании УПК РФ подобный подход был, однако, поколеблен. Хотя прямо возможность производства следственных действий в регламентации рассмотрения сообщения о преступлении не предусматривалась, на самом деле она была введена в стадию возбуждения уголовного дела иным, несколько странным образом, «с другого бока». При изложении порядка возбуждения уголовного дела указывалось, что к постановлению следователя, дознавателя, направляемого прокурору, в случае производства следственных действий (осмотра места происшествия, освидетельствования, назначения судебной экспертизы) прилагаются соответствующие постановления и протоколы (ч. 4 ст. 146 УПК РФ), то есть при отсутствии прямого указания в законе на возможность производства названных следственных действий такая возможность косвенно предполагалась как само собой разумеющееся, иначе откуда могли взяться эти постановления и протоколы. Разумеется, следователи и дознаватели, заинтересованные в пополнении арсенала средств выяснения оснований для возбуждения уголовного дела, истолковали подобную новеллу в свою пользу и производство указанных следственных действий до принятия решения о возбуждении уголовного дела вскоре стало обычной практикой.

Последующие корректировки порядка проверки сообщения о преступлении еще более расширили спектр предусматриваемой уголовно-процессуальным законом деятельности органов предварительного расследования по установлению оснований для возбуждения уголовного дела. Существенную роль в этом сыграл Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, известный главным образом тем, что им в УПК РФ была введена глава 32 «Дознание в сокращенной форме», согласно положениям которой особенности доказывания при проведении дознания в сокращенной форме предполагают возможность не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении, а также не производить иные следственные и процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, если такие сведения отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам. Одновременно

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

в связи с изложенным выше в ст. 144 УПК РФ были внесены изменения и дополнения, в соответствии с которыми дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа оказались наделены правом получать как объяснения, так и образцы для сравнительного исследования, истребовать документы, предметы и изымать их в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, а также назначать судебную экспертизу с последующим использованием ее результатов непосредственно в стадии возбуждения уголовного дела и производить осмотр не только места происшествия, но и документов, предметов, трупов, а также освидетельствование¹.

Состоявшиеся изменения регламентации проверки сообщения о преступлении вызвали разные их оценки. Согласно одной из них (наряду с подобными другими) законодатель «под соусом» введения дознания в сокращенной форме провел широкую реформу стадии возбуждения уголовного дела... в результате реформы практически оказалась стерта грань между стадией возбуждения уголовного дела и предварительного расследования» [3, с. 41].

По поводу открывшейся таким образом более широкой возможности производить следственные действия до возбуждения уголовного дела многократно высказывались порой противоположные суждения. По мнению одних процессуалистов, производство любых (кроме осмотра места происшествия) следственных действий без вынесения постановления о возбуждении уголовного дела является нарушением принципа законности, ведет к ущемлению прав и законных интересов отдельных граждан и не может быть оправдано ни исключительной ситуацией, ни неотложной необходимостью [4, с. 14; 13, с. 26]. С точки зрения других ученых, напротив, в уголовно-процессуальном законодательстве необходимо предусмотреть возможность проведения до возбуждения уголовного дела любых следственных действий в случаях, когда иным образом (без их производства) невозможно принять решение о наличии или отсутствии основания для возбуждения дела [12, с. 10; 14, с. 43–45]. Существуют также обоснования целесообразности вообще отказаться от стадии возбуждения уголовного дела в современном российском уголовном судопроизводстве [1, с. 106].

Давно отмечено, что стадия возбуждения уголовного дела нужна, поскольку она играет роль своеобразного фильтра, посредством которого из сферы деятельности органов предварительного расследования осуществляется устранение всего того, что не влечет за собой уголовной ответственности. Тем самым, во-первых, происходит заблаговременное освобождение следователей и лиц, производящих дознание, от необходимости тратить время и силы на расследование обстоятельств, не связанных с совершением преступлений, что способствует успешной борьбе с преступностью; во-вторых, достигается ограждение граждан от недопустимых ограничений их прав и законных интересов, которые могут иметь место при преждевременном, необоснованном и незаконном начале расследования по уголовному делу [2, с. 113–114].

Последнее обстоятельство в современных условиях приобретает особое значение, поскольку признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина провозглашены конституционной обязанностью государства (ст. 2 Конституции РФ). Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом, но только в той мере, в какой это необходимо в це-

¹ См.: О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 9. Ст. 875.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

лях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Соответственно, ограничение конституционных прав личности вполне допустимо уголовно-процессуальным законом, но лишь в целях борьбы с преступностью, выступающей средством обеспечения безопасности общества и составляющих его граждан, а также государства. Применение различных мер процессуального принуждения и проведение сопряженных с правоограничением следственных действий, характерных для производства предварительного расследования, оправданно лишь тогда, когда возникает необходимость расследовать конкретное преступление, реагировать на этот частный случай общей борьбы с преступностью. Иначе говоря, только при констатации наличия признаков преступления (или при невозможности без предварительного расследования исключить их наличие), что влечет за собой обязанность дознавателя, следователя возбуждать уголовное дело. В противном случае права и свободы человека и гражданина оказываются под угрозой незаконного и необоснованного ограничения [15, с. 49–50].

Видимо, поэтому законодатель, несмотря на обращенные к нему призывы отказаться от стадии возбуждения, благоразумно предпочитает ее сохранять, вместе с тем усиливая возможности тщательного выяснения оснований для возбуждения уголовного дела, чему может способствовать введение в состав уголовно-процессуальной проверки отдельных следственных действий. Правда, не совсем ясно, что могло иметься в виду в качестве критерия для отбора таких действий.

С учетом применяемой в УПК РФ терминологии следственные действия, хотя принудительность их осуществления не исключается, не относятся к мерам процессуального принуждения. Таковыми согласно разделу IV являются лишь задержание, меры пресечения и иные меры принудительного характера, среди которых ни одно следственное действие не фигурирует, поэтому использование в установлении оснований для возбуждения уголовного дела любого из следственных действий, перечисленных в гл. 24–27 УПК РФ, в настоящее время формально не может рассматриваться как нарушение упомянутого выше постулата о недопустимости применения в стадии возбуждения уголовного дела мер принуждения. Тем не менее согласно ст. 144 УПК РФ круг следственных действий, допускаемых в стадии возбуждения уголовного дела, ограничен только назначением и производством экспертизы (включая получение, в связи с ее производством, образцов для сравнительного исследования), освидетельствование и осмотр места происшествия, документов, предметов и трупов.

Если предположить, что допустимость производства тех или иных следственных действий до возбуждения уголовного дела предопределяется степенью их принудительности (желательно невысокой), то возникает вопрос о правомерности отнесения к ним как назначения и производства экспертизы, так и освидетельствования, поскольку проявление принуждения при их производстве может быть достаточно велико. Известны случаи, когда в связи с получением образцов крови для сравнительного исследования при проведении в последующем соответствующей экспертизы у лица, отказавшегося добровольно предоставить образцы, взятие крови осуществлялось насильственно с применением наручников, что признается судебной практикой правомерным [1]. Принудительно согласно ст. 179 УПК РФ может быть также произведено и освидетельствование. Не исключается, что перечень подобных действий, допускаемых до возбуждения уголовного дела по мотивам их неотложности и необходимости обеспечения раскрываемости преступлений, может быть в дальнейшем расширен.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Принимая во внимание необходимость соблюдения, с одной стороны, заинтересованности общества и государства в защите от проявлений преступности, с другой – интересов отдельных личностей в защите их прав, свобод при вовлечении их в уголовный процесс на самом начальном этапе его осуществления без обретения ими статуса подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего и т. д., законодатель, очевидно, с целью облегчить участь таковых, наделяет их комплексом прав, позволяющих смягчить последствия возможного неблагоприятного воздействия на них со стороны осуществляющих уголовное преследование должностных лиц органов предварительного расследования. Лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, подобно тому, как принято на предварительном расследовании, разъясняются их процессуальные права и обязанности, в том числе права, определяемые через понятия привилегии от самообвинения и свидетельского иммунитета, а также право пользоваться услугами адвоката. Названным лицам обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы. При необходимости в отношении их могут применяться меры безопасности, ранее применявшиеся только после возбуждения уголовного дела (ч. 1.1 ст. 144 УПК). Проявляется склонность идти навстречу таким лицам ради смягчения возможного воздействия на них, и в следственной практике это находит отражение. Так, по аналогии с правилами производства предварительного расследования при осуществлении проверочной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела допускается участие законных представителей несовершеннолетних, в отношении которых подлежит решению вопрос о возбуждении уголовного дела, например, при заявлении несовершеннолетними явки в повинной [16, с. 34].

Анализ существующих особенностей стадии возбуждения уголовного дела позволяет прийти к выводу о том, что она не только служит фильтром, позволяющим исключать из предмета предварительного расследования сведения о деяниях заведомо не криминального характера, но и является своего рода «буферной зоной» [6, с. 122], режим пребывания в которой для вовлекаемых в нее лиц, в отношении которых еще только решается вопрос о возбуждении уголовного дела, и других является менее строгим (более мягким) в сравнении с порядком расследования преступлений. Из признания данного факта следует, что в стадии возбуждения уголовного дела с учетом ее свойств как буферной зоны, – лишь за пределами которой открывается полноценное производство по уголовному делу с использованием всех средств раскрытия и расследования преступлений, в том числе всевозможных мер процессуального принуждения, – могут применяться определенные следственные и иные проверочные действия, но не принудительно, а с согласия вовлекаемых в данную стадию лиц, вступающих в контакт со следователями, дознавателями или органами дознания. Указанное обстоятельство заслуживает быть предусмотренным в правовой регламентации стадии возбуждения уголовного дела.

Список источников

1. Александров А. С., Грачев С. А. Стадия возбуждения уголовного дела: ликвидировать нельзя оставить // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1(31). С. 101–108.
2. Жогин Н. В. Прокурорский надзор за предварительным расследованием уголовных дел. М., 1968. 264 с.

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

3. Махмутов М. В. Закон о дознании в сокращенной форме и реформа стадии возбуждения уголовного дела // *Законность*. 2013. № 7. С. 39–43.
4. Мирза Л. С. Нужна ли доследственная проверка? // *Российский следователь*. 2004. № 4. С. 13–16.
5. Полянский Н. Н. Очерк развития советской науки уголовного процесса. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1960. 212 с.
6. Словарь иностранных слов: свыше 21 000 слов / отв. ред. В. В. Бурцева, Н. М. Семенова. 2-е изд., стереотип. М. : Рус. яз. Медиа, 2004. 820 с.
7. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М. : Изд-во Наука, 1970. Т. 2, 516 с.
8. Строгович М. С. Уголовный процесс. М. : Юриздат, 1946. 512 с.
9. Теория и практика возбуждения уголовного дела : учеб. пособие / отв. ред. Л. Н. Масленникова, Т. Ю. Вилкова. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2026. 288 с.
10. Уголовный процесс : учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общ. ред. А. В. Смирнова; вступ. ст. В. Д. Зорькина. 9-е изд., перераб. М. : Норма : ИНФРА-М, 2026. 840 с.
11. Уголовный процесс : учебник / под ред. А. Д. Прошлякова, В. С. Балакшина, Ю. В. Козубенко. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2026. 888 с.
12. Усачев А. А. Теория и практика проверки законности и установления основания к возбуждению уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 23 с.
13. Химичева Г. П. Уточнить процедуру доследственной проверки // *Уголовное судопроизводство*. 2012. № 1. С. 23–26.
14. Чупилкин Ю. Б. Гарантии прав личности в стадии возбуждения уголовного дела // *Российская юстиция*. 2010. № 2. С. 43–45.
15. Шадрин В. С. Судьба стадии возбуждения уголовного дела // *Законность*. 2015. № 1. С. 47–51.
16. Шадрин В. С., Аракелян К. А. Проблемы законного представительства несовершеннолетних, в отношении которых решается вопрос о возбуждении уголовного дела // *Криминалист*. 2010. № 2(14). С. 30–35.
17. Шувалов Н. В. Получение образцов для сравнительного исследования: проблемы и решения // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2022. № 4(63). С. 81–86.

References

1. Alexandrov, A. S. & Grachev, S. A. 2015, 'The stage of initiation of a criminal case: it is impossible to liquidate', *Legal science and law enforcement practice*, iss. 1(31), pp. 101–108.
2. Zhogin, N. V. 1968, *Prosecutor's supervision of the preliminary investigation of criminal cases*, Moscow.
3. Makhmutov, M. V. 2013, 'The law on inquiry in an abbreviated form and the reform of the stage of initiation of a criminal case', *Legality*, iss. 7, pp. 39–43.
4. Mirza, L. S. 2004, 'Is a pre-investigation check necessary?', *The Russian investigator*, iss. 4, pp. 13–16.
5. Polyansky, N. N. 1960, An essay on the development of the Soviet science of criminal procedure, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Moscow.
6. Burtsev, V. V. & Semenov, N. M. (eds) 2004, *Dictionary of foreign words: over 21,000 words*, Moscow.
7. Strogovich, M. S. 1970, *The course of the Soviet criminal process*, vol. 2, Nauka Publishing House, Moscow.

8. Strogovich, M. S. 1946, *Criminal procedure*, Yurizdat, Moscow.
9. Maslennikova, L. N. & Vilkova, T. Y. 2026, *Theory and practice of criminal proceedings: textbook*, Norma, INFRA-M, Moscow.
10. Smirnov A. V. (ed.) 2026, *Criminal procedure: textbook*, 9th edn, Norma, INFRA-M, Moscow.
11. Proshlyakov, A. D., Balakshin, V. S. & Kozubenko, Yu.V. (eds) 2026, *Criminal procedure: textbook*, Norma, INFRA-M, Moscow.
12. Usachev, A. A. 2000, *Theory and practice of verifying legality and establishing grounds for initiating a criminal case: PhD thesis (Law)*, Moscow.
13. Khimicheva, G. P. 2012, 'To clarify the procedure of pre-investigation inspection', *Criminal proceedings*, iss. 1, pp. 23–26.
14. Chupilkin, Yu. B. 2010, 'Guarantees of individual rights at the stage of initiation of a criminal case', *The Russian justice system*, iss. 2, pp. 43–45.
15. Shadrin, V. S. 2015, 'The fate of the stage of initiation of a criminal case', *Legality*, iss. 1, pp. 47–51.
16. Shadrin, V. S. & Arakelyan, K. A. 2010, 'Problems of legal representation of minors in respect of whom the issue of initiating a criminal case is being resolved', *Criminalist*, iss. 2(14), pp. 30–35.
17. Shuvalov, N. V. 2022, 'Obtaining samples for comparative research: problems and solutions', *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 4(63), pp. 81–86.

Информация об авторе

В. С. Шадрин – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры управления следственной деятельности.

Information about the author

V. S. Shadrin – Sc.D (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor of the investigative management department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 12.07.2026; одобрена после рецензирования 08.08.2026; принята к публикации 18.09.2026.

The article was submitted 12.07.2026; approved after reviewing 08.08.2026; accepted for publication 18.09.2026.

НАУЧНАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Научная статья
УДК

РЕЦЕНЗИЯ НА 2-Е ИЗДАНИЕ МОНОГРАФИИ «НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО И ИНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СВЯЗИ С ПРИНЯТИЕМ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА “О ПРОБАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ”» ПОД РЕДАКЦИЕЙ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА А. П. СКИБЫ

Светлана Викторовна Шевелева¹

¹ Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия, uridf@yandex.ru

Аннотация. В статье представлена рецензия на монографию коллектива авторов «Направления совершенствования уголовно-исполнительного и иного законодательства в связи с принятием Федерального закона “О пробации в Российской Федерации”». Делается вывод об актуальности, теоретической и практической значимости рецензируемого издания. Вместе с тем отмечаются и некоторые недостатки ее содержания. В частности, в контексте развития изучаемой проблематики интересным виделся бы дальнейший анализ постпенитенциарных вопросов оказания помощи и контроля за поведением лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы, в том числе для более эффективного достижения целей применения наказаний и пробации.

Ключевые слова: рецензия, монография, уголовно-исполнительное законодательство, пробация

Для цитирования

Шевелева С. В. Рецензия на 2-е издание монографии «Направления совершенствования уголовно-исполнительного и иного законодательства в связи с принятием Федерального закона “О пробации в Российской Федерации”» под редакцией доктора юридических наук, профессора А. П. Скибы // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21(1–4), № 3. С. 497–500.

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL LIFE

Original article

**REVIEW OF THE SECOND EDITION OF THE MONOGRAPH
"DIRECTIONS FOR IMPROVING PENAL ENFORCEMENT
AND OTHER LEGISLATION IN CONNECTION WITH
THE ADOPTION OF THE FEDERAL LAW "ON PROBATION
IN THE RUSSIAN FEDERATION" EDITED BY SC.D (LAW),
PROFESSOR ANDREY PETROVICH SKIBA**

Svetlana Viktorovna Sheveleva¹

¹ Southwestern State University, Kursk, Russia, uridf@yandex.ru

Abstract. The article presents a review of the monograph by the team of authors "Directions for improving penal enforcement and other legislation in connection with the adoption of the Federal Law "On Probation in the Russian Federation". The author comes to the conclusion about the relevance, theoretical and practical significance of the reviewed publication. At the same time, there are some shortcomings in its content. In particular, in the context of the development of the studied issues, it would be interesting to further analyze the post-penitentiary issues of providing assistance and monitoring the behavior of persons released from institutions of the penal system, including for more effective achievement of the goals of punishment and probation.

Keywords: review, monograph, penal legislation, probation

For citation

Sheveleva, S. V. 2026, 'Review of the second edition of the monograph "Directions for improving penal enforcement and other legislation in connection with the adoption of the Federal Law "On Probation in the Russian Federation" edited by Sc.D (Law), Professor Andrey Petrovich Skiba', *Penal law*, vol. 21(1–4), iss. 3, pp. 497–500.

Для эффективного предупреждения совершения новых преступлений как цели применения наказаний требуется ее надлежащее отражение в иных нормативных правовых актах, кроме уголовного закона, включая средства достижения данной цели, полномочия соответствующих должностных лиц государственных органов и пр. Отчасти это закреплено в уголовно-исполнительном законодательстве, а также не так давно принятом Федеральном законе «О пробации в Российской Федерации», хотя они более ориентированы соответственно на такие цели, как исправление осужденных, коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых применяется пробация. Между тем не вызывает сомнения необходимость профилактики преступного и иного правонарушающего поведения осужденных, что требует комплексных научных исследований в изучаемой области.

Авторским коллективом еще в первом издании данной монографии 2025 г. обоснованно сделан упор на ряде междисциплинарных вопросов, непосредственно имею-

щих отношение к решению теоретико-прикладных проблем, связанных с реализацией трех видов probation в нашей стране, особенно постпенитенциарной. В основном они связаны с досрочным освобождением осужденных от отбывания наказания (условно-досрочным освобождением и пр.), вопросами достижения целей применения наказания, оценкой степени исправления осужденных, учета их участия в probationных мероприятиях, контролем за их поведением после освобождения и т. д. Подразумевается, что вышеуказанные правоотношения, регулируемые, прежде всего, в уголовном, уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном законодательстве, должны корректироваться и развиваться во взаимосвязи друг с другом.

Таким образом, целесообразно поддержать продолжение рецензируемой монографической работы, посвященной развитию положений многочисленных нормативных правовых актов с учетом принятия Федерального закона «О probation в Российской Федерации».

Во втором издании монографии, наряду с рекомендациями по развитию уголовно-исполнительного и иного законодательства, в том числе организационно-правовых основ деятельности центров probation, совершенствованию уголовного, уголовно-процессуального и другого законодательства о противодействии преступности и т. д. акцентировано внимание на в целом разносторонней деятельности правоохранительных и судебных органов, а также на стадии исполнения приговора, в которой решаются многочисленные вопросы замены вида наказания, досрочного освобождения от его отбывания и пр., особенно в контексте предупреждения совершения новых преступлений как одной из целей probation и применения наказаний.

Авторский коллектив разнообразен и состоит из специалистов из Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации (Е. В. Безручко, Р. М. Кашапов, А. А. Лада, А. В. Петрянин, А. П. Скиба, С. В. Харченко, В. С. Шадрин), Амурского государственного университета (Т. П. Бутенко), Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (Е. В. Ермаков), Академии ФСИН России (Е. В. Кокорев), Московского ордена почета университета МВД России имени В. Я. Кикотя (И. Н. Коробова), Бурятского государственного университета имени Д. Банзарова (А. Н. Мяханова) и Сибирского юридического института МВД Российской Федерации (П. В. Тепляшин), что позволило всесторонне рассмотреть многочисленные направления совершенствования уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и иного законодательства в связи с появлением Федерального закона «О probation в Российской Федерации».

Вместе с тем представляется, что в контексте развития изучаемой проблематики интересным виделся бы дальнейший анализ постпенитенциарных вопросов оказания помощи и контроля за поведением лиц, освобожденных из учреждений уголовно-исполнительной системы, в том числе для более эффективного достижения целей применения наказаний (ст. 43 УК РФ) и probation (ст. 4 Федерального закона «О probation в Российской Федерации»). В то же время данная рекомендация не снижает высокую оценку работы, проделанной авторским коллективом.

Таким образом, второе издание монографии «Направления совершенствования уголовно-исполнительного и иного законодательства в связи с принятием Федерального закона «О probation в Российской Федерации»» актуально, имеет теоретическое и практическое значение, а также может быть опубликовано.

Список источников

1. Направления совершенствования уголовно-исполнительного и иного законодательства в связи с принятием Федерального закона “О пробации в Российской Федерации” : монография / под ред. А. П. Скибы. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2026. 258 с.

References

1. Skiba, A. P. (ed.) 2026, *Directions for improving penal and other legislation in connection with the adoption of the Federal Law "On Probation in the Russian Federation": monograph*, 2nd edn, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg.

Информация об авторе

С. В. Шевелева – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета.

Information about the author

S. V. Sheveleva – Sc.D (Law), Professor, dean of the faculty of law.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 12.07.2026; одобрена после рецензирования 08.08.2026; принята к публикации 22.09.2026.

The article was submitted 12.07.2026; approved after reviewing 08.08.2026; accepted for publication 22.09.2026.

Научная статья
УДК

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ УЧАСТНИКОВ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Александр Викторович Шеслер¹

¹ Кузбасский институт ФСИН России, г. Новокузнецк, Россия, sofish@inbox.ru

Аннотация. На заседании диссертационного совета 24.2.336.03, созданного на базе Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 25 июня 2026 года прошла защита диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук Егорова Андрея Николаевича на тему «Множественность лиц в преступлении: уголовно-правовая оценка» по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки. Диссертационный совет принял решение о том, что диссертация А. Н. Егорова является законченной научно-квалифицированной работой, в которой содержится решение научной проблемы, имеющей значение для уголовно-правовой доктрины. По содержанию и структуре исследование, вынесенное на публичную защиту, отвечает установленным требованиям Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842. Статья представляет собой отзыв официального оппонента на диссертацию, в которой подвергнуты анализу структура и содержание диссертации А. Н. Егорова.

Ключевые слова: множественность лиц в преступлении, соучастие в преступлении, совершение преступления группой лиц, соучастие в преступной деятельности, посредственное совершение преступления, неосторожное сопричинение

Для цитирования

Шеслер А. В. Дискуссионные вопросы уголовно-правовой множественности участников одного преступления // Уголовно-исполнительное право. 2026. Т. 21(1–4), № 3. С. 501–509.

Original article

CONTROVERSIAL ISSUES OF THE CRIMINAL LAW PLURALITY OF PARTICIPANTS IN ONE CRIME

Alexander Viktorovich Shesler¹

¹ Kuzbass Institute of the FPS of Russia, r. Novokuznetsk, Russia, sofish@inbox.ru

Abstract. At the meeting of the dissertation Council on 24.2.336.03, established on the basis of the Kutafin Moscow State Law University (MGUA), on June 25, 2026, Andrei Nikolaevich Egorov defended his thesis for the degree of Candidate of Law on the topic "Plurality of persons in a crime: criminal law assessment" in the specialty 5.1.4. Criminal Law Sciences. The Dissertation Council decided that the thesis of A. N. Egorova is a completed, scientifically qualified work that contains a solution to a scientific problem relevant to criminal law doctrine. In terms of content and structure, the research submitted for public protection meets the established requirements of the Regulations on the Procedure for Awarding Academic Degrees, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation dated September 24, 2013. № 842. The article is a review by an official opponent of a dissertation in which the structure and content of A. N. Egorov's dissertation are analyzed.

Keywords: multiplicity of persons in a crime, complicity in a crime, commission of a crime by a group of persons, complicity in criminal activity, mediocre commission of a crime, negligent complicity

For citation

Shesler, A. V. 2026, 'Controversial issues of the criminal law plurality of participants in one crime', *Penal law*, vol. 21(1–4), iss. 3, pp. 501–509.

Актуальность темы исследования сомнений не вызывает и обусловлена прежде всего тем, что в теории уголовного права до сих пор не только не решена, но и внятно не сформулирована проблема определения оснований и пределов уголовной наказуемости тех из связанных одним преступлением физических лиц, которые обладают признаками субъекта преступления, однако не являются соучастниками преступления. В первую очередь это касается нескольких лиц, причастных к одному преступному результату. Нерешенность такой проблемы приводит к тому, что законодатель интуитивно создает правовые конструкции, отражающие причастность к одному преступлению либо определенную связь с ним нескольких лиц, которая не является соучастием в преступлении: совершение преступления посредством использования лиц, не подлежащих уголовной ответственности (ч. 2 ст. 33 УК РФ), фактическое участие нескольких лиц в создании обстановки совершения другим лицом преступления (толпы при массовых беспорядках – ст. 212 УК РФ), в образовании девиантных или преступных групп, воплощающих результат преступления других лиц (притона – в ст. 232, 241 УК РФ) либо используемых в качестве средства совершения преступления (преступной группы – ст. 150 УК РФ, религиозного или общественного объединения – ст. 239 УК РФ) и т. д. Анализ содержания ст. 35, 210 УК РФ позволяет сделать вывод о том, что преступное сообщество является

не соучастием в преступлении, а совместной деятельностью лидеров преступной среды, направленной на ее консолидацию.

Вместе с тем отдельные решения законодателя вызывают удивление в силу явной их абсурдности. В частности, признание наличия группы лиц по предварительному сговору и даже организованной группы в неосторожном преступлении, предусмотренном ст. 263.1 УК РФ. Весьма интересно, какие признаки организованной группы выделил бы Пленум Верховного Суда РФ применительно к этому преступлению? В частности, насколько применимы к неосторожному преступлению ранее выделенные им такие признаки организованной группы, как наличие организатора, постоянство форм и методов преступной деятельности, наличие заранее разработанного плана совместной преступной деятельности, распределение между членами группы функций при подготовке к совершению преступлений, длительность такой подготовки, техническая оснащенность группы?

В практике применения уголовного закона имеет место расширительное толкование обстоятельства, отягчающего наказание (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ), и квалифицирующего признака ряда составов преступлений в виде совершения деяния группой лиц. Под ними понимается не только соисполнительство в преступлении, но и выполнение объективной стороны преступления действиями нескольких лиц, из которых лишь одно обладает признаками субъекта преступления, а другие не подлежат уголовной ответственности в силу недостижения соответствующего возраста, невменяемости или других обстоятельств (например, в силу применения ч. 3 ст. 20 УК РФ). К сожалению, подобная судебная практика находит поддержку у ряда исследователей, полагающих, что групповое посягательство – это не всегда соучастие в преступлении, а прежде всего способ выполнения объективной стороны преступления, обладающий повышенной опасностью в силу большей результативности согласованного непосредственного воздействия на объект преступления (прежде всего на потерпевшего) аналогичных усилий нескольких лиц, по сравнению с непосредственным посягательством одного лица.

Представляется, что исследование А. Н. Егорова в значительной мере способствует решению вопросов уголовно-правовой оценки причастности нескольких лиц к одному преступлению законодателем, правоприменителями и исследователями.

Поставленная в работе цель в виде разработки теоретических положений, позволяющих определить правила квалификации множественности лиц в преступлении и внести соответствующие предложения по совершению уголовного законодательства, достигнута, задачи, сформулированные соискателем, необходимые для достижения такой цели, решены. Правильно сформулированы объект и предмет исследования.

Научная новизна исследования характеризуется наличием в нем принципиально новых положений, полученных лично соискателем, позволяющих определить исследование как научно-квалификационную работу, содержащую решение задач, имеющих существенное значение для теории и практики. К ним следует отнести:

- творческое обобщение предшествующих научных исследований, посвященных множественности лиц в преступлении, которое позволило определить состояние исследуемой проблемы, наметившиеся подходы к ее решению;
- историко-правовой анализ отечественного уголовного законодательства, позволивший выявить нормы, свидетельствующие о попытке законодателя отразить уголовно-правовую оценку различных видов причастности нескольких лиц к одному преступлению помимо соучастия в нем;

– определение множественности лиц в преступлении как фактического стечения нескольких лиц в одном и том же умышленном или неосторожном преступлении, как минимум, одно из которых подлежит уголовной ответственности;

– обоснование следующих видов множественности лиц в преступлении: умышленное совместное участие двух или более лиц, подлежащих уголовной ответственности, в совершении умышленного преступления; умышленное содействие совершению умышленного преступления другим лицом, не осведомленным о таком содействии; совершение преступления лицом, обладающим признаками субъекта преступления, посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств; совместное совершение преступления несколькими лицами, только одно из которых обладает признаками субъекта преступления; причинение единого общественно опасного последствия по неосторожности несколькими лицами, обладающими признаками субъекта преступления;

– установление отличия множественности лиц в преступлении от иных ситуаций стечения нескольких лиц в одном преступлении: от прикосновенности к преступлению (несообщения о преступлении, его укрывательства, попустительства преступлению) и от иных смежных уголовно-правовых явлений (преступлений, предусмотренных ст. 174, 175, 205.2, 205.5, 210.1 УК РФ, последовательного совершения самостоятельных преступлений, «параллельного соисполнительства», процессуального соучастия);

– предложения по квалификации и назначению наказания при множественности лиц в преступлении; наиболее важным и обоснованным из них представляется предложение об отказе правоприменителя от вменения группы лиц как квалифицирующего признака или обстоятельства, отягчающего наказание (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ), при выполнении объективной стороны преступления усилиями нескольких лиц, из которых лишь одно является субъектом преступления;

– предложения по внесению дополнений в действующее уголовное законодательство, связанные с квалификацией и назначением наказания при множественности лиц в преступлении; наиболее актуальным из них представляется предложение, альтернативное законодательному решению вопроса о неосторожном сопричинении в ч. 3, ч. 4 ст. 263.1 УК РФ (в виде указания на совершение неосторожного преступления группой лиц по предварительному сговору и организованной группой), состоящее в указании на совместное неисполнение обязанностей двумя и более лицами по обеспечению безопасности, повлекшее по неосторожности наступление тяжких последствий

Обоснованность предложений, выводов и положений, выносимых на защиту, в работе определяется методологической основой проведенного исследования. Ее составили общенаучные методы (анализ и синтез, индукция и дедукция, системный подход и др.) и частнонаучные методы (формально-логический, историко-правовой, контент-анализ, экспертный опрос и др.) познания. Использование в процессе диссертационного исследования перечисленных методов обусловлено направленностью темы работы, включая ее ориентированность на практический подход к решению проблем, связанных с уголовно-правовой оценкой действий множественности лиц применительно к одному преступлению, разработкой правил их квалификации и соответствующих предложений по совершенствованию уголовного законодательства.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что его результаты вносят вклад в теорию уголовного права о соучастии в преступлении, других видах мно-

жественности участников одного преступления, в целом о стечении нескольких лиц в одном преступлении.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные выводы и предложения могут быть использованы: законодателем при изменении и дополнении Общей и Особенной частей Уголовного кодекса Российской Федерации; при подготовке соответствующих постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации; при изучении дисциплины «Уголовное право» в образовательных учреждениях, прежде всего вопросов, касающихся соучастия в преступлении; при повышении квалификации судей, работников прокуратуры и сотрудников правоохранительных органов.

Положения диссертационного исследования прошли необходимую апробацию. Полученные в ходе исследования выводы и предложения нашли отражение в девяти научных статьях, пять из которых опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и образования Российской Федерации для опубликования в них основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук (общим объемом в 4,6 п. л.). Содержание отдельных положений докладывалось соискателем на трех всероссийских и международных конференциях.

Эмпирическая основа исследования может быть оценена как репрезентативная и достаточная для подготовки диссертационного исследования и формулирования положений, выносимых на защиту. В ее основу положен целый ряд постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Соискателем изучено значительное количество приговоров судов первой инстанции за 2019–2025 гг. в отношении соучастников и иных лиц, причастных к совершению одного преступления, соответствующие статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2019–2025 гг. Кроме того, соискателем проведен экспертный опрос следователей, прокуроров, судей и адвокатов по теме исследования.

Степень достоверности полученных результатов и выводов диссертационного исследования определяется выбором методов исследования, анализом отечественного уголовного законодательства, соответствующих научных работ, обобщением судебной практики по теме исследования, результатами экспертного опроса.

Структура диссертации, которая отразила поставленные соискателем цели и задачи, представляется логичной. Она состоит из введения, трех глав, включающих в себя семь параграфов, заключения, библиографического списка и приложений.

Во введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, показывается степень его научной разработанности; определяются цели и задачи, объект и предмет исследования; раскрывается его научная новизна; характеризуются теоретическая и практическая значимость исследования, его методологическая и эмпирическая основы; излагаются основные положения, выносимые на защиту; приводятся данные о степени достоверности полученных результатов и выводов, об апробации исследования; обозначается структура работы.

Первая глава диссертации посвящена историческим аспектам множественности лиц в преступлении в отечественном уголовном законодательстве и науке уголовного права. Соискатель отмечает, что в законодательстве в основном развивались положения, касающиеся соучастия в преступлении и его отличия от укрывательства преступлений и недонесения о них. В работе констатируется, что отдельные авторы выделяли иные формы стечения нескольких лиц в одном преступлении помимо соучастия и прикосновенности к преступлению (неосторожное сопричинение, участие в выполнении объек-

тивной стороны преступления нескольких лиц, из которых лишь одно подлежало уголовной ответственности, посредственное исполнение и др.).

Во второй главе диссертации дается понятие множественности лиц в преступлении как фактического стечения нескольких лиц в одном и том же умышленном или неосторожном преступлении, как минимум одно из которых подлежит уголовной ответственности. В качестве признаков множественности лиц в преступлении соискателем выделяются: а) два или более лиц, из которых хотя бы одно обладает признаками субъекта преступления; б) участие в одном и том же преступлении; в) наличие как умышленной, так и неосторожной формы вины; г) наличие односторонней, многосторонней или отсутствия субъективной связи.

В исследовании обосновывается выделение следующих видов множественности участников одного преступления: умышленное совместное участие двух или более лиц, подлежащих уголовной ответственности, в совершении умышленного преступления; умышленное содействие совершению умышленного преступления другим лицом, не осведомленным о таком содействии; совершение преступления лицом, обладающим признаками субъекта преступления, посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств; совместное совершение преступления несколькими лицами, только одно из которых обладает признаками субъекта преступления; причинение единого общественно опасного последствия по неосторожности несколькими лицами, обладающими признаками субъекта преступления.

В работе констатируется, что значительная часть этих видов множественности не нашла отражения в уголовном законодательстве, несмотря на то что некоторые из них по общественной опасности сопоставимы с соучастием в преступлении. В связи с этим соискателем вносятся предложения по внесению дополнений в действующее уголовное законодательство, связанные с квалификацией и назначением наказания при множественности лиц в преступлении (об исключении из ч. 4, 5 положений о преступном сообществе, о замене в ч. 3 ст. 205.1 и ч. 3 ст. 281.1 УК РФ термина «пособничество» на термин «содействие», о дополнении УК РФ ст. 32.1, закрепляющей дефиницию тайного участия в преступлении, и др.). Некоторые из них не бесспорны, однако вызывают научный интерес и могут служить предметом конструктивной научной полемики.

Соискателем обоснованно критикуется законодательное решение вопроса о неосторожном сопричинении в ч. 3, 4 ст. 263.1 УК РФ в виде указания в качестве квалифицирующих признаков на совершение неосторожного преступления группой лиц по предварительному сговору и организованной группой. В работе правильно отмечается, что данные квалифицирующие признаки предполагают единство умысла на достижение преступного результата, которое невозможно в неосторожных преступлениях. Исходя из этого предлагается иное законодательное решение вопроса о неосторожном сопричинении, состоящее в указании на совместное неисполнение обязанностей двумя и более лицами по обеспечению безопасности, повлекшее за собой по неосторожности наступление тяжких последствий.

В третьей главе диссертации обосновывается отличие множественности лиц в преступлении от иного участия нескольких лиц в преступной деятельности, а именно: от прикосновенности к преступлению (несообщения о преступлении, его укрывательства, попустительства преступлению) и от иных смежных уголовно-правовых явлений (преступлений, предусмотренных ст. 174, 175, 205.2, 205.5, 210.1 УК РФ, последовательного

НАУЧНАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

совершения самостоятельных преступлений и др.). В частности, в работе указывается на то, что при прикосновенности к преступлению отсутствует совместность деяния прикосновенного лица и преступления, совершенного другим лицом: прикосновенность является самостоятельным преступлением, а не участием в каком-либо преступлении, она носит производный характер от преступления, совершенного другими лицами, в которое прикосновенное к нему лицо не вносит никакого вклада и которое не является для него общим с лицом, его совершившим. Акцент на отсутствии совместного участия в одном преступлении делается и при характеристике иных смежных с множественностью лиц уголовно-правовых явлений.

В заключении диссертации формулируются его основные выводы. В приложениях содержатся редакция предлагаемых соискателем изменений и дополнений УК РФ, результаты экспертного опроса федеральных судей, прокуроров, следователей и адвокатов по теме исследования, выборка судебной практики по вопросу вменения квалифицирующего признака совершения преступления группой лиц, включающей только одно лицо, обладающее признаками субъекта преступления.

Несмотря на актуальность и научную новизну диссертационного исследования, в нем содержатся положения, по поводу которых следует сделать замечания.

1. Объектом критики является предложенный соискателем термин «множественность лиц в преступлении». В работе отмечается, что этот термин наиболее приемлем для обозначения изученных им ситуаций причастности нескольких лиц к одному преступлению [1, с. 84, 102–104]. На наш взгляд, буквальное толкование этого термина позволяет понимать под ним не только ситуации, составившие предмет настоящего исследования, но и деяния нескольких лиц, которые не обладают причиняющим воздействием в отношении объекта совершенного преступления. В частности, к таким относятся деяния участников религиозных и общественных объединений, притонов, которые не подпадают под признаки преступлений, указанных соответственно в ст. 232, 239, 241 УК РФ, и даже деяния потерпевших, вовлекаемых в девиантную или правонарушающую деятельность, не являющуюся преступлением (в антиобщественную деятельность – ст. 151 УК РФ, в противоправные действия, представляющие опасность для жизни несовершеннолетних, – ст. 151.2 УК РФ, в занятие проституцией – ст. 240 УК РФ и др.). Кроме того, под этим термином можно понимать заранее не обещанное укрывательство совершаемого, но еще не оконченного преступления (например, продолжаемого или длящегося), заранее не обещанное несообщение о таком преступлении либо попустительство ему, которые соискатель не относит к изученным им видам множественности [1, с. 13, 165–175, 196].

2. Не в полной мере логически согласуются между собой данное в работе определение множественности лиц в преступлении [1, с. 10, 103, 192], выделенные ее признаки [1, с. 10, 95, 103] и виды [1, с. 9–11, 103–104, 160, 193]. Во-первых, потому, что указание в определении такой множественности на стечение нескольких лиц в одном преступлении позволяет включить в нее деяния лиц, которые, как уже отмечалось, не обладают причиняющим воздействием в отношении объекта совершенного преступления. В работе подобные ситуации к видам множественности лиц в преступлении не отнесены. Во-вторых, указание в определении такой множественности и ее признаках на одно преступление, как свидетельствует анализ текста работы, не является обязательным для всех ее видов. В частности, для такой разновидности выделенного соискателем неосторожного сопричинения как случайного, при котором преступный результат является следствием случайного совпадения независимых нарушений, например, при встречном

столкновении транспортных средств, водители которых оба нарушили правила дорожного движения [1, с. 85, 86, 151]. В подобных ситуациях совершается не одно, а два преступления. Причем сам соискатель отмечает, что в данных ситуациях, несмотря на единый результат, действия водителей были разрозненны, и каждый из них несет персональную ответственность по ст. 264 УК РФ [1, с. 149]. Два преступления совершаются и при выделенном в работе в качестве вида множественности лиц в преступлении тайном участии одного лица в преступлении другого [1, с. 9, 10, 104, 134–135, 160, 193]. Например, лицо, специально оставившее яд на видном для убийцы месте без договоренности с ним, будет нести ответственность не за убийство, а за нарушение правил хранения ядовитых веществ, повлекшее за собой причинение существенного вреда (ч. 4 ст. 234 УК РФ). Два преступления совершаются также при таком указанном соискателем виде множественности, как сопричинение вреда, при котором один из сопричинителей действовал умышленно, а второй – по неосторожности. Их действия квалифицируются по разным статьям УК РФ соответственно как умышленное и неосторожное преступление [1, с. 11, 156–158]. В-третьих, вряд ли можно считать в качестве признака множественности лиц в преступлении субъективную связь между его участниками, так как такая связь, как утверждает соискатель, может отсутствовать [1, с. 10, 95, 97], например, при так называемом случайном сопричинении [1, с. 149–151, 154].

Полагаем, что указанное некоторое логическое несоответствие между определением множественности лиц в преступлении, ее признаками и видами можно избежать, если выделить ключевой признак такой множественности в виде совместности деяний участников одного преступления, которая означает общность их деяния, единый для них преступный результат, причинную связь между ними, а также двустороннюю связь между ними, предполагающую согласованность их действий. Безусловно, такая согласованность носит различный характер. В наиболее усеченном виде она представлена в неосторожном сопричинении, при котором согласованность действий существует только при совместном нарушении общих или специальных правил предосторожности и не распространяется на последствия единого результата их деяния. Такой подход в работе соискателя наметился, так как он изначально исходил из того, что его исследование предполагает охватить «...все многообразие видов совместной преступной деятельности в одном преступлении» [1, с. 7]. Кроме того, при установлении отличия множественности лиц в преступлении от иных ситуаций участия нескольких лиц в преступной деятельности в третьей главе диссертации соискатель в основном указывает на отсутствие при таком участии совместности деяний этих лиц. Безусловно, что при предлагаемом нами подходе к видам рассматриваемой множественности могут быть отнесены только соучастие в преступлении, посредственное причинение, выполнение объективной стороны преступления несколькими лицами, из которых лишь одно обладает признаками субъекта преступления, неосторожное сопричинение. Исходя из этого можно предложить в качестве термина, объединяющего все виды совместного совершения одного преступления, «множественность лиц, совместно совершивших одно преступление».

3. Вызывает возражение выделение соискателем в качестве вида неосторожного сопричинения случайного сопричинения [1, с. 11–12, 149–151, 153, 179], при котором, в отличие от выделенного автором системного причинения, отсутствует совместность деяния. При «случайном сопричинении» каждый из причинителей вреда самостоятельно, не согласуя с другим причинителем, нарушает общие или специальные правила

предосторожности, а единый преступный результат наступает вследствие случайного совпадения таких независимых друг от друга нарушений. Сам термин «сопричинение» предполагает совместное причинение, которое является результатом согласованного нарушения двумя и более лицами общих или специальных правил предосторожности, влекущих за собой единый преступный результат. Совместное причинение в «случайном сопричинении» отсутствует.

Вместе с тем высказанные замечания не влияют на общую положительную оценку диссертационного исследования и могут лишь послужить предметом научной дискуссии во время его защиты.

Вывод: диссертация Егорова Андрея Николаевича «Множественность лиц в преступлении: уголовно-правовая оценка» является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей важное значение для развития юридической науки и практики, что соответствует требованиям пп. 9–14 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, предъявляемым к диссертационным работам на соискание ученой степени кандидата юридических наук, а Егоров Андрей Николаевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. «Уголовно-правовые науки».

Список источников

1. Егоров А. Н. Множественность лиц в преступлении: уголовно-правовая оценка : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2026. 248 с.

References

1. Egorov, A. N. 2026, *Plurality of persons in a crime: criminal law assessment: PhD thesis (Law)*, Moscow.

Информация об авторе

А. В. Шеслер – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин.

Information about the author

A. V. Shesler – Sc.D (Law), Professor, professor of the criminal law disciplines department.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 12.07.2026; одобрена после рецензирования 08.08.2026; принята к публикации 22.09.2026.

The article was submitted 12.07.2026; approved after reviewing 08.08.2026; accepted for publication 22.09.2026.